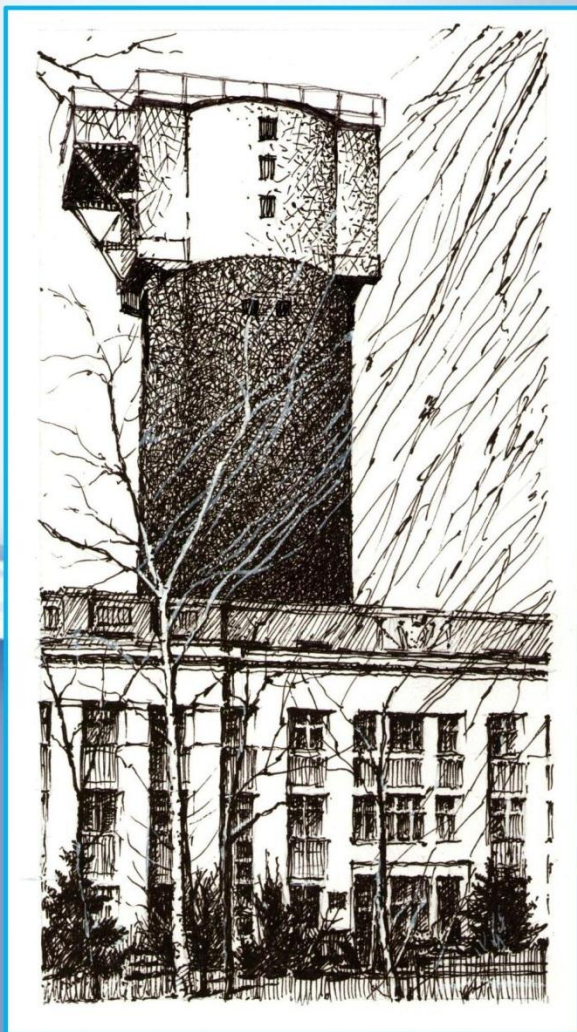

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

№ 1 (55) ММХХV

Издание выходит при содействии Союза писателей России

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ

СТИХИЙ

Творчество без лишнего пафоса

*Устав от пресной чепухи,
Как в море, ухажу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.*

Игорь Царёв

№ 1 (55) – ММХХV

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

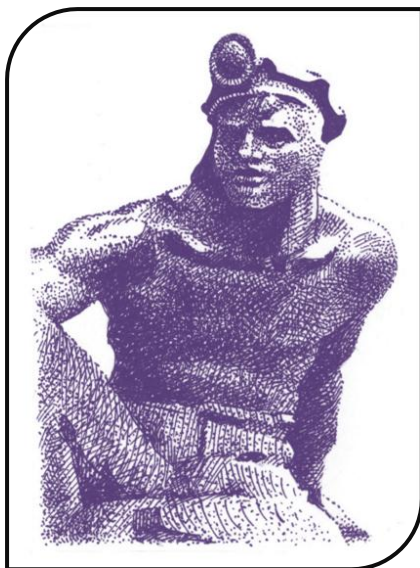
- **Елизавета Хагланова (Москва)** –
И. о. главного редактора
- **Ирина Бауэр (Донецк)**
- **Иван Волосюк (Балашиха)**
- **Андрей Икрин (Алупка)**
- **Марк Некрасовский (Луганск)**
- **Александр Товберг (СПб)**
- **Художник: Г. Н. Иванова**
- **Корректор: А. Я. Чайка**

Издаётся с ноября 2010 года.

12+ *В соответствии с законом «О
средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики
от 29 июня 2015 года.*

Работы и отзывы о журнале принимаются на п/я: 5stih@bk.ru

ё – Ёфицированное издание

Журнал «Пять стихий»
является лауреатом премии
Союза писателей России
«СЛОВО» – 2020

В НОМЕРЕ:

I. Пятая стихия

Анатолий Арестов.....	4
Кристина Денисенко.....	7
Елена Заславская.....	12
Елена Козырь.....	17
Иван Нечипорук.....	21
Олег Селедцов.....	26

II. Стихия прозы

Ирина Бауэр.....	32
Альберт Бояджян.....	38
Дмитрий Воронин.....	43
Михаил Востриков.....	55
Дмитрий Игнатов.....	65
Евгений Мирмович.....	80
Андрей Пучков.....	93

III. Беседка

Ольга Борисова.....	102
---------------------	-----

IV. Гостиный двор

«ТОБОЛ».....	110
Владимир Ага.....	111
Сергей Кокорин.....	120
Екатерина Пермьякова.....	130

V. Стихия поэтики

Нина Ищенко.....	134
Владимир Спектор.....	137
Анатолий Чайка.....	141

VI. Широкий взмах крыла

Константин Коваль.....	150
------------------------	-----

VII. События

КЛФ «Контакт».....	184
Славянская Лири - 2025.....	187

Иллюстрации рубрик – Г. Иванова;
Иллюстрации на обложке и титуль-
ной странице, художественные
заставки – **Станислав Каплун**

135 лет со дня рождения Бориса Пастернака.

10 февраля исполняется 135 лет со дня рождения Бориса Леонидовича Пастернака. Он внёс значительный вклад в развитие русской и мировой поэзии, а также в создание художественной прозы.

Жизнь Бориса Пастернака была полна противоречий и противопоставлений, как и сама эпоха, символом и голосом которой его называют.

Борис Пастернак мог стать талантливым музыкантом или философом, но тяга к слову победила в нем все остальное и определила его личность. «Пастернак – это сплошное настежь», – писала Марина Цветаева. Борис Пастернак стал вторым после Бунина русским писателем, удостоившимся Нобелевской премии по литературе, но большой успех обернулся суровой травлей.

Борис Пастернак умер в Переделкино 30 мая 1960 года, а в 1987 году его посмертно вернули в Союз писателей СССР. Шведская академия признала недействительным вынужденный отказ писателя от награды. Сын писателя Евгений Пастернак получил на официальной церемонии Нобелевский диплом и медаль в 1989 году.

Портрет Б. Пастернака работы Юрия Анненкова взят с сайта Pinterest

ПЯТАЯ СТИХИЯ

АНАТОЛИЙ АРЕСТОВ

Родился 19 июня 1985 г. в городе Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии (2003–2007). Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Роман-газета», «Волга – 21 век», «Пять стихий», «Приокские зори» и многих других изданиях. Дипломант XIV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2023 за книгу «Небо над степью.

Избранные стихотворения о родных полях». Автор книг «В потоке поэзии» (в 4-х частях) и книги «Человек дальнего неба. Миниатюры и рассказы».

СОЗЕРЦАНИЕ

Стелился туман. Участилось дыханье полыни.
Безмолвная ночь окропилась рассветным огнём.
Желанными искрами света дневное нахлынет,
поскачет по росам небесным красавцем-конём!
Стою в безмянности поля молчанием скवान:
и радостно мне, и печально познать красоту
великого мира, что небом святым поцелован
и вечность несёт первозданную в нём простоту.
И вольно душе... И приятная сырость тумана
мельчайшими каплями тихо дрожит у лица.
Приходит на ум заграничное слово «нирвана»,
но нет, не подходит, скорее явленье Отца
и Сына, и Духа. Мгновенье безудержной силой
проникло, как утренний свет, осознанье причин,
причин наносного с ухмылкой достаточно милой,
чему придаём мы значенье и жалуем чин...
Стелился туман. Участилось дыханье полыни.
Безмолвная ночь окропилась рассветным огнём.
Желанными искрами света дневное нахлынет,
поскачет по росам небесным красавцем-конём...

МИШАНЯ

Растревожили душу цветы полевые,
окропившие луг у зелёных холмов
за деревней моей, что ушла в «нулевые»,
напоследок оставив скелеты домов.
Закопчённые брёвна – сгоревшая баня,
отсыревшая дверь у дороги – сарай,
где гвоздём нацарапано имя «Мишаня»,
богохульное – «Вход в непотерянный рай».

Ох начитанный был и казался серьёзным,
гениального Мильтона знал назубок!
Но английская пуля сразила под Грозным.
«Непотерянный рай» – знать обиделся Бог.
Растревожили душу цветы полевые,
окропившие луг у зелёных холмов
за деревней моей, что ушла в «нулевые»,
напоследок оставив скелеты домов...

***

Берёзы от снега белее,
стройнее и краше стволы.
Засыпало ночью аллею.
Бегут-набегают валы
с небесного моря. Вскипели
барашки метели шальной,
согнали детишек с качели.
Играйте, но только весной!
Качались устало рябины,
студёного ветра набег
оставил ни с чем, а рубины
мороженных ягод на снег
просыпал. Белеет аллея.
Белеют деревьев стволы,
и ветер становится злее.
Бегут-набегают валы.

***

Рождество. Поля. Деревня.
Снег без ветра шёл на снег.
Задышало чем-то древним,
стал библейским человек.
Ель не убрана. Желтеет
край хвоинок. Снег на снег
на завалинку завееет.
Жив библейский человек?
Хлев. Коровы. Овцы. Птица.
Стал началом тот сарай
для божественной десницы,
для того, кто примет в рай.
Рождество. Поля. Деревня.
Подменялся веком век.
Задышало чем-то древним,
снег без ветра шёл на снег...

ЗИМНЯЯ ОПЕРА

Солнечный луч, потерявший тепло
в верхних слоях атмосферы,
жалостно светит, не грея, в стекло
– вот и дождались премьеры
оперы зимней. Билеты-листы
осень вручала в подарок,
позже усыпала ими мосты,
площади, пустоши арок.
Опера зимняя. Голос пурги
льётся сегодня сопрано,
жаль, но не видно из окон ни зги,
слишком для оперы рано...

***

Снег густой холодил,
снег густой поглотил
отсыревшие голые ветки,
человек выходил,
человек колотил
половик недостаточно ветхий,
и оставил он след –
осквернил белый плед
безмятежно лежавшего снега.
Человек выходил,
человек колотил,
вот посмотришь и нет человека...
Только снег холодит,
только снег поглотит
отсыревшие голые ветки,
только снег пролетит,
только снег окрошит
этот мир недостаточно ветхий...

КРИСТИНА ДЕНИСЕНКО

Родилась 16 октября 1983 года в посёлке Славное Шахтёрского района Донецкой области УССР. Член Межрегионального союза. Победитель международного поэтического конкурса «Платиновый век 2023». Победитель: Всероссийского конкурса патриотической поэзии имени А. Т. Твардовского; Всероссийского творческого конкурса имени Мэри Рид-2024. Дипломант международного литературного конкурса журнала «Литерра Нова» 2023/2024 и Всероссийского творческого фестиваля-конкурса «Русский Лад» 2024. Автор нескольких книг стихов и прозы.

ЗОЛОТИСТЫМ ЛУЧОМ СКВОЗЬ МОЛИТВЫ

СПИ СЛАДКО

Медузами света ужалена тьма и несносный бабай.
Не бойся, малыш, твой фрегат не потерпит фиаско.
Огнём с прототипной меноры, в семь бапен пизанских,
медовые слёзы церковных свечей разливают себя.

Святых воплощений посланников Бога по пальцам не счесть.
Твоё «Отче наш» обретает великую силу,
и ангелы сон охранять твой грядущий спустились
на борт деревянной тахты, озарённой лучами свечей.

Ещё один миг, и Синдбад-Мореход вновь отправится в путь
на поиски солнца в хрустальных дворцах многоглавых.
Всегда и во всём крест нательный тебе помогает.
Не бойся, малыш, не дослушать напутственных слов и уснуть.

Пират с какаду, а с тобой моё сердце — родительский храм.
Хвала всеблагим небесам, что мы есть друг у друга.
Пусть снится тебе, как волна к маяку пригорнула.
Пусть белые ангелы будут всегда твой покой охранять.

КОТ, ПИШУЩИЙ ЯМВОМ ГРУСТЬ

Там за дверью, залитой теплом, свет.
Солнце жмётся щёками в квадрат окна.
Пыльный стол в ожерельях стихов сед.
Ты с бумагой как с богом опять честна.

Не мешать, не скользить чернотой лап
По плывущим лучам янтарём сверкнуть

Призывает то чувство, когда стал
Покровителем пишущей ямбом грусть.

Добровольно прикован зарёй в пол.
Шерсть взъерошила где-то под грудью блажь.
До того романтизм твой с ума свёл,
Что боюсь в твою сторону и дышать.

Подбираешь ли рифму в узор чувств
И к стене обращаешь прямую речь,
Поэтический плач торжеству чужд,
Но твой плач я готов у двери стеречь.

Допиши до конца череду драм
— и в колени уткнушь фанатичным лбом,
Буду пальцам на чёрной копне рад,
И приму на себя твоих строчек боль.

МЫ С ТОВОЙ ПРОСТО...

В сонном погосте молочного тела
дремлет вчерашней любви перелётная птица.
Пляшущей нежности молнии биться
не перестали.
Не переспали
с мыслью расстаться сердечные стаи.
Я без тебя, пустотой обрастая,
еле живая.
Я еле живая.
Я тебя знаю пожарищем буйным.
Ты меня знаешь лилейности уйму
той, кто накормит своих тараканов
пульсом холодного скрипа пиано,
пульсом стихов беспощадной Сибири.
Выключи «были».
Не отлюбили
птицы мои
боль клевать с отдающих ладоней
вольному волку, а робкому робость.
Что тебе стоит надежды угробить...
В кольях терновых израненной птицей
сердце по-прежнему жаждет забиться
звонкой капелью, блуждающим нервом.
Сколько собой ради света не жертвуй,
я для тебя ни своя, ни чужая.
Ты птицелов.

Я несчастье вкушаю
быть тобой пойманной, быть сопричастной
к всепоглощающей пагубной страсти,
к бархатным чувствам и к мятости крыльев...
Мы с тобой просто неправильно сбывлись.

ТАЙГА-ГРАД

Моя любовь, смотри на догорающие звёзды над тайгой.
Их ледяные небоскрёбы на хребтах своих носили ночью.
Теперь в малиновый рассвет роняет их и ни на что не ропщет
древнейших угро-финских предков мегаполис Руси всеблагой.

Обвита северным сиянием разгневанная синева.
Мир дотянулся башнями, похожими на пауков, до рая,
а молниевый хищник, на угрозу судной ночи не зная,
всё также пламенем таёжным лижет лапы, как лизал вчера.

На пустоту полярное безмолвие рассыпалось вразброд.
Томятся окна небоскрёбов по лучам застенчивого солнца.
Моя любовь, минута ожидания прекрасного несносна.
Ничто не вызывает столько счастья, как реликтовый восход.

И вот уже всюду пылают красками зари наш Тайга-град,
смыкающий миры вселенных магистралью выжженных эскизов.
Моя любовь, мы приземляемся, и неминуемый миг близок,
когда мы снимем племя и в желании тепла сольём уста.

ОТПУСК В ДЕРЕВНЕ

Лето — это радостное время в деревенских красках.
Рейсовый автобус просигналил опалелым уткам.
В двух шагах от переезда на наречии бесстрастном
Клёны шепчутся с кукушками о доннике пожухлом.

Ветер подхватил наглаженное платье, и схлестнулся
С чемоданом, выпущенным из ладони ненадолго,
А потом забился ураганом в неуёмном пульсе.
Боже мой, я потерялась в счастье как в стогу иголка.

Небо из бездонной чаши выливает синий кофе.
Обретённой бодростью наполнен каждый вдох и выдох.
Правда, отреклась бы громогласно от всего мирского,
Только к городу вторым крылом своей души пришта.

Приезжай за мной, автобус, ровно через две недели.
Ореол позволенного солнца я впитаю с грустью,

Потому что многие дома в деревне опустели,
И таких гостей, как я, на свой порог уже не пустят.

Лето — это время окунуться в пройденные вёрсты.
На контрастах познаётся всё. Контрасты — терапия.
И ко мне, пленённой простотой, немедленно вернётся
Всё бесценное, что только в жизни деревенской было.

ПРОСТОЕ ЧУДО

На осколках пристрастий души и сердца
Я растила с любовью простое чудо,
И когда по ночам звёзды страхи будят,
Обнимает меня мой духовный лес.

Шелестящий иголками тонких сосен
И окованный сплином ночной сонаты,
Он мечтами о чём-то большом богатый
И не верит словам тишины всерьёз.

Он мне дарит луну на рыбацкой леске,
А снимая с крючка золотую рыбку,
Отпускает волшебным рассветом брызгать
На всё самое чёрное, что ни есть.

Он прекрасен до хвойных своих ладоней,
До корней, огибающих боль и слёзы.
Мой причудливый лес за меня дерётся
С тем, с чем справиться в общем-то не дано.

Ни влюблённости, ни романтизму стати.
Я сама будто пень рассыпаюсь тленом,
И сама от себя никуда не денусь,
А мой лес продолжает меня спасать.

И рисует на окнах морские волны,
Шум прибоя и крики безликой птицы,
Золотистый песок и как день садится
В покидающий пристань рыбацкий чёлн.

Всё проходит. Туманы, печали, страхи...
Сосны смотрят моими глазами в оба.
Одиночество — это почти свобода
От того, что держало ещё вчера.

ТРЕВОГУ ОСЯЗАЕТ АВГУСТ

Тревогу осязает август каждым звуком
Берёзовой листвы, шуршащей о больном.
Зарёй в родном краю с поличным враг застукан,
И небо прижимается к плечу плечом,

Как друг, который никому не даст обидеть,
Как звёздный стражник на соломенном коне.
И я ввиду отвергнутых душой событий
К его плечу хочу прильнуть ещё тесней,

И о прекрасном грезить, будто всё свершится
Лишь стоит дать испуганным мечтам полёт.
Чтоб умолкали не от новых взрывов птицы,
А от того, что летний дождь вот-вот пойдёт.

Чтоб август, опалённый жуткими боями,
Слезами не смывал с лица людской беды.
Пусть смоем дождь. И в скором сентябре упрямо
Родной мой край как прежде будет золотым.

ПРОСТИТЕ, ЛЮДИ

Ещё не время белым лебедям покинуть осень
И в низком небе сбросить с крыльев почернелый лес,
Я вместо них бескрылым рядовым в зенит вознёсся
И над макушками черепчатых дубов исчез.

Ещё цветёт амброзия у сложенных подвалов
И припорошенная пеплом клонится к земле,
Как жаль, что богом было мне отмерено так мало
Неравных поединков, и с тоской наедине

Я, кажется, боюсь, что вклад мой оказался скудным.
Мне не вернуться воином в осиротелый дом.
Я не успел спастись мальчишкой на одну секунду,
И лебеди взлетали в небо в мареве густом.

Я с ними обменялся взглядом и просил остаться.
До первых холодов в родном краю страх обогнуть.
Разрываю вопреки и вопреки ничтожным пансам
На тишину над берегом и в пепле, и в снегу.

Ещё не пал на землю лист со сторбленного дуба,
Но может быть, совсем чуть-чуть осталось подождать.
Простите, люди, что взрывной волной и след мой сдуло,
И посмотрите, как красиво лебеди кружат.

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, член Союза писателей России, Межрегионального СП (МСПС), Союза писателей ЛНР. Лауреат литературно-исторической премии «Моя Россия», финалист Национальной литературной премии «Слово». Автор двенадцати поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз». На её стихи написаны песни московской рок-группы «Зверобой», которые вошли в альбомы группы «Война за мир» (2017), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021), «Добрый знак» (2024). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

КОВШ

Какие звёзды, Боже правый!
Как бриллианты без оправы!
Над степью зависает ковш,
И из него ты август пьёшь!

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

Взгляни на ласточкин полёт
В прозрачном воздухе июля...
Царь говорил, что всё пройдёт
И повторения не будет:
И этот предвечерний свет,
И росчерк ласточкиных крыльев...
И в дне грядущем меня нет.
И негу тех, кого любила.
А мир в предчувствии дождя,
Как фотокарточка на память.
Ты сможешь выдумать меня,
Ты сможешь вымечтать меня,
Мой юный преданный читатель,
По моим странным письмам,
Где есть души прикосновенье.
В том дне, в котором нет меня,
Я вдруг возникну на мгновенье,
Я вдруг возникну наяву,
Как луч из приоткрытой дверцы.
А книга падает в траву
И открывается, как сердце!
Сейчас душа моя поёт
Без назиданий и заданий,
Звук отправляется в полёт
По сводам певческой гортани,

Но как пугливую луну
В хрустальном зеркале залива
Или воздушный поцелуй
Отлить, скажи, в печатный символ
Их красоту не умертвив,
Запечатленную в мгновеньи?
Простая магия любви
Пусть зазвучит в стихотвореньи.
Поймав так в детстве мотылька
Ты отпускаешь вдаль скитальца.
Пусть и от этого стиха
Пыльца останется на пальцах!

***

За окном всё сосны
И снега по пояс,
И сквозь звёздный космос
Мчится скорый поезд.

Нету мне покоя.
Нету мне приюта.
Я уже не помню,
Еду я откуда.

И куда я еду
Я, увы, не знаю,
Будто я на свете
Сирота дурная.

Может, мне всё снится:
Снежный лес и рельсы?
Кем дана мне милость
Этого блаженства

Щебетать по птичьей?
Жить, не зная клетки?
Не иметь привычки
Сожалеть об этом?

***

Ночь бесконечна, беспощадна,
будто в ней
одна есть правда:
я тебя люблю.

А больше мне
И оправдаться нечем.
Хотя тебе какое дело
до меня,
и до любви моей,
и до моих ночей?
Одна война
тебя ведёт,
одна война.
На ней
и я ничья,
и ты ничей.

Два одиночества
на северном ветру.
Так пусть моя любовь
тебя согреет
и бережёт,
покуда я живу.

И ночь кончается.
И небо розовеет.

***

Я с тобою была,
Как стрела,
Устремлённая ввысь.
Мне казалось,
Что я бы могла
Поразить даже солнечный диск.

Эта боль, как заря!
Твоё сердце болит,
Потому что ещё
Не умеет любить.
Твоё сердце горит!
И горя,
Обжигает меня!

***

Никому не говори
О моей к тебе любви.
Моё сердце – табакерка
С диким чёртиком внутри.

Это Саня. Это Сеня.
Это девочка Мари.
Подобрали ключик верный...
Ты попробуй подбери!

***

Северный ветер
Прилетает с Балтийского моря и плачет,
И чайки кричат,
Задыхаясь от детского счастья,
От взрослой печали...

Я проснулась в крахмальной постели,
И губы мои онемели,
Мне приснилось – ты звал меня:
Лена...
А я тебе не отвечала.

***

Самообман и наваждение.
Гомер. Бессонница. Стихи...
...И крови страстное брожение,
И неземное притяжение
Унять мне, Боже, помоги.

Пошли мне гордого спокойствия,
Чтоб не влекло меня к нему,
Чтоб я не падала на простыни,
Как звёзды падают во тьму.

Но сердце-птаха говорливая,
Сложив усталые крыла,
Сама в силок. И с новой силою
Поёт о том, как полюбила я,
Как я бессовестно-счастливая
В его объятиях спала.

***

Мне вспомнилось, как бражник танцевал
Над лилиями старенького сада,
И солнца золотой полуовал
Застыл над морем. Веяло прохладой.
Ещё чуть-чуть и скроется вдали,

В аквамарине волн, корона Феба.
Я выдумала этот день?
Он был ли? Не был?
И были ль мы?

***

Едет поезд. Едет поезд.
Он куда меня везёт?
Он развязывает пояс
Под названьем горизонт.
И в распахнутые дали,
В розовеющий восход,
Входит скор, могуч, бруталец.
В новый день меня везёт!

***

Вереска сиреневые всплески
На седых от времени камнях.
Солнце, алый поплавок на леске,
Медленно танцует на волнах.

Может это знак? Но что он значит?
Что сокрыто в тёмной бездне вод?
Хочется узнать мне: кто рыбачит?
Хочется уплыть за горизонт!

ВАЛААМ

Амальгама кипящих волн.
Надо мной колокольный звон.
И твердыней восстал Валаам.
В небеса устремлённый храм...
А над ним всё плывут облака
Сквозь мгновения, дни и века,
Как лебяжий легчайший пух.
И шагает по ним пастух.
Заблудилась моя душа,
Но позвал ты, и я пришла!

ЕЛЕНА КОЗИРЬ

Родилась в г. Горловка Донецкой обл. Училась в Харьковском автодорожном институте. Работала более двадцати лет на Горловской автобазе. В пятьдесят лет начала писать стихи. Член Горловского литературного объединения «Забой», Межрегионального союза писателей. Печаталась в литературных журналах и альманахах. Некоторое время занималась в лучших Харьковских литературных студиях. Автор поэтического сборника

«Осень будет во вторник».

ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАДЕЖДЫ

*В пространстве полной пустоты
Лежу без мантии и сана.
Смотрю в распахнутые рты
Сквозь пальцы, воткнутые в раны.*

**На лобном месте хороню
В коробке из-под мармелада
Святых воскресное меню
Для обезумевшего чада.**

**Он был на острие клинка.
В пустыне окаянных весей
Шипы тернового венка
Надежду падшего воскресе...**

СКОРБНОГО ЦВЕТА ГЛАЗА...

**Скорбного цвета глаза,
Сажи чернее глазницы.
Падают на образа
Замертво люди и птицы.**

**Нервно зарядят дожди
В сумрак окопов и рытвин.
Боги сойдут и вожди
За полверсты от молитвы.**

**Тем, кто берет на прицел,
Будет пожизненно снится
Тот, кто под пулями цел,
То есть в «рубашке» родится.**

ОСЕННИХ ВОСЕМЬ СТРОК

Клин одинокий выбивает
Печаль к исходу ноября.
Лететь пытается за стаей
Продрогший лист календаря.

И то, что грусть отнять не может,
Дождём по осени пойдёт
Сплошной царпиной по коже,
Багряной меткой в небосвод.

В ЛИСТОПАДЫ БЕЗ ВЫХОДНЫХ

Не скрывая дыхания осени
И петлю затяжных аллей,
Листья, рыбой багряно-лососевой,
Попадают в сети дождей.

Неуёмная сила смятения
С обнажённостью чувств земных
С высоты обозрима падения,
В листопады. Без выходных.

В КАЖДОМ ВДОХЕ И ВЫДОХЕ - ОСЕНЬ

В каждом вдохе и выдохе - осень,
Отрешённость распятых аллей.
Между крон в онемевшем вопросе
Неприкаянный клин журавлей.

В межсезонье былых воскресений
Обнажается самость и стать.
До высот неслучайных падений
Во спасение осень принять.

В штрихпунктирах дорог и дорожек
Перекрёстных дождей круговерть.
Лист, однажды сорвавшийся, может
При любой непогоде взлететь.

НЕ ПРИВЫКАЯ БЫТЬ ОДНОЙ...

Не привыкая быть одной,
Я привыкаю не бояться

Стены холодной за спиной
И засыпать, и просыпаться

На территории беды,
В тисках измученной подушки,
До откровений темноты
И света огненной макушки.

На пограничье дня и дна
Левобережных нет и правых.
Но есть соломинка всегда
Для тех, кто ищет переправы.

МЕТЕЛЬ НА ЖИЗНЬ МЕНЯЕТ ВЗГЛЯДЫ...

Метель на жизнь меняет взгляды,
Ломают ветки снег и лёд.
На белый холст дорожек сада
Ночь с осторожностью идёт.

Уводит снег с прозрачной шторой,
В потусторонний сумрак рам.
Звезды не догоревшей порох
И вновь зажёванной не отдам.

Следов глубоких вереница
Водить умеет напролом.
И растревоженная птица
Черкнёт по памяти крылом.

ОДИНОЧКАМ

Часто ищут в одиночку
Самость будущих вершин
И возможность на носочках
Дотянуться до души.

Если холодно и летом
Больно падают дожди,
Если Богу на планету
Без страданий - не сойти.

Будет страждущий утешен
Вечным горем от ума.
Но всегда есть бонус пешим-
Крепкий посох и сума.

В ОРЕОЛЕ ФОНАРЕЙ

Милость лета жди-не жди,
Отдана корона.
Провоцирует дожди
Белая ворона.

Впереди перекладных
Стаи фраз крылатых,
Не жалея откупных
На себя и брата,

В ореоле фонарей
Собирает птица
Под акафист тополей
Человечьи лица.

Смысл забытой простоты,
В жизненном вопросе,
До библейской наготы
Обнажает осень.

О ВЕЧНОМ И НЕЧЕЛОВЕЧНОМ

Кругом война, внутри, снаружи,
В обед, на завтрак и на ужин.
По будням, в праздник, до победы,
Во тьме и зареве планеты.

По венам, чатам и каналам
На мир идёт девятым валом...
И в этом пекле Вечный Лекарь
Во мне спасает человека.

ИВАН НЕЧИПОРУК

Коренной горловчанин. Шахтёр с 20-летним стажем. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского педагогического университета (филфак, заочно). Параллельно с работой на производстве сотрудничал с городской и областной прессой в качестве публициста и ведущего литературной рубрики. Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Автор двух десятков поэтических, прозаических и публицистических книг (в том числе в миниатюрном формате, специально изготовленных для Горловского музея миникниги им. Вениамина Разумова).

ВЬЮЖНОЕ

**Здесь времени неукротимый бег
По улицам и выгнутым проспектам
Вгрызается в вальсирующий снег,
Просыпанный из облачных прорех,
И говорит на вьюжных диалектах.**

**Скрипят, искрясь, деревья из стекла,
И разбиваются природные устои.
Горит любовь, а вьюга принесла
Надежды, что ослабнут путы зла,
И вспыхнет вера яркою звездой.**

ОКТЯБРИ

**Под светом утренней зари
Душа моя кровит.
Я впитываю октябри
Чужие и свои.**

**И давит гнёт тоски сильней,
Мгновеньями шурша.
На улицах разбитых дней
Грустит моя душа.**

**И осень в багрянице снов
Не жухнет, а цветёт.
А в сердце вечная любовь
Зовёт меня вперёд.**

ПЕРВАЯ ПРИМЕРКА

Погода межсезонная лихая –
Сегодня осень примеряет снег.
А листопад сегодня отдыхает
И лишь снежинки робкие, порхая,
Спешащих горожан целуют всех.

Белы и лучезарны перекрёстки,
И тротуары прячут сеть морщин.
Кружится ветер мягкий и не хлёсткий,
Ероша соснам сонные причёски,
И улыбаясь миру без причин.

А звонкий звук высокой колокольни
Летит над городом, врываясь в снегопад.
И город, что был хмурым, как раскольник,
Становится добрее и довольней,
Вздыхая, словно старец, невпопад.

ПЕРВЫЙ СНЕГ ОН БЫЛ

Первый снег! Он был и не был
Над Глубокою моей.
Посмурневши, смотрит небо,
Как свершает ветер требы,
Среди тощих дымарей.

В контурах домов разбитых
Снег оставил робкий след...
Обречённо и сердито
Дверь сквозь век стучит копытом,
Под веригами примет.

Что ни вечер – арт-дуэли,
Смерть опять пускает яд.
Снег под утро вновь расстрелян,
И в осколках от шрапнели
Клёны, скрючившись, стоят.

***

Кажется заброшенным вокзал,
Множится тоска на расстояния.
Сладкой осени волшебное дыхание
Растекается, прозрачней город стал,

Краски октября пошли в накал,
Просветлели улицы и здания.

Таёт городская суета
В страхах, что кружатся в небе птицами.
Но мелькает яркими страницами
Межсезонных красок красота.
Улица лимонна и желта:
Пахнет осенью, эспрессо и корицею.

ХЭЛОУИНСКОЕ

Октябрь устал и порыжел,
И завывает ветер дикий,
А я в подземном гараже
На минус третьем этаже
Спешу на поиск Эвридики.

Мне эта мишура чужда,
Но я спешу, как раб влюблённый,
Чтоб увести её туда,
Где с неба падает вода
На купола горящих клёнов.

Но между юрких шабашат
И псевдозвёзд из интернета,
Подземный мир развороша,
Её беспечная душа
Уже давно не рвётся к свету.

НЕТ ЖЕЛАНЬЯ

Заглох аккорд твоих убитых песен,
Непримиримость тяжело принять.
Твоя дорога превратилась в гать.
Духовный мир твой нынче пуст и пресен,
И нет желанья, брат, тебя обнять.

Ты был могуч, уверенный в победе
Своих афористичных сочных фраз.
Казалось, оступился только раз,
Но от твоих речей сознание едет.
Ты не за нас,
Ты не про нас,
Ты против нас!

СУМАСПЕДШИЙ ПОЭТ

Сумаспедший поэт табуреточной ножкой взмахнул
И оркестр скудных лип и тяжёлых рассыпчатых клёнов
Сеют музыку осени, кронами пещут влюблённо,
И течёт по проспекту медовый прилипчивый гул.

Люди смотрят на действие поэта, крутя у виска,
Им серьёзности века мешают увидеть искусство.
А поэт, надорвавшись, сползает на лавку без чувства,
Но в глазах его синих играет, отнюдь, не тоска.

СНЫ

Оплавлена души моей свеча:
Мстиславщина мне снится по ночам,
И сердце бьётся беспокойно, гулко.
Брожу по деревенским закоулкам
Пустующим, как будто невзначай.

И в утренней прозрачной синеве
Я росы собираю на траве,
И тёплый ветер память тихо кружит,
В краю родном я никому не нужен,
И только сны напоминают о родстве.

НА ПОКРОВ

На Покр^ов, на Покр^ова
Осень разгулялась.
Пляшет жёлтая листва,
С нею кружатся слова,
Нега и усталость.

Солнце сквозь прорехи туч
Золотит аллеи.
А октябрь живуч, кипуч,
Словно родниковый ключ.
Красок не жалеет.

Светлой осени краса
Ангельски привольна:
Тает лесополоса,
И внимают небеса
Звонам колокольным.

НЕТ ГАРАНТИЙ

Боль разгорается в сердце, как в небе заря...
Сколько ж в судьбе моей серой и дыр, и проплешин.
Сколько ж страстей в нерадивой душе моей грешной.
Носит меня по растоптанным дням сентября.
Я не уверен, что жизнь прожигаю не зря.

Мне не живётся последнее время легко,
Носит сомненья, как плюпку в волненьях тревожных.
Тропы мои, как одна, беззастенчиво ложны,
Могут однажды в судьбе моей стать тупиком...
Всё это, кажется, слишком зашло далеко.

МЫ РАСТЁМ

Сашке

Дымит труба асфальтовым дымком
И ветер дым уносит далеко.

А мы, два зрителя, глядим издавека
Как неба синь свежа и глубока.

Ещё нам не подвластны тьма и свет
И даже мыслей о грядущем нет,

Ведь мы не знаем злобы и беды
Наш мир цветёт, как майские сады.

Где над садами отсветы промзон
И терриконовых дымков сезон.

А мы растём вне мрака и вне зла
В объятых материнского тепла.

ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

Прозябающий день невесёлый
На лачуги глядит свысока.
Нынче в осень вселилась тоска:
Напоследок октябрьские пчёлы
Копошатся в цветках очетка.

Все эпитеты красок избиты:
Золотистость, лимонность, багрец...
А насыщенный неба свинец
Ждёт от света какой-то зашиты,
Веря, осень – ещё не конец.

ОЛЕГ СЕЛЕДЦОВ

Родился 18 августа 1967 года в г. Бодайбо Иркутской области. В 1991 году с отличием окончил филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. Работал учителем литературы, социальным педагогом, заместителем директора школы по воспитательной работе. Окончил аспирантуру при Адыгейском государственном университете. Член Союза писателей России. Автор 26 книг стихов и прозы. Автор более 350 публикаций в литературных журналах и газетах. Участник форумов молодых писателей России 2001 и 2004 годов, стипендиат министерства культуры России по итогам 2004 года. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Обладатель Золотого Диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» - 2018. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награждён медалью имени Шолохова.

НА ПСАЛТИРИ И ГУСЛЯХ

Слёз не надо. Не надо
стонать, задыхаться и плакать.
Я увидел их лики
на братской могиле, в огне.
И уснуть не дают
и терзают мне совесть и память
Не пришедшие с боя
на Родину, к маме, к жене.
Им не снятся пожары,
ласкают небесные птицы.
Прорастает в колосьях
снарядами рваная плоть.
И мальчишке седому,
сторевшему под Волновахой
На псалтири и гуслях
душевно играет Господь.

РУССКИЙ ВИТЯЗЬ

Отгремел миномётный аккорд канонадного хора.
И усталость дневную накрыв, как гранату, собой.
Он упал, средь бесчётных воронок степного простора.
Русский витязь, простите, не помню его позывной.

Он лежит, убелив свои кудри дневною грозой,
Красной кровью заката раскрасил он бронежилет.

Офицер, чья судьба растревожена по гарнизонам.
Доброволец Небесной Руси девятнадцати лет.

Он рождён в ставропольской Курсавке, а не в Куршевеле,
И не Бали родная его колыбель, а Балтай.

На заре херувимы в слезах его душу отпели.
Пережившему ад на земле путь по облаку в рай.

Не в Дубай, а в Дубну чёрной птицей летит похоронка.
Не в Хургаду, в Хужир весть летит, в дом иркутский родной.
Но встаёт, новый ангел Господень с душою ребёнка.
Русский витязь, простите, не помню его позывной.

ДЕНЬ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

День на пир несправедный
К вечеру поспел.
Правил не по правилам
Нами артобстрел.

Вечер грустным скворушком
Плачет под горой.
Но зашёл Николушка
В наш блиндаж сырой.

Чуть всплакнул над ранами,
Кровь с тельняшек смыл.
Наши души рваные
Правдою зашил.

Словно острым скальпелем,
Срезал копоть с нас.
Вытирает капельки
С мёртвых наших глаз.

Чашу липкой горечи,
Словно водку, пьёт.
Собирает к полночи
В небо крестный ход.

Вечер грустным скворушком
Вьётся над горой.
Заходил Николушка
В наш блиндаж пустой.

ЛИТИЯ

Вечер звёздномиллионный
Плачет стайками ворон.
Словно миро по иконе
Через ночь стекает сон.

Соберу его на вату
Уложу в ковчежец дней.
Я – обычный русский «ватник»,
А на фронте – царь полей.

Я лежу в воронке тесной
Вне событий, вне времён.
Надо мной, как мама в детстве
Плачет колокольный звон.

А кругом стоят иконы
Прежде бывшие людьми.
Вечер, песнею прощённой
Наши раны обними.

Обними, укрой надеждой
От снарядов и от мин.
Ведь и я когда-то прежде
Был живым кому-то мил.

Бессемейный, бесквартирный
Растворяюсь в образах,
Где стекает, словно миро,
С неба Господа слеза.

ИЕРУСАЛИМ

Мы из боя вернуться в уют не сумели.
Наши раны бинтами покрыли метели.
Но уснувших в чужбине, в могилах безызыстных
Примет, словно родных, город нас Наднебесный.
И по свежей росе наши рваные души
К покаянью придут сквозь Игольные уши.
Через ангельский хор, там, где Хлеб наш насущный,
К Елеонской горе, в Гефсиманские купи.
Где сквозь марево дней торжествует Суббота,
Где в кадильном дыму Золотые ворота.
Где погибший за други Любовью обласкан.
И где смерти не будет. Где вечная Пасха.

Вот архангел нам память омыл на свирели
Мы из боя вернуться в уют не сумели.

НЕРОМАНТИКИ

Прощай, романтика, прощай. Мы повзрослели.
Пусть только месяц в наши сны глядит украдкой.
Мы заправляем артогнём свои постели,
И криком: «Триста тридцать три!» встречаем святки.

Сирень и ландыши давно ушли в походы.
Клыки над нами занесёт рассвет июля.
Декабрь чумазый подразнит нас Новым годом.
А мы кидаем не снежки, швыряем пули.

Мир, обожжённый суетой, не будет прежним.
Туман порезаться сумел о ночи бритву.
И ничего святого нет, и нет надежды.
Но губы скусанные в кровь твердят молитву...

Уходит в небо неромантиков колонна.
За нами Родина в бинтах кровит святая.
И мы идём, в сердцах любовь, в руках икона.
И нас святитель Николай благословляет.

КУСОЧЕК НЕБА

Я кусочек неба сжал в ладони.
Я искринку звёзд таю в ресницах.
Видел я, клянусь, ветров погони.
И вязал рассвет на солнца спицах.

Я лежу с открытыми глазами.
Полночь в них рисует хвост кометы,
Хвастаются тучи парусами
И ещё грозю надпланетной.

Я лежу в нещадно рваном поле
Посреди кровавых слёз пшеницы.
Мне метель присыплет раны солью.
Тёплый дождь сошьёт мне поясницу.

Не страшны сражений карусели.
Пива взрывов допьяна напился.
Лишь кружатся в вихре дни, недели.
Там, где с небом, лёжа я сроднился.

В ночь ушла тоска, ушла усталость,
Суета, зевакам на потребу.
Ничего не будет, не осталось.
Лишь в руке живой кусочек неба...

ПОГОНЯ

Я убегаю от пули своей,
Пули летящей со скоростью мысли.
Из словоблудья, лишённого смысла
Из суеты, ежедневных страстей.

Доктор Хандра прописал мне визит
В пропасть депрессий до самого края.
Жалкий, запуганный я убегаю.
Я убегаю, а пуля летит.

Пуля летит. Но ещё я живой.
Хоть просыпаюсь в ночи от удущья
Зависти дней и минут равнодушных.
Мчащихся лично пулей за мной.

Я убегаю в роскошность полей,
В пиршество горное, щедрость лесную.
Кровью из раны я землю рисую.
И убегаю от пули своей.

Я убегаю. Меня не сломить.
Пусть кто-то в чёрном приник к изголовью.
Я ещё искренне болен любовью.
Я ещё жадно желаю любить!

Вечер до дна я испить не успел,
Не надышался рассветным озоном,
С жизнью повенчанный браком законным
Я убегаю. Закат догорел...

СТИХИЯ ПРОЗЫ

ИРИНА БАУЭР

Родилась в городе Донецке в 1958 г. По образованию архитектор, математик. Занимается преподавательской деятельностью. Член Союзов Писателей ДНР, ЛНР и России, руководитель Донецкого городского отделения Межрегионального союза писателей. Лауреат фестивалей «Камбала» и «Город Дружбы приглашает». Победитель Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы». Лауреат литературных премий им. Олега

Бишарева и им. Александра Куприна. Публиковалась в журналах, альманахах, коллективных сборниках. Автор книг «Тата», «Бунт угля» и «Копры Магдалины». Редактор литературного журнала «Сундук».

ТУРГЕНЕВА-1

Папочка натирал горбушку чёрного хлеба чесноком, при этом знатно посыпал крупной каменной солью, приговаривая:

— Ешь, доченька. Расти большой.

Мой дом вместительный, зернисто серый, напоминающий пенал, вдоль которого крапива, кашка и молочай властно брали в плен кусты смородины и крыжовника, поглядывал свысока. Мирный, припечённый летний полдень.

— Я за своих деток отвоевал с 41 года по 45 командиром стрелкового взвода. В атаку шёл со словами: «За Родину, за Сталина!» И скажу, что жить тебе, ребятёнок, в мире и радости. Нет, не будет больше войны. На всей земле расслабление установилось, — говорил отец.

Он умер, когда мне было семь лет.

Эх, отец, ты ошибся! Вот она, я, стою посреди планеты сегодня, сейчас в 21 веке на разрушенном клочке земли, где когда-то царствовал мой дом, окутанная взрывом, миномётным обстрелом, гулом орудий, понимая, что война никуда не делась. Подкожно, притаённо ждала она своего часа. На улице моего детства не растут деревья и кусты, безлюдно, возразить бедствиям, обрушившимся на мой город, хотелось бы словами: « Спасибо, Господь, за страдания ».

Если бы не они, страдания, не сохранились бы в памяти, душе моей самые сладкие, добрые переживания первой любви, сильней которой не было больше в моей жизни. Пишу о тех, с кем прожила детство на улице, названной в честь писателя, которому я так и не смогла простить убиенную Муму. Об улице Тургенева 1.

Здесь мы встретились с Сергеем. Моя первая любовь оказалась поздней и очень сильной, а ещё беззвучной и немногословной. Рыжеволосый, высокий, до боли мне нравился Сергей. Ах, как горит сердце! Зажмурив глаза, прошу судьбу не отнимать сладкие

содрогания. Уходит, как вода в почву каждый поцелуй, а мне всего мало. Люблю, люблю, но понять, зачем люблю ещё вчера чужого, незнакомого парня не могу. После каждой встречи на руках терпкий запах одеклона, приторно сладкий, тягучий, близкий до невероятности. Прикосновения, горячность, мягкие фисташковые губы, Господи, как я сходила с ума в семидесятом.

Чем крепче держалось солнце за облака, тем слабее гвоздь и старая табличка «Тургенева-1» на фасаде.

Пройдёт время, сотрётся колея за рудничным магазином, закроется шахта, снесут террикон. Во имя строительства бодрого микрорайона жители Тургенева, утратив власть над шестью сотками личной земли, разбредутся по новым квартирам. Но тогда в семидесятом году никто так далеко о своей жизни не загадывал.

Утро начиналось со старьёвщика Гарика, домик которого примыкал к нашему огороду. Он называл нас, жителей одной улицы длиной в сто пятьдесят метров, тургуневцами.

— Что-то в школе проходили про этого писателя. И кому в голову пришло такое название, — недоумевал Гарик.

В чём-то он прав, каждый из нас понимал, что среди энергичных улиц, таких как Авангардная, Первомайская, Советская и Доменная наша не дотягивает до высот социалистического настоящего. Но тургуневцы, вопреки скепсису старьёвщика, бравое бессмертие Ивана Сергеевича приписали каждый на свой счёт.

Невысокий с проплешиной в жёстких курчавых волосах, улыбчивый Гарик смотрел на мир хитроватым прищуром грустных глаз. С первыми лучами солнца крохотный дворик перед его домом вспыхивал хрустальным огнём. Блаженно сияли на земле пустые бутылки, хозяин жаден до водки, поглощая её ежечасно, пропускал мимо ушей соседские упрёки. Каждое утро начиналось со скрипа, переваливаясь с места на место, выплывала из ворот знакомая телега.

— Здорово тургуневцы! — кричал Гарик.

Лениво плелась толстая лошадка по кличке Девочка, она жила мечтой, лопать яблоки и в стойло.

— Тряпки давай! Тряпки давай! — горланил он на весь посёлок, подстёгивая сонное животное.

Детвора тащила из домов ветошь в обмен на калейдоскоп, пугач, и, конечно, мячик «раскидай» набитый опилками и обтянутый цветной фольгой и целлулоидом, на обвязанной резинке. Неспешно поворачивалась в моих руках склеенная из картона и кусочков ткани зрительная труба калейдоскопа. Складываясь, подвижные центрические розетки, напоминали волшебное небо.

Тургуневцы сплошь шахтёры, токари, домохозяйки кроме девицы Нины сорока лет с высшим образованием. Когда Нина возвращалась с работы, женщины, чьи наряды это тапочки, халаты, фарушки, а место работы огород, свинарник, кухня, измученные

бытом, неизбалованные мужским вниманием с завистью поглядывали на неё, мужчины смачно покашливали в кулак.

В платье из кримплена сочного бирюзового цвета (последний писк моды), белых шпильках и крохотной шляпке из соломки, «менингитке», густые серебряные бусы на груди тонко звенели, делая похожей на артистку. Завидев её, Гарик привставал с козел, долгим терпеливым взглядом провожая до калитки.

— А вот и антилигенция прётся! — восклицала Валентина по кличке Сучок, бывшая Нинина одноклассница.

В укромных местах, тактика выбора блестяща, таскаясь от двора к двору, от одной товарки к другой, припадая ухом к сплетням, Сучок с жадностью всасывала чужую жизнь. В ней образовалась некая эфемерность, легко перепрыгивая через собственную тень в компании двух преданных ей дворняжек, она почти безвоздушно скользила вдоль окон и заборов.

Нина одинока, как куст жасмина у ворот. А ведь когда-то её отец начальник шахты, мать директор школы, оба коммунисты, сталицы, передовики обязали сделать в жизни правильный выбор, но дочь оказалась на редкость мягкотелой.

— Как ты могла, — возмущалась мать, — влюбиться в Игоря-Гарика. Он простой токарь, а ты будущая пианистка.

Так прочно на земле не растёт ни одно дерево, Нинины родители со всей ответственностью воспринимали земную твердь, как личное достижение.

— Дурочка молоденькая, — бубнил отец, уткнувшись носом в подстаканник, тихо всасывая липкий чай. — Не понимает остроту текущего момента. Мы партийная номенклатура. Один неверный шаг и сама знаешь, что будет с нами.

— Ты сошла с ума. Этот парень родился в лагере для заключённых невесть от кого! — восклицала мама.

— Если ты не порвёшь с ним, я лично упеку Макеева в Сибирь, — напирал отец. — Там ему сыну врага народа самое место. Обещаю!

Нина ещё молодая, ладная, румянец во всю щёку, веснушки каплями янтаря застыли в уголках глаз, радовалась послевоенному лету с первобытной жадностью. Под раскидистым абрикосом за гаражом, не дыша, крепко держались Гарик и Нина за руки. Нина расцвела шелковистой кожей, льняной косой, тонкими как изразцы бирюзовыми, через край залитыми теплотой глазами.

Бацилла первой любви поразила двоих настолько сильно, что пришлось родителям с кровью разнимать руки влюблённых.

Парень осунулся, размяк, запах терпкого пота преследовал рабочих цеха, где токарь — передовик Игорь Макеев посвящал Нине расточку калибровку, резьбу деталей в социалистическом соревновании.

— Доченька, перед тобой открывается перспектива всемирной славы! Ты будешь известной пианисткой, педагоги в восторге, — говорила мама.

На отъезде настояли родители, Нина уступила, спустя два месяца, Макеев подался следом за ней в Харьков. Встречались они, как бездомные где придётся, кружили по ночным улицам, целуясь в подворотнях, мёрзли на ветру. Чем реже Нина назначала Гаррику свидание, тем чаще прибегала её подруга и, передав записку в которой та говорила, что занята и не придёт, по-дурацки прыскала в кулачок. А потом он вернулся обратно в Донецк.

Раскатились под кроватью августовские яблоки, в тот страшный год медовый Спас не уберёт шахтёров, во время взрыва метана на шахте пятеро из ночной смены навсегда остались под землёй в лаве. Первым сдался отец. От аварии начальник шахты «Путь коммунизма» так и не оправился, умер от инфаркта, следом ушла мать и вскоре Нина впервые поняла, что номенклатурное счастье уже не обзывает, а навязывает одиночество. Ни мужа, ни детей. И с музыкой отношения не сложились. Пустота.

Нина поглощала книгу за книгой, питаясь стихами, искала объяснение своим неудачам у Пушкина в «Евгении Онегине». Вернулась из Харькова в опустевший дом, чтобы найти оправдание вымученному, но великому ожиданию счастья и славы.

— Начиталась этих тургеневых! Лучше жила бы как все, — ворчала Валя Сучок.

— Так ведь любовь, — робко возражаю. — А великий Тургенев и сам любил!

— И ты туда же, сопля резиновая! Любовь им подавай, — брюзжала Валя. — А какой видный парень был Гаррик! В него все девки околотка влюблялись, а он по Нинке-пианистке сох. Помню, я принарядилась в новое платье из ситчика, жду, когда Гаррик покажется. А он мимо прошёл. Ох, и проплакала я всю ночь!

— Товар не по зубам, — поддёргиваю Валентину.

— Иди отсюда, студенточка сопливая, — верещит Валя.

Валя резво утверждала, что нет хуже зверя, чем человек. Вот почему обожаемые собаки это всё что у неё есть. О большем богатстве и счастье Сучок и не мечтала. Работала она в заводской столовой и при этом отчаянно стеснялась своей профессии.

— Какая я вам посудомойка, — напирала Валя, — я стюард у столовой.

Шишкастым пальцем Валя указала на соседский дом.

— Оресту всего семнадцать исполнилось, когда Зойку в марлевом платье, весь багаж невесты уместился в одном узелке, привёл к тургеневцам.

Несоответствие между словами Валентины и происходящим с Орестом и Зоей очевидно. Будь у новобрачных склеенный Гарриком калейдоскоп — три сложенных под углом продольных зеркальных

стёклышка вдобавок бусинки, горох, крылья бабочки, засушенная пчела — возможно первая любовь ещё долго томила бы обоих. Сквозь розовое стёклышко марлевое платье Зои и короткие не по росту бумазейные брюки Ореста казались бы коралловым, первое прикосновение губ воздушно изумрудным, измена дымчато-голубой и так до окончания жизни, калейдоскоп лишён темных цветов.

Орест ремонтировал вагоны на заводе, в свободное время, играя в домино, грезил премиальной путёвкой в Пицунду. Мягкая, домовитая Зоя, работая поваром, после смены приносила домой котлеты и сметану, уютно смешивала запах керосина от примуса с помидорной ботвой на грядке, лёгкий смех с ванильной выпечкой. Забавно двигались на пухлых щёчках ямочки, когда она мыла окно, выставив на подоконник упитанную ножку.

— Зойка комедию ломает. Вчера застала её на заднем дворе столовой, обжималась с мужиком, — говорила Валентина. — Ничего, дай время, я выведу её на чистую воду.

По тому, как менялась походка Ореста вначале уверенная, ноги колесом чеканят шаг, на крадущуюся от калитки к веранде, становилось понятно, хаос предательства совпал с хаосом в голове. Впопыхах, взлетая по ступенькам в дом, он на ходу сбрасывал туфли, прямиком в погреб, обессиленная жена в обморочно-невозвратном состоянии искала мужа. Но стоило обозначить его нахождение, как в Ореста охватывал приступ ярости, он колотил палкой по клумбам с цветами, превращая двор в пустыню. Включал пилораму и зычным голосом звал жену:

— Зоя, инструмент готов. Ложись!

— Зачем, Орик? — лепетала испуганная Зоя.

— Голову тебе отрежу, — отвечал Орест.

Зое приходилось с ним нелегко. Всё чаще Орест занимался подменной реальности, переехав в выдуманный мир, всё дольше становились припадки безумия. К соседям присоединился участковый, зорко просматривая двор Ореста, лейтенант мечтал, как и все мы, только об одном, избавиться от сумасшедшего. Точкой невозврата стал нож, который тот хладнокровно метнул в дочь-подростка, правда, неудачно, промахнулся, за что был немедленно водворён в лечебницу.

— Я за него молиться буду, — говорила набожная Семёновна.

Соседи уверены, Семёновна водилась с потусторонним миром, к ней шли со всего посёлка за помощью. Когда умер мой папа, она ночи напролёт читала молитвы у его гроба, она, зная все тонкости обряда похорон, утверждала, что вымолила для него у бога покой. Церковь и кладбище её вотчина. С мужем Николаем четыре года в кирзовых сапогах меряли они фронтовые дороги, не одного раненого вынесла она на плечах с поля боя, форсируя Днепр в 43году,

долго залечивала ранения в госпиталях, так и прошагала вслед за Николаем из атаки в атаку, из окопа в окоп до победы.

— Ревновала его дюже, — признавалась Семёновна моей маме. — Любила крепко, от этой самой любви пошла за ним на фронт. А теперь от Николая одно безобразие терплю, дерётся.

Она с годами утерала собственное имя, превратившись из ладной медсестры в аморфную Семёновну, чёрный платочек, постный взгляд, большую часть времени проводила на похоронах или в церкви.

Обжигаясь, вдыхала Нина августовский травостой, печально прикладывая к лицу носовой платок. Дни напролет дом сотрясал аллергический кашель. Женщина в полубессознательном состоянии постукивала по гладкой крышке пианино.

«Ничего ты не сыграешь, — думал Гарик, — стёрлась наша любовь».

— Нина, твои учёные сплошные жулики. Толком в калейдоскопе не разберутся, а я вместо трёх стёклушек четвёртое добавил. Открытие, чёрт возьми!

Позвякивали стёкла внутри калейдоскопа, заполняя просторный мир вокруг нас огненно-жёлтым, прозрачно - зелёным, бархатно-фиолетовым, матово-наивным ласковым цветом. Нина, прижимала к губам двадцатую по счёту картонную трубочку.

В мае клейкая зелень пахла по особенному. Приближался праздник 9 мая. Опадал с орденов на груди Николая золотой звон, когда выбритый, в добротном сером пиджаке шёл он по улице.

— На демонстрацию? — спрашивал его сосед Павло.

— Тебе какое дело, крыса тыловая, — отмахивался Николай.

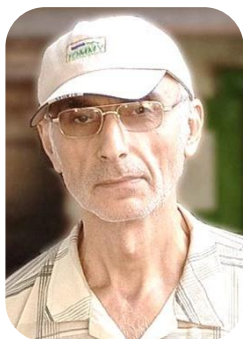
— У меня ранение имеется.

— Знаю я про твоё ранение. Ты в обозе прятался, бой начался, а ты под телегу залез. И ранило тебя прямо в жопу. Скройся с глаз, вошь!

Подвижность любовных атомов и молекул поистине бесконечна, смешиваясь проникают они в сердца влюблённых. Люди по-разному счастливы. Для Ореста психиатрическая больница не стала облегчением. Каждый год, в конце лета, припадая лицом к больничному окну, ждал Орест обожаемую Зою. Прижавшись к жене, он казался ниже ростом после больницы, возвращала Зоя мужа домой, проникновенно, бледно - матово.

Мысленно произношу формулу Серёжиных духов. Спустя годы случайно почувствую кожей в толпе знакомый запах. Нежно сжимает он сердце, жжёт, изводя тоской и сладостью одновременно. Накатит, стреножит и ещё долго не отпускает запах первой любви на улице Тургенева 1.

АЛЬБЕРТ БОЯДЖАН

Родился 10 апреля 1962 года в г. Горловка. Получив рабочую профессию электрослесаря, с 1981 по 2014 год трудился на машзаводе им. Кирова. После того, как завод был остановлен, поступил электриком в парк им. Горького, где работает до сих пор. Увлекается изобретательством. С 1997 года является участником горловского КЛФ «Контакт». Пишет в жанре НФ и фэнтези, предпочитает малую форму. Циклы рассказов «Галактическая биржа» и «Комиссия Троянова» публиковались в клубном альманахе «Среда обитания» в 1998 г.

Рассказ «Открытие Америки» (в соавторстве с Алиной Болото) печатался в сборнике «Вдова узурпатора» на укр. яз.»

НОЧНАЯ СМЕНА

Я всегда подозревал, что город после полуночи неузнаваемо меняется. Это уже другой, незнакомый и даже чужой город. Мэчберуз

Стояла ранняя осень. Моросил мелкий дождик. В тот вечер я помогал приятелю с ремонтом квартиры и изрядно задержался. Когда куранты на часовой мастерской пробили двенадцать раз, я на своём стареньком велосипеде только выехал на проспект Победителей.

Улица казалась совершенно пустой: не было ни машин, ни прохожих, лишь фонари освещали мокрый асфальт, да витрины магазинов создавали чудесные оазисы света во мраке осенней ночи.

И я поневоле начал разглядывать витрины. Вот магазин «Быт-техника»: телевизоры, газовые плиты, стиральные машины, манекены, развешанная на верёвке одежда... Одежда? Я резко затормозил. За стеклом женский манекен в красивом кружевном нижнем белье вынимал... Нет, это явно была живая девушка! И она вынимала из стиральной машины лёгкое платье синего цвета!

Рядом с незнакомкой был стул с высокой спинкой, по виду старинный и дорогой, а напротив — на стене — виднелся включённый телевизор Sony. Всё пространство телевизионного экрана занимали ступени лестницы, уходящей за горизонт.

Не помню, сколько я так стоял и смотрел на витрину, хотя холодный дождик и пытался меня прогнать. Только когда девушка закончила одеваться, я наконец очнулся и поехал дальше.

Мне почти удалось поверить, что это была галлюцинация. Днём я взахлёб читал Кастанеду, видимо, с количеством страниц переборщил, вот книжная доза пейоля и подействовала на воображение.

Я уже поздравлял себя с глубоким пониманием психологии, когда, подъезжая к магазину «Силуэт», увидел в его ярко освещённой витрине три женских манекена, которые явно танцевали стриптиз. И лидировала среди них девушка из витрины магазина «Быттехника». Стройная брюнетка уже наполовину освободилась от своего совсем не осеннего синего платья.

Я стоял, отделённый от танцовщиц только стеклом витрины. Одежды медленно таяли на красивых телах. Кажется, я даже слышал музыку, звучащую за холодным мокрым стеклом. И при этом все красавицы смотрели на меня восторженно и с явным ожиданием, как будто готовясь выполнить любую мою фантазию.

Время для меня остановилось, я чуть не выронил звякнувший велосипед... И надо же мне было обернуться?!

На противоположной стороне улицы в витрине магазина «Джентльмен», оформленной в виде салона роскошного автомобиля, я увидел мужской манекен — улыбающегося холёного мужчину в дорогом костюме. И смотрел он на моих девушек!

В одно мгновение я всё понял. Ночной город принадлежал богатым манекенам! Куда мне, с моим стареньким велосипедом, с такими тягаться? Витринные девушки смотрели не на меня, а на него! Или всё-таки на меня?

Меня захлестнуло бешенство, откуда только взялись силы, я выломал из брусчатки парковки булыжник и бросил в витрину «Джентльмена». Но камень бесшумно исчез, словно ухнув в бездну! Витрина погасла и зажглась вновь, но уже с новой вывеской: «Glass-банк» и с новым интерьером. Вместо автомобильного салона теперь за стеклом громоздились пирамиды из макетов пачек банкнот.

Я снова обернулся. В витрине магазина «Силуэт» стоял цветной вихрь. Я догадался, что девушки-манекены одеваются. Затем вихрь исчез, и появился телевизор Panasonic, теперь уже его большой экран показывал ступени лестницы уходящей за горизонт.

Я жадно припал к стеклу витрины. Panasonic погас, а затем и вовсе исчез. На скудно освещённой витрине остались стоять три женских манекена, красиво и со вкусом одетые. У манекена в синем платье не хватало на ноге одной туфельки, видно, пластмассовая девушка сильно торопилась.

Дождь прекратился незаметно. И тут я услышал гулкие шаги по ночному асфальту. В двух метрах от меня внезапно появился старик в чёрном фраке, в цилиндре и белых перчатках. Правой рукой незнакомец опирался на жёлтую трость. Его аристократическое лицо, слегка озарённое светом из витрины, выглядело озабоченным.

— Я требую объяснений, юноша! — странный человек во фраке шагнул ко мне так решительно, что я невольно отступил. — Что

это за мальчишеские выходки посреди ночи?! — Когда я спиной упёрся в фонарный столб, старик смягчился, и почти дружески продолжил: — Впрочем, вы ещё слишком молоды, впечатлительны и наблюдательны. Сегодня вы стали свидетелем экстраординарных событий. Нежеланным свидетелем! И что теперь прикажите с вами делать?

— Я никому не скажу! — еле выдавил я осипшим голосом. Волосы на голове шевельнулись, словно наэлектризованные.

— Да будет вам! — старик махнул тростью. — Вы сами-то себе верите? Только честно.

— Если честно, т-то не верю! — заикаясь, прошептал я.

— Вот то-то же, — произнёс мой таинственный собеседник задумчиво. — Но ведь нельзя же всё просто так оставить? — он повернулся ко мне, как бы советуясь.

— Да, что-то надо делать, — машинально согласился я.

— Поступим следующим образом, — господин в чёрном цилиндре, похоже, принял решение. — Я вам кое-что расскажу и покажу, думаю, что после этого вам просто не захочется зря болтать языком! Разрешите представиться, я — настройщик манекенов, ну что-то вроде ночного оформителя магазинных витрин. — Ну, смелее, молодой человек, у вас явно возникли вопросы, так задайте их!

Сумасбродный старик, назвавшийся настройщиком, взял меня под руку (второй рукой я упорно вёл за собой велосипед), и мы неспешно двинулись по проспекту Победителей в сторону Фонтанной площади.

— Кто эти девушки, они настоящие или всё-таки манекены? — спросил я с опаской.

— Настоящие, разумеется, вот только не здешние, впрочем, как и эти парни.

Старик тростью указал на освещённую витрину магазина спортивных товаров, в которой три мускулистых здоровяка приводили в движение пружины тренажёров.

— И этот, — трость повернулась в сторону оружейного магазина. Там за стеклом витрины, освещённой лучами прожекторов, стоял стрелок в камуфляже. Он обозревал городские окрестности через оптический прицел винтовки. Когда трость в руке моего проводника почти уткнулась в витрину магазина свадебных платьев, где в свете огромной хрустальной люстры разворачивалась самая настоящая церемония с невестой, женихом и гостями, я ахнул и повернулся к старику.

— Это что же, все витрины в городе живые... э-э населённые... там кто-то живёт?

— Разумеется, — спокойно ответил «настройщик», — прошло уже лет триста, как мы освоили витринные ландшафты вашей планеты.

— Что вы сказали?! — мне стало нехорошо, кровь вместе с душой ушла в пятки, я упустил велосипед, ноги перестали меня держать, и если бы не старик, то наверняка упал бы.

— Экий вы чувствительный! — укорил меня «настройщик». — Да-да, когда-нибудь земляне и сами догадались бы, что в ваших городах существует скрытная ночная жизнь разумных, добропорядочных существ очень похожих на вас, людей, но всё-таки других.

Спокойно, спокойно, молодой представитель человеческой цивилизации! Мы не претендуем на ваши ценности, мы ведём незаметный, скромный, ночной образ жизни. Если хотите, мы — ночная смена вашего замечательного города, и всё это благодаря магазинным витринам. Сами того, не подозревая, вы создали для нас жилища со всеми удобствами. Что поделатъ, если другого легального способа пребывания на уже занятых планетах у нас нет? — словно ожидая моей поддержки, старик развёл руками. Потом, как бы оправдываясь, продолжил: — Мы ни в коем случае не хотим занять ваше место на планете, мы не агрессивны, наоборот, мы полностью зависим от вас — ведь люди строят столько разнообразных магазинов с такими уютными витринами. Можно сказать даже, что вы позвали нас к себе в гости...

Я с нескрываемым недоверием слушал речь загостившегося на три столетия эмигранта, прибывшего неизвестно откуда.

— Вы мне не верите? — перехватив мой взгляд, обиженно заключил он.

— Как-то у вас всё слишком просто получается! — слегка смутившись, ответил я.

— Да, вы правы! — засуетился старик. — Это, не вся, правда!

— А что ещё?

— А то, что весь город, — старик в возбуждении всплеснул руками и закричал: — Целый город тоже!

— Что тоже? — в нетерпении я тоже перешёл на крик.

— Ваш город тоже витрина, — неожиданно вполголоса сообщил старик и совсем тихо, почти неразборчиво добавил: — И не только ваш.

Глупо улыбаясь, я посмотрел себе под ноги, потом по сторонам, потом на виднеющиеся вдаль многоэтажки, после чего повернулся к господину во фраке. «Настройщик» торжественно снял цилиндр, стянул с рук белые перчатки, бросил в цилиндр, исподлобья посмотрел на меня и поднял руку с тростью, указывая куда-то вверх.

Я проследил за ней взглядом... Лучше бы я этого не видел! Небо над городом заполнил собой великолепный, просто сказочный фасад дворца с огромной витриной, за стеклом которой находилось своё звёздное небо, с моделями (моделями ли?) множества планет. Я впился глазами в голубой глобус, стоящий на обычной черной подставке. Я смотрел и смотрел до боли в глазах, пока не начал

различать на голубом шарике блестящую точку. Она начала приближаться, стремительно увеличиваясь в размерах...

Но, что это? Я вдруг понял, что бегу. Бегу всё быстрее и быстрее! И вдруг сильнейший удар едва не повалил меня на землю. Со всего маху я врезался в стекло витрины. Вот только, с какой её стороны? Этого я не знаю до сих пор!

Прошло время. Долго я привыкал к мысли, что живу в витрине какого-то колоссального супер-гипермаркета. И это значит, что в один прекрасный день или ночь я обязательно встречу со своим личным Настройщиком, и этот господин, возможно, мне раскроет тайну других, невидимых витрин, сквозь которые, я всю жизнь проходил, ничего не замечая!

С тех пор я стал передвигаться по городу медленно и с опаской, как по минному полю. Я и не подозревал, что в городе так много магазинов!

Потом я решил переехать в деревню, где присмотрел себе небольшой брошенный дом, но вначале всё-таки убедился, что единственный магазинчик давно не работает. И совсем было начал готовиться к переезду. Но в последний момент меня посетила жуткая мысль: «Пусть магазин не работает, но витрина-то у него осталась!»

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

Родился в 1961г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат премии А.Куприна. Лауреат губернаторской премии «Признание». Лауреат издания «День Литературы» Москва, лауреат I премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия» Москва. Публикации более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостинный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток». Участник более 70 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

ПРАВДА ЖИЗНИ

Как обычно, после работы, когда овцы в загонах были накормлены и напоены, Фаяз зашёл в жилую пристройку к овчарне.

Жалейка лежал на диване перед телевизором и досматривал «Вести».

– Ну и жара сегодня на улице, даже у нас такое не часто, – обратился Фаяз к своему бригадиру, усаживаясь в продавленное кресло под потёртым пледом.

– Это да, просто кошмар какой-то, мухи, и те, не летают. Мозги плавятся от солнца. Самое время, людям с ума сходить, – оторвал голову от подушки Жалейка.

– Что там говорят, Игорь? Скажи и мне, тоже знать буду. А то толком послушать, посмотреть совсем некогда.

– Какие тут новости? Новости сейчас в Сирии, – свесил ноги с дивана Жалейка.

– Всё воюют там?

– Воюют. Дикие люди.

– А что дикие, Игорь, расскажи? – Фаяз по-хозяйски налил себе чаю.

– Сам посуди, Фёдорыч. Вот объявили, что город какой-то от ваххабитов освободили. Так в нём несколько сотен рабов нашли. Баб да девок в основном, что в гаремах держали, но и мужиков хватало – пахали на них за баланду. Как это в наши дни возможно, чтобы рабы были, а? Рабство уже тысячу лет как отменили, законом запретили давно, а у них всё не как у людей. Вот и выходит, что дикие они, словно в первобытном строе остались. У нас за такое сразу башку открутили б. Русские – народ вольный, к рабству не приученный.

– Да, Игорь, твоя правда. Русский брат – крепкий человек, гордый. Владимир Ленин ещё говорил: «Мы не рабы, рабы не мы». Знаю, в школе учил. В Сирии Ленина не было, кто им скажет.

2

Жалейка пришёл наниматься на работу к Фаязу по объявлению, которое обнаружил на одной из автобусных остановок в областном центре. На тетрадном листке, прилепленном скотчем к столбу, было написано: «Возьмём на работу в сельское предприятие молодого крепкого мужчину без вредных привычек, можно без опыта. Зарплата достойная. Жильём и питанием обеспечим». А Жалейке как раз именно жильё и питание – самое главное. После армии он обратно в родительский дом не пошёл, хватило тех лет, пока в школе учился. Пьяной жизни папаши натерпелся под завязку: скандалы да мордобой у парня в печёнках сидели. Сам к спиртному не притрагивался, запаха – и того не выносил. А уж чтобы дальше жить среди алкогольного угара, тут и разговора не было. Несколько лет Жалейка помыкался по съёмным квартирам и углам, да с перекусами от случая к случаю. Работал то охранником, то сторожем, то на стройке, а то и просто на подхвате. Получал не ахти, а деньги расходовать на жильё, еду, одежду и прочие радости приходилось немалые. В итоге к тридцати годам Жалейка ни собственным углом, ни накоплениями, ни семьёй так и не обзавёлся. И перспектив никаких. Да и откуда им взяться, перспективам этим, если Жалейка в школе не усердствовал, а так, штаны протирал. Девять классов с грехом пополам закончил, да в хабзайку подался. Он и помыслить тогда не мог, что это образование может полезным оказаться. Всё ему по юности мечталось о хлебной и романтической бандитской жизни. Папашины дружки-алкоголики часто рассказывали о воровском счастье, крутых тачках, податливых красавицах и вкусной еде. Жалейка их слушал, раскрыв рот, но голова всё же соображала. Как-то не вязались эти байки с тем, что из себя представляли горе-рассказчики. Потом о службе в полиции задумался, и даже сразу после армии на несколько месяцев туда пристроился, но ушёл. А всё из-за этой чёртовой жалости, что в нём с детства поселилась. Не мог Жалейка руки на более слабого поднять. На равного мог – до остервенения бился, а вот на слабого... Опускались руки, и всё тут. А как с таким никчемным качеством в бандиты или менты? Там сила в почёте и беспредел. Потому и кличку такую за собой таскал, что каждый раз, когда жёсткости от него ждали, произносил: «Жалко».

А ещё у Жалейки качество в характере было – справедливому хозяину честно служить. Фаяз эту его черту сразу ухватил, и к Жалейке по-особому относился, со снисходительным уважением. Позволял ему то, что другим работникам было заказано. Жалейка, к примеру, и лежать мог при Фаязе, и чай пить с ним запросто.

Фаяз, как только Жалейку увидел, сразу к нему расположение почувствовал. Здоровый, высокий, под два метра, розовощёкий молодой мужик, веса в котором больше центнера. Хороший работник, крепкий. И взгляд открытый, прямой, без хитринки. Преданный работник. Голос уверенный, без подбострастия, с уважением к хозяину. Верный работник, защитит, если надо. Жесты такие же спокойные, размеренные, не дёрганные, не суетливые. Честный работник, не вор.

Уже через десять минут беседы Фаяз знал, что Жалейку из рук не выпустит, такие работники на улице не валяются. Такой работник на вес золота: доход хороший принесёт и предан будет, как алабай.

– Дам тебе, Игорь, поначалу испытательный срок три месяца – ну, так везде теперь, сам знаешь.

– Знаю Фаяз Фархутдинович, – запнулся в имени Жалейка

– Ничего, Игорь, все трудно говорят имя моего отца, – улыбнулся Фаяз. – Называй меня Фёдор Фёдорович, можешь просто Фёдорович, так легче.

– Хорошо.

– Зарплата девяносто процентов от той, что потом платить стану. Питание три раза, как сам захочешь. Мясо будешь брать со скидкой, молоко, овощ, банан-шманан какой, чай там, хлеб, сахар, макарон, крупу – всё по ценам, как на базе. Заходи в мой магазин, продавцам скажу, они тебе дадут сколько надо, запишут в тетрадь, в получку отдашь. Устроит тебя?

– Устроит, – согласно кивнул Жалейка.

– Жить будешь пока у овчарни, там пристройка хорошая, крепкая, в ней вода есть, мебель есть, телевизор есть, холодильник-морозильник есть, газ есть. Честно, запах немного – овцы рядом, но дихлофос-миклофос возьмёшь, побрызгаешь там-здесь, как в розах жить будешь. Через неделю туда селись, пока там ремонт сделаем. Неделю у бабки Насти, соседки моей поживешь, я ей скажу. Покажешь себя, другую комнату дам, в своём доме. Согласен, Игорь?

– Согласен.

– По рукам, – протянул Жалейке свою толстую ладонь Фаяз.

– По рукам, – крепко пожал её Жалейка.

Работа у Жалейки пошла с первого дня. Все работники Фаяза как-то сразу признали Жалейку своим бригадиром и беспрекословно стали выполнять его указания. Новый начальник ни на кого не кричал, руками не размахивал, говорил спокойно, уверенно и смотрел на подчинённого так, что тому и в голову не приходило перечить. Единственный, кто его не признавал, это Сашка Дробок. Жалейку он просто возненавидел после того, как Фаяз к нему с новостью подошёл:

– Ты, Сашка, перейди с Нинкой в овчарню завтра, я ремонт в пристройке начну, – сверкнул новыми зубами Фаяз.

– Мне и без ремонта там хорошо, – заулыбался было Дробок.

– Ты не понял, – сощурил свои и без того узкие глазки Фаяз, – вы с Нинкой переезжаете в овчарню. Тут новый бригадир жить будет. Начальник твой.

– Это, брат, куда переезжаем, в какую овчарню, – вытянулось лицо у Дробка, – там же овцы да бараны одни?

– Ничего, бараны тоже живые твари. В твоей библии что написано? Возлюби тварей божьих, вот и возлюби, – нахмурился в ответ на Сашкино недоумение Фаяз. – Перегородку сегодня мужики у входа поставят, живи не горюй.

– Да ты чего, Федька, опупел, что ли, – подступил к Фаязу Дробок, – мы что с Нинкой – скотина тебе, что ли?

– Скотина в загоне живёт, а вы с Нинэлей в комнате отдельной жить будете, совсем как падишахи. Люкс-номер заделаем.

– Какие ещё шахи, какой люкс? Ты чего, издеваешься? Пусть там твой бригадир селится. Мы же братья с тобой.

– Э, Сашка, какие братья-шматъя? У меня Азиз брат, Акрам брат, а ты кто такой? Не хочешь в комнате под крышей жить – иди в поле, кто держит?

3

С того дня два лютых врага появились у Дробка: предатель Фаяз и его первый прихвостень Жалейка.

– Сожгу я их, Нинка, обоих сожгу, – грозился пьяный пятидесятилетний жилистый мужичок своей супруге, – не прощу Федьке. Обманул меня, урод, братом называл, а теперь со скотиной жить?!... Сожгу его, и баранов тоже сожгу!

– Чего грозиться зря, никого ты не сожжёшь, кишка у тебя тонка, – брезгливо морщилась жена. – У тебя только и храбрости, что меня колотить да скотину пинать.

– Заткнись, Нинка, урою, – замахнулся на жену Дробок, – сказано – сожгу, значит, сожгу. И этого его бригадиришку порешу. Суки, будут Дробка помнить. Федька, гад, дома лишил, земли, на этого бугая променял. Не прощу ему!

4

Сашка Дробок ещё в школе Нинэль обхаживать начал, учились-то с разницей в год. Вот Сашка и присмотрел себе подружку-семиклассницу, веселушку с пухлыми щёчками, конопушками на носу да косою ниже пояса. Краса, что и говорить. Да и сам Санёк тоже не из последних был. Хулиган записной и неслух. Да и двоичник, каких поискать. Хотя учителя между собой говорили, что не без способностей парень, да вот ленив больно.

Сашка стал Нинку домой из школы провожать, портфель за ней носить. Бывало, соперников поколачивал, когда и Нинке доставалось, если она уж слишком явно улыбалась кому другому. Нинка его прощала, нравилось ей, что за ним, как за каменной стеной.

Никто и не удивился, когда Сашка с Нинкой свадьбу сыграли, как только жених из армии вернулся. Хотя жили вместе ещё со школы. Хорошо ещё, ума хватило до совершеннолетия в подоле не принести. Зато потом...

Отыгрались по полной. Чуть ли не каждый год по ребёнку. За десять лет семерых наплодили. В районе их в пример ставили, как традиции соблюдать. Дробки всё это отмечали, конечно. Много праздников в доме стало: весело жить начали, с размахом. Тут и дни рождения, и именины, и новый-старый год с Рождеством и сочельником, Пасха, октябрьские, майские, день конституции, первое сентября, день печати и день строителя. Последний праздник чуть ли не главный, а как иначе – Сашка же в стройбате служил. Вот так, гуляя, Дробок и не заметил, как с постоянной работы скатился на поденщину у односельчан: кому огород перекопать, кому дров нарубить, кому забор выправить. Ну и оплата, соответственно, всё больше самогоном, да вином дешёвым. У Нинэли и того хуже с работой дела обстояли. Даже не подрабатывала, рассчитывала только на декретные да на детские пособия. Каждую выплату праздновала и детей воспитывала: кому подзатыльника, а кому и пряника. Трудная жизнь у матери-героини.

В один из таких праздников Сашка батьке своему так по макушке врезал, что тот через месяц в могилу сошёл. Перед этим всё на голову жаловался, мол, памяти не стало, и трещит, зараза, постоянно. Умер себе и умер, никто и близко на Сашку не подумал, да и сам он забыл через три дня, что папаше по кумполу настучал – вино не поделили. Дробок отца схоронил и задумался, как дальше жить. Отец по инвалидности пенсию получал, вёл домашнее хозяйство, держал корову, поросёнка, кур-уток. Худо-бедно Дробки без еды никогда не были. А после смерти старика Фаяза пенсию давать прекратили, и за скотиной смотреть некому стало. Сашке с Нинэлью недосуг – один калымит, другая у плиты стоит, а деткам и подавно не до животины: они по улице носятся до ночи да шкодят кругом, если глаза за ними нет. Вот Сашка корову и свёл к Фаязу, чтоб забот не было. Тот в деревне на квартире у бабки Насти жил и скотину на мясо у местных скупал, а когда и просто крал, если случай подворачивался. Дробка Фаяз почти не обманул, две трети суммы сразу заплатил, остальное в рассрочку договорились. Такое дело Сашка решил обмыть на радости, сумма-то приличной оказалась. Хоть Фаяз и не пил, но с Дробками посидеть за столом не отказался, будто чувствовал свою от них выгоду, и прав оказался. Дружба быстро завязалась. Прощались, будто с пелёнок вместе.

– Друг ты мне, Федька, теперь навеки. Мой дом – твой дом. Двери всегда тебе открыты, ночью придёшь, пустим, – обнимал пьяный Сашка Фаяза.

– И ты мне друг, Сашка, – радовался знакомству Фаяз, чувствуя начало важных перемен в своей жизни.

Деньги Дробок прогулял быстро и скоро загрустил. Глядя на покинувшего друга, Фаяз начал ему помогать стал: приносить чуть ли

не каждый вечер вино тому в дом, деток карамельками одаривать. Когда и ливера подбрасывал с маслаками для супа. Порой за стол подсаживался и начинал Сашке на жизнь свою жаловаться.

– Пойми, Сашка, вот приехали мы к вам, как к братьям, с поклоном. Война нас проклятая с нашей земли выгнала. Не дай бог никому такого горя испытать. Всё потеряли в один час. Дом сгорел, землю бросили, скотину, ели ноги унесли. Сколько баранов у нас было – не сосчитать. Пришли безбожники, всё забрали. Мы голые оттуда бежали. Ничего не успели взять. Только детей, слава аллаху, удалось спасти. Ночью бежали, куда бежали – не понимали. Ноги сами к вам привели. Вы нам всегда братьями были. Со всей душой к нам, по справедливости.

– Да, мы такие, – приосанившись соглашался пьяный Дробок, – последнее отдадим, а братьям поможем.

– Я знаю, вы щедрые. Вот плохо мне, Сашка, один я с детьми и женой. К кому идти, у кого помощь искать? – пускал слезу Фаяз.

– Ко мне иди, Федька, – плакал в ответ Дробок, – я тебе помогу, в беде не оставлю.

– Знаю, Сашка, ты настоящий брат. Все отвернулись, ты не отвернулся. Пустил в свой дом, за стол усадил, мясо в тарелку положил. К тебе пришёл со своим горем. Помоги, Сашка.

– Помогу, Федька, – вытирая слёзы, опрокидывал в себя стакан самогона Дробок, – вот те крест, помогу.

– Жить мне негде, Сашка, дети мои без тепла, ютятся где придётся. Сироты мы бездомные, родину у нас отняли. Скитаемся, как бомжи, по подвалам и чужим углам. На тебя вся наша надежда, Сашка.

– Что хопь проси, Федька, всё для тебя сделаю, – продолжал плакать Дробок. – Брат ты мне теперь, роднее нет.

– Пропиши нас, Сашка, у себя. Никаких денег не пожалею.

– Какие деньги, Федька. Для брата ничего не жаль. Всех пропишу, и тебя, и Айшу твою, и детей. Вы теперь и моя семья. Только может метров по закону не хватит на всех. Я-то в этом не понимаю ничего, отказать могут.

– Не проблема, Сашка, всё сам сделаю, у меня старший брат юрист, все законы знает, научит, как делать. Тебе только бумаги подписать да съездить туда-сюда к начальникам-мочальникам, остальное моя забота. Получится, как надо – коньяка куплю, сам с тобой выпью, брат ты мне.

5

Фаяз с братьями покинули родную землю в поисках лучшей доли. Плохо там стало, когда русские ушли. Бедно. Работы нет, денег нет. Что делать? Баи назад вернулись, беки. У них всё счастье, деньги, власть, земля. Фаяз не из баев, и Айша не из рода беков. У братьев жёны тоже в роду протые. Значит, совсем плохо станет, ещё беднее жить будут. К баю на поклон идти надо, раба-

ми сделают. Азиз, старший брат, семейный совет собрал. Решили: «Надо ехать вслед за русскими. У них страна большая, земли много, всем хватит. Сами там баями станем».

В Москву не поехали – шумно, дорого, деньги большие, занято всё, никто никому не верит – там им места нет. Поехали туда, где тихо, где земля за копейки, люди не злые. Поехали и не ошиблись. Поселились все в одном районе, но в местах разных, чтобы родство не на виду было. Азиз, старший брат, дома в милиции служил – уважаемый человек, законы знает, диплом юриста есть. Тут тоже быстро в люди вышел. Не глупого десятка, чужие мысли видит сразу. К нужному человечку всегда ключик подберёт. Кому «бакшиш-макшиш», кому «совет-мовет», кому «подарок-модарок». В партию подался, активистом стал, депутатом. Туда-сюда катается, людям помогает. Понравился начальникам – сельсовет в управление дали.

Младший, Акрам, на центральный рынок пошёл. На родине лавку имел, бизнес крутил, всё понимал: как торговать, как товар находить. Друзья у него везде были – вспомнили Акрама, позвали к себе, с важными людьми познакомили. Акрам всегда весёлый. Язык у него лёгкий, на месте не лежит, «шутками-мутками» сыплет. Нравится Акрам всем. Умеет мосты наводить. С тем пловшурцу «покушал», с этим поговорил – связи быстро дело помогли наладить. Торговля бойкая пошла: и нужные люди с прибылью, и Акраму свой доход. Месяц-другой – и Акрам своей палаткой обзавёлся, своим товаром и своими продавцами – ходи-командуй. Процент платишь в срок – вообще проблем нет. Акраму всё привычно, всё нравится. Особенно девки. Крепкие, ядрёные, словно степные кобылицы. Акрам, как аргамак, топчется возле них целый день, копытом бьёт, всех их любит. У Акрама глаза всегда масляные – так ему сладко. Только жене, Медине, плохо. Психует из ревности, ругается, плачет. Акрам жену жалеет, балует: колечки-серёжки ей дарит, на юг к морю летом отправляет – «пусть нервы успокоит».

А вот у Фаяза жизнь не так быстро в гору пошла, ему труднее всего оказалось. Когда уезжали, всё заранее обговорили, кто за что в семье ответ держит. Азиз «за закон думает», чтобы семейные дела ущербом не обернулись, Акрам – за торговлю, чтобы прибыль была и жирный плов на столе, Фаязу определили землю добывать и скотину разводить. Самое сложное дело и самое долгое. Но зато и почёт в семье великий. Фаяз крепко старался, и Аллах воздал ему.

6

Фаяз слов на ветер не бросает: сказал – сделал. Там заплатил, тут хороший кусок баранины в подарок завернул, здесь машину помог продать подороже: чиновники тоже люди – понимают, когда к ним с душой. Месяца не прошло, а в Сашкином доме уже

вовсю носились дети Фаяза. Айша на кухне первой хозяйкой стала. Нинэля только порадовалась такому обороту дел: какую ношу с плеч сбросила, теперь и в постели можно до обеда валяться – никто не орёт, каши не просит. Всё Айша на себя взяла. Двужильная жена у Фаяза оказалась на удивление Дробков.

– Санечка, – ластилась к мужу Нинка, – какой ты догадливый, что Фаяза прописал. Так теперь вольготно стало, прям надышаться не могу.

– А ты не знала? – хорохорился Дробок, обнимая пьяненькую жену. – Всегда с головой был. Всегда наперёд считаю все ходы. Фаяз пока дом будет строить, у нас тут тоже дворец заделает. И у Айши откормимся, как сыр в масле кататься станем.

7

Скоро Дробок увидел чертей, бегающих по потолку, и попал в больничку. У Нинки, Нинэля, не отстававшей от мужа по части выпивки, стали трястись руки и голова. Детей взяли под особый контроль органы опеки, а после выписки Сашки из дурдома и вовсе лишили Дробков родительских прав. По суду определили детвору на последующее усыновление.

– Продай, Сашка, дом, наймёшь хорошего адвоката, вернёшь детей, – успокаивал пьяного Дробка Фаяз, подливая ему в стакан из початой бутылки.

– А кому я его продам? Кто его тут купит, не город же? Работы нет, садика нет, школа далеко – никто сюда не поедет, – горестно качал головой папаша.

– Мне продай, я куплю. А сам тут живи, ты же мне брат, я тебя не обижу. Денег сразу много не дам, у самого нет, частями платить буду. Веришь мне?

– Верю, Федька.

Фаяз все документы на дом с помощью Азиза так выправил, что и следов Дробков там не осталось, будто и не жили никогда. Сам Сашка вместе с Нинэлью бумаги подписали не глядя.

– Чего там читать, мы тебе, Федька, как себе верим, ты нас никогда не подставлял.

Через пару месяцев деньги у Дробка закончились. Погуляли они с Нинэлей крепко, про адвоката и не вспомнили, начисто забыв, для чего дом продавали.

– Сашка, мне Айша жалуется, шумно от тебя с Нинэлей твоей стало, дети пугаются. Айша тоже нервничает, ей рожать скоро. Вы дерётесь, пахнет от вас плохо. Надо вам уходить в другое место. Купи себе новый дом.

– Куда уходить? Чего купить? – не понял Дробок.

– Дом себе купи новый и живи там со своей Нинкой. Пей, дерись, что хошь там делай. В моём доме места вам нет, – отрезал Фаяз.

– Ты чего, Федька? Ты же говорил, вместе жить будем. Клялся, что брата не выгонишь. Забыл, что ли?

– Я не гоню. Я заплатил тебе. Деньги есть, купи дом, живи отдельно. Друзьями станем, в гости друг к другу ходить будем, плов есть будем. Всем хорошо.

– На что я куплю, денег у меня нет.

– А куда дел?

– Прожили все деньги.

– Нехорошо, Сашка, дом не купишь. Ладно, брат мне был, выручу тебя. Переходи жить в гараж пока, там мастерскую тебе отдам. В ней всё есть: свет, тепло, плиту поставим, газ в баллоне, телевизор свой отдам. Всё как дома. Удобства все, лучше, чем у бабки Насти.

Фаяз Дробка не обидел, денег на новоселье подкинул и телевизор свой принёс в подарок.

Сашка новоселье отметил и Нинку справно поколотил, оставив на память недельный синяк под глазом.

– Надо же было мне, дураку, такую паскуду себе в жены выбрать. Всё пропила-промотала. И детей, и дом, и участок, и скотину. Как жить-то с тобой после этого?

Фаяз вскоре тоже отметил своё новоселье. Пригласил земляков, человек двести, в кафе «Лунный свет», которое открыл с братьями у автострады, баранов зарезал, лепёшек напёк, чаю наготовил, танцы-фейерверки устроил. Всё как полагается.

– Молодец, Фаяз, – нахваливали его земляки, – поднялся. Уважаемым человеком стал. Свой дом, земля, бараны, лошади. Настоящий бай!

Фаяз через год больше сотни гектаров земли в аренду оформил, овчарню новую построил и Сашку с Нинэлей в пристройку при овчарне переселил. Вот тебе и сторож, и пастух – двойная выгода. Да и с глаз Айши долой, чтоб не напоминали о том, чего она от них натерпелась.

– Сожгу я его, – шипел вслед Фаязу Дробок, сжимая в кармане кулак.

8

Жалейке Айсель сразу в душу запала. Как увидел её возле дома Фаяза год назад, так и высматривал постоянно, не мог налюбоваться. Айсель девушка видная: высокая, стройная, две косы ниже пояса и чёрные глаза, будто омут. Жалейка в них и утонул. Говорили – дурочка Айсель, ума короткого. Ну и что с того? Жалейка тоже не академик. Ещё говорили – порченная она, свои в жёны не возьмут. Жалейке и лучше – хоть шанс есть самому женихом стать. Правда условие одно Фаяз назвал, но ничего, можно и принять его ради Айсель.

– Вижу, Игорь, нравится тебе наша Айсель, – улыбался за чаем Жалейке Фаяз. – Возьми её в жёны, хорошей супругой станет,

верной, послушной. Вы оба красивые, красивые дети будут. Айсель много родит. Мы дом вам поставим, землю дадим. Беком будешь. Почёт, уважение. Веру только поменяй. Айсель – сестра моя, нельзя ей в другую веру, строго у нас. А жить в доме с двумя богами всё равно, что в питомнике для собак, где лай с утра до вечера. Тебе всё равно – сам говорил, крестик только носишь. В церковь свою не ходишь, попу не веришь, меняй веру. Пойдём к мулле. Он с тобой поговорит, верить начнёшь, Аллаха полюбишь.

– Я подумаю.

– Думай, Игорь, думай, только не передумай, а то так без такой жены-красавицы останешься. Кто другой быстрее надумает. Жалеть потом всю жизнь будешь.

– Ладно, Фаяз, долго думать не буду, быстро решу. Я вот тебе что сказать хочу. Опять Дробка слышал пьяного, опять Нинке своей грозился тебя поджечь. Гнал бы ты его подальше – пустой человек, опасный.

– Э, Игорь, – с раздражением отмахнулся Фаяз, – брешет просто, как шавка, на меня. Куда он пойдёт потом, где жить будет? Сгинет совсем, пропадёт. Дробок знает, что моей добротой живёт, не укусит. Не бери в голову, о другом думай.

И Жалейка думал. Думал об Айсель, о будущем доме, о красивых детках в нём, о счастье своём, что благодаря Аллаху, его настигло.

9

– Как день прошёл? – подавала вечером на стол мужу Айша.

– Хорошо. Только жарко очень, дышать нечем. А так нормально. Скоро свадьбу Айсель играть будем, – достал из казана добрый кусок мяса Фаяз.

– Ох, Фаяз, какую новость принёс! – расцвела улыбкой Айша. – Согласился Жалейка?

– Согласится, – заработал челюстями Фаяз, – неделя не пройдёт, к мулле пойдём. Я знаю. Видел сегодня его глаза. Он принял решение – Айсель будет его женой.

– Слава Аллаху!

– У тебя как? Ездил сегодня к Медине? Как они там? Помирились с братом?

– Медина злится на Акрама, хоть и помирились. Он ей золотой браслет купил, кольцо с камушком, прощения на коленях просил. Но она знает, долго не выдержит, опять с этими шалавами закрутит. Ну что за человек такой, ни одной юбки не пропустит. Опять, говорят, какая-то Наташа от него приبلудила. Уже сколько байстрючат настрогал, никак не угомонится. Медину понять можно. Плакала опять сегодня, говорила, что род позорит.

– Скажу ему, чтобы серёжки ей добавил и на море отправил, пусть нервы успокоит.

– Сколько можно полукровок разводить?

– Пусть, что с ним сделаешь? Уж лучше половина нашей крови, чем чужая совсем. Вырастут – к нам потянутся. Зов отцов, он сильный, на верный путь направит.

– Фаяз, слышала, Сашка опять грозился нас поджечь. Боюсь я, гони его совсем.

– Если выгоню, Айша, – то точно сожжёт, – сыто отрыгнул Фаяз, – а так просто пугает. Жить где станет? В тюрьме? Да и смотрит за ним Жалейка, не даст и спички зажечь. Он, считай, свой, знает, кого охранять.

– Говорил с ним?

– Говорил. Насмешил он меня сегодня.

– Расскажи чем?, – вытерла полотенцем руки Айша, присев за стол напротив мужа.

– «Вести» смотрел, когда я пришёл. Говорит, дикость в Сирии: там рабов держат, женщин в наложницы отдают. Живут не по закону, за похлёбку работать принуждают. У нас, говорит, близко такого невозможно.

– Смешной, – улыбнулась мужу Айша, – смешной и глупый. Как Айсель. Как все русские глупый: друг за дружку не держатся, веру свою не берегут, пьют, как свиньи, чуть что – кулаками машут.

– Правду говоришь, Айша. Давно они рабы. Пусть думают, что свободны. Мы-то с тобой знаем настоящую правду, Айша.

– Знаем. Фаяз, мы с тобой знаем. Эту правду жизни.

10

Ночью Фаяз метался на кровати. Снился ему кошмар: дети Дробка пытались пробраться в его дом, и при этом жалобно мяукали. Они тёрлись возле забора в виде котят и слёзно умоляли: «Дядя Федя, дядя Федя, мы же твои дети. Ты живёшь богато, пусти нас в нашу хату. Дай поесть немножко, дай хотя бы крошку».

11

Жалейка стоял на крыльце своей пристройки и всматривался в звёздное небо. Ему казалось, что где-то там по Млечному пути бегут они с Айсель, крепко взявшись за руки, и счастливо смеются. Рядом летят два ангела-хранителя, а во след доносятся детские голоса, голоса их будущих детей. И это видение казалось Жалейке всем смыслом жизни.

12

Дробок взял со стола спички, перебрал через плечо сумку с заготовленной пятилитровой канистрой, долгим тоскливым взглядом окинул спящую Нинку и, обречённо вздохнув, нетвёрдым

шагом отправился из овчарни в душную ночь восстанавливать справедливость.

13

– Сука, руку пусти, - хрипел от боли Сашка, придавленный к земле коленом невесть откуда взявшегося бригадира.

– Что удумал, Дробок?! И детей тебе не жалко? – тяжело дышал в ухо Сашке Жалейка, не отпуская заломленную руку.

– А он моих пожалел, когда дома лишал?

– Твои живы-здоровы. Накормлены, в тепле, учатся. Да и не он это – ты сам во всём виноват. Пьянство твоё беспробудное. Давно по наклонной едешь. А теперь и до смертоубийства докатился?! Креста на тебе нет!

– Это на тебе креста нет, проданся за баланду, своих пинаешь, к басурманам примазываешься.

– Дурак ты, Дробок. Я просто честно работаю. И никому не продаюсь. я их жалею. Плохо им, совсем плохо. Они-то в чём виноваты? Они к нам спастись кинулись. Их дети наш язык учат, русские обычаи впитывают. Жили же когда-то вместе – горе и радости делили.

– Это ты на Айсель губу раскатал, все видят, – продолжал пыхтеть Сашка.

– И опять, дурак ты, Дробок, – ослабил хватку Жалейка, почувствовав, как пар злости выходит из поверженного. – Сердцу не прикажешь.

– Может и сам в басурманы подашься?

– Обвенчаемся, и Айсель Александрой станет. Я её так и зову, когда с ней разговариваю, – отпустил Сашку Жалейка. – Если на свадьбу приглашу, придёшь? Вы же теперь вроде как тёзки будете.

– А что, приду, если не шутишь, – опешил от такого оборота дел Дробок. Поднявшись с земли, он оттолкнул ногой канистру и принялся отряхивать грязь с колен.

В тот же миг с востока подул прохладный ветер, и откуда-то издали донеслись глухие раскаты грома.

МИХАИЛ ВОСТРИКОВ

Родился 4 мая 1961 г. в Новосибирске. Специалист по созданию технологий термического обезвреживания (уничтожения) особо опасных отходов. Автор монографии-учебника и множества научных публикаций. Кандидат технических наук. Победитель III сезона Международного литературного конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова, с книгой «Вот такая, блин, музыка...». Живёт в Санкт-Петербурге.

ЛАЙФХАКЕР БАЛЯКИН

«Хм-м... а ведь, сегодня всё это назвали бы лайфхаками, а профессора Балякина лайфхакером. Но в СССР 80-х годов и слов-то таких не было. Поэтому, буду пользоваться теми, какие тогда были»

Так, или примерно так, в тишине и прохладе комфортного кожаного салона роскошного чёрного лимузина Mercedes S-500 думал по дороге в аэропорт «Толмачёво», мысленно подводя итоги своей однодневной творческой командировки в Новосибирск, ведущий журналист популярного московского журнала, не чуждого печати информации из мира науки, Алексей Степанович Левин. А итоги были, мягко говоря, неожиданными. И как их теперь увязать с официальными материалами... Левин пока даже не представлял.

«А ведь, получается, что любовь-то и «купишь». Причём, недорого и самую, что ни на есть, настоящую. На всю жизнь! Если знаешь, как. А это, ведь, и есть ал-го-ритм! Никогда бы не подумал. Вот, это материал я везу, бомбу! Москва встанет на уши, а тираж порвут на листочки, точно!»

В середине июня он получил редакционное задание написать статью в августовский номер к юбилею Виктора Александровича Балякина – профессора, руководителя НПО «Алгоритм», человека известного, достойного, уважаемого, и к тому же, самого крупного рекламодателя их журнала. Кормильца и поильца, можно сказать!

– Лёша, дорогой, в прямом и переносном! – явно намекая на его немалые гонорары, сказал шеф – главный редактор и старый друг Левина ещё со времён филфака МГУ, – Лишь на тебя уповаю! Давай-ка, напиши статью про Балякина, как ты умеешь, такую, чтобы, ах! И крупное фото на обложку!

«Легко сказать, «чтобы, ах!», – тогда ещё подумал Левин, – Балякин же учёный, а это значит, сухарь, педант – дом, работа и всё. Что здесь может быть интересного для массового читателя?»

Сухие строчки Википедии гласили, что московское НПО «Алгоритм» давно и успешно занималось созданием и внедрением чуть

ли не на всех континентах сложных наукоёмких систем управления производственными процессами в различных областях и имело большой научный потенциал – интегрировало в своих лабораториях сотни высококлассных разработчиков-алгоритмистов, кандидатов и докторов физико-математических наук. А его бессменный руководитель, профессор В. А. Балякин – лауреат, кавалер и прочее, прочее, прочее...

Опытный журналист, Левин знал, что статьи к юбилеям, что бы их действительно читали, а не пролистывали обычные люди, обязательно нужно разбавлять тёплыми словами о родителях героя, его семье, юности, друзьях, интересных и смешных случаях. Читатель обожает истории успеха, круто замешанные на преодолении героем всевозможных трудностей и, по возможности, включающие в себя любовные сюжеты. И лучше на грани, с максимально возможной степенью откровенности, конечно, согласованной с героем. Но сам герой об этом по определению не сможет рассказать объективно, и чтобы за него не додумывать, нужно искать взгляд со стороны.

Поэтому, Левин, не откладывая, запланировал несколько встреч с друзьями профессора Балякина по юности. И сегодня с утра он работал в Новосибирске. Позвонил и напросился на интервью к Анатолию Павловичу Гусеву, крупному бизнесмену в наукоёмкой сфере (системы распознавания всего и вся), близкому другу и бизнес-партнёру юбиляра.

***

Встреча происходила так...

Утром в «Толмачёво» Левина встретил водитель Гусева и уже через час тот сидел в ажурной кованой беседке, увитой цветущей жимолостью-каприфолью, на даче Гусева в престижной «Ельцовке».

Ах, этот запах каприфоли... Сладковато-пряный и одновременно свежий, как дорогие французские духи. Кроме того, сосновый бор и река Обь за столетия создали в этом месте какой-то необычный микроклимат. Такой, что у Левина возникло полное ощущение роскошного арома-курорта.

Погода была чудесная, а на круглом стеклянном столе стоял чайный сервиз тонкого фарфора, тарелка с тёплыми домашними булками, сливочное масло и всякие вкусности в вазочках - конфеты, мёд, цукаты и ядра кедровых орехов. Сибирь же!

Сначала было короткое взаимное приветствие с уже полностью седым, но высоким, стройным и хорошо сохранившимся мужчиной с прямым взглядом серых глаз, улыбчивым и в лёгком летнем костюме. Наконец, диктофон был включен и интервью началось.

Журналист спрашивал, а хозяин дивной беседки отвечал:

– Анатолий Павлович, скажите... Профессор Балякин, талантливый российский учёный-алгоритмист с мировым именем, много лет генеральный директор крупнейшего профильного НПО страны. А как этот его талант проявлялся у него в юности? Ведь, не мог же он не проявляться в обычной жизни?! Что-то вспомните на эту тему?

Хозяин беседки не спеша отхлебнул чай из почти прозрачной фарфоровой чашки, прикрыл глаза, как бы возвращаясь в то время, усмехнулся и изрёк:

– Н-да, были тогда у Вити алгоритмы. Были! На моих глазах он их генерировал, опробовал и внедрил. А мы все ему в этом помогали, если можно так сказать. Молодые ещё были, весёлые, энергичные.

То время, оно же для нас, аспирантов, пожалуй, было лучшим и самым счастливым временем в жизни. Ну, как же... Юность, Москва, новые друзья, перспективы, любовь! Как такое забыть? А никак...

***

Такого необычного и талантливого человека как Витя Балякин из Казани, аспирант Толя Гусев из Новосибирска не встречал никогда. А когда встретил его в Москве, то влюбился в него навсегда. Они некоторое время вместе жили в комнате «на двоих» общежития рядом с конечной станцией зелёной ветки московского метро «Речной вокзал».

Новое двадцатизэтажное здание с огромными зеркальными окнами во всю стену и скоростными финскими лифтами KONE строилось к Олимпиаде-80 и использовалось на ней как отель для иностранных журналистов. Поэтому, тамошние комнаты изначально были отлично обустроены, с удобными деревянными кроватями и мягкой мебелью – компактными диванами и креслами, собственными душами, отдельными удобствами и небольшими кухнями. Красота и комфорт по-европейски!

Но после Олимпиады это здание как есть отошло под студенческое общежитие. И теперь на всех его этажах обитали иногородние студенты нескольких московских вузов, медленно, но верно превращавшие эти ещё совсем недавно чудесные комнаты в свои ободранные обиталища с выломанными дверями, часто, вместе с коробкой. А на стенах висели календари за 1980 год и плакаты с олимпийским Мишкой, камуфлируя собой какие-то пятна и дыры.

И на седьмом этаже этого общежития обособлено жили аспиранты...

Целевые иногородние аспиранты в Москве, это вам не тупые и дикie студенты, и они дорогущую мебель в комнатах не ломали, а аккуратно использовали её по назначению. Аспирантов было мало и они все уже знали, чего хотят от жизни. А жизнь уже подхватила их под ручку и повела своим особым путём в те самые «голу-

бые дали»: кандидатская диссертация – доцент – докторская диссертация – профессор и далее, вплоть до «академика».

Например, у Толи Гусева к тому времени за плечами уже была физико-математическая школа при Новосибирском госуниверситете, сам университет, оконченный с «красным» дипломом, срочная служба, работа ассистентом... и страстное желание когда-нибудь стать заведующим своей родной университетской кафедры «Теория вероятностей и математическая статистика». И это позволило бы ему иметь оклад пятьсот рублей в месяц, трёхкомнатную квартиру от государства в Академгородке, дачу на Обском море и автомобиль «Волга» ГАЗ-24 без очереди.

И он стал бы... и всё это заимел бы, точно, если бы Советский Союз устоял! Это к тому, что если Толя Гусев, тогда уже относительно взрослый, самостоятельный и битый-перебитый молодой человек, искренне влюбился в другого молодого человека, то этот молодой человек того стоил. Обычно, у Толи уже получалось ровно наоборот.

Витя Балякин тогда был симпатичным парнем невысокого роста, спортивного телосложения, мускулистым и с сильным провинциальным акцентом. Он смотрел на мир несколько удивлённым взглядом слегка выпуклых и влажных «коровьих» глаз с длинными ресницами, которые так нравились девушкам, и имел «золотые» руки, мог починить всё что угодно. Потёртый кожаный портфель с различными инструментами всегда был при нём. Вот, нравилось ему всё чинить. Очень мягкий в общении, внимательный, весёлый. А так, парень, как парень, разве что простовато одевался для аспиранта. Ещё неженатый.

Однако, он уже тогда являлся серьёзным молодым учёным в области алгоритмизации производственных процессов электронного машиностроения, автором научных публикаций, и на два года приехал в аспирантуру престижного московского вуза «за степенью». А дома в Казани его ждала блестящая научно-преподавательская карьера в местном инженерном институте, откуда, собственно, он и получил направление в Москву.

Н-да! Со стороны Витя Балякин казался немного странным...

– В сутках двадцать четыре часа. И зачем они мне такие?! – улыбаясь, спрашивал Витя Толю, – Мне нужно, что бы было тридцать. Десять часов я сплю, десять работаю и десять на всё остальное.

И он пытался в общежитии жить по своим суткам. И ладно, когда у него при этом приходился день на день или ночь на ночь. Но бывало и наоборот. Тогда Толя забирал у Вити его подушку и взгромоздив её себе на голову, накрывался одеялом с головой и засыпал. Или ходил на цыпочках, в свою очередь, храня сон друга.

Надо отметить, что способность практически нищих советских аспирантов со стипендией девяносто пять рублей в месяц решать сложнейшие задачи достойного бытия в Москве при минимальных затратах, просто, поражала. Но Витя Балякин по результативности был вне досягаемости. Он генерировал различные ситуационные алгоритмы. И действуя строго по ним, не только выживал в Москве, но и весьма прилично зарабатывал. Не всегда деньги, но тем не менее.

– Идея, ничто, – говорил он, – Алгоритм, её реализующий, всё!

Кстати, именно эта фраза теперь красуется на обложке его фундаментальной монографии, переведённой на все основные европейские языки.

***

– А что это были за алгоритмы, Анатолий Павлович? Расскажите поподробнее, – попросил Левин, с интересом внимая собеседнику.

Гусев подлил горячий чай в обе чашки, себе и гостю, слегка улыбнулся, вспоминая, и начал рассказывать:

– Ну, например... Витя разработал, опробовал и сообщил друзьям вот такой, о-очень полезный алгоритм.

Тогда, в обычные, не занятые съездами дни, в Кремлёвском дворце съездов (КДС) давали оперы и балеты для всех желающих. Покупаешь в театральной кассе самый дешёвый билет в КДС за девяносто копеек, а такие билеты в этих будочках, что стояли в холлах станций метро, были всегда! В амфитеатр, оттуда и сцены-то не видно. А тебе и не надо!

И три-четыре, а то и пять часов, пока идёт эта опера или балет, за девяносто несчастных копеек, абсолютно в своём праве, наслаждаешься... можно с друзьями, а можно и с девушкой, в роскошном и пустом фуршетном зале КДС с мраморными полами, что на пятом этаже, под негромкую музыку внимая потрясающим кремлёвскими видам за окнами... ну, например, импортным пивом в бутылочках 0,33 литра с колечком на пробке, по 40 копеек за бутылочку.

Ни в одном магазине Советского Союза такое пиво свободно не продавалось, а в буфете фуршетного зала КДС на пятом этаже, пожалуйста! Плюс, сырокопчёная и сыровяленая колбасная нарезка, красная икра в хрустальных розетках, жульены с белыми грибами в кокотницах, рыба (красная и белая) и всё такое. По высшему сорту, Кремль же. Кстати, не дорого! Можно сказать, за копейки.

Вот только, к сожалению, стеклотару в этом буфете назад не принимали и закуску с собою не заворачивали. Оставляй бутылки на столе и, давай, топай отсюда. Но это, пожалуй, был единственный минус данного алгоритма.

И как Вы думаете, куда большая половина нашего аспирантского этажа теперь ходила по выходным, а то и по будням? Конечно, на балет в КДС! Ну, или в оперу, не важно! Всё зависело от тамошнего репертуара на эти дни.

Тогда, генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев уже произнёс своё знаменитое: «Экономика должна быть экономной!» и Витины алгоритмы в первую очередь были направлены на экономию личных средств.

Так, один такой поход в КДС с фактическим денежным расходом в районе пяти рублей на брата, включая стоимость билета, в пересчёте на меню бара гостиницы «Интурист», если ты туда вообще попадёшь, тянул на 100 рублей, как минимум. И это ещё без учёта взятки швейцару. Впечатляет?!

– Да, конечно! – Левин мечтательно закатил глаза, представляя, – Ну, почему мы, тогда студенты-филологи, этого не знали и в общегае МГУ пять лет закусывали воблой «Жигулёвское» из трёхлитровой банки, а то из круглого стеклянного плафона потолочного светильника?!

Гусев захохотал, искренне и весело:

– Тайные знания аспирантов! А вот, ещё один Витин алгоритм...

Рядом с общежитием, на улице Фестивальной, было почтовое отделение, а в нём – междугородние таксофоны за «пятнашки» (монеты с номиналом 15 копеек). Звонить домой на далёкую Родину надо было всем, но дорого. Задачу легко решил Витя! Опускаешь монету в прорезь аппарата, и пока она летит, соединяя линию, слегка бьёшь кулаком по заранее исследованному и определённом Витей месту на корпусе таксофона, помеченному небольшим нацарапанным крестиком. И всё! Что-то внутри таксофона звякало и говори – не хочу. Хоть с Новосибирском, хоть с Казанью. Без ограничения по времени.

Когда ему было положено, несчастный таксофон издавал какой-то жалобный давящийся звук, но новую «пятнашку» при этом не требовал и продолжал работать, не отключая линию. Понятно, что к этим таксофонам теперь всегда стояла очередь из счастливых иногородних аспирантов.

Озверелое начальство почты несколько раз меняло эти таксофоны, но от Вити не ушёл ни один. День-два, и крестик упрямо появлялся на новом аппарате. Однако, это практически открытое противостояние человека и машин продолжалось не очень долго и закончилось безоговорочной капитуляцией таксофонов. И несовершенные аппараты из этой почты вообще исчезли. Но ведь в Москве были и другие почты, и в них тоже были таксофоны за «пятнашки». А нужные адресочки Витя для друзей никогда не жалел.

Анатолий Павлович с удовольствием хлебнул душистый чай, потянул с тарелки булку с маком, хорошо намазал её маслом, немного откусил от неё и продолжил свои воспоминания:

– Подобное, Витя проделывал и на стажировке в Лондоне, когда заставлял роскошные английские уличные таксофоны принимать у него без ограничений использованные телефонные карточки, во множестве имеющиеся в ближайших к телефонным будкам мусорных урнах, а то и валяющиеся прямо на асфальте.

Алгоритм у Вити при этом был простейшим, но эффективным и безотказным.

Всё, как в Советской Армии при чистке солдатских блях – зелёная паста Гойя, кусок войлока... и покоцанные рифлёной механической протяжкой контрольные дорожки английских разовых телефонных карт в минуту становились глаже, чем новые и, соответственно, пригодные к их повторному употреблению. А слышимость звонка из Лондона в Казань тогда была в разы лучше чем из Москвы. Говорят, что именно после Вити уличные таксофоны в Лондоне перевели на цифровые коды, шучу, конечно, а-ха-ха!

Гусев опять, задорно, по-мальчишески, некоторое время посмелся собственной шутке и вытерев глаза изящным платочком с вышитой в уголке монограммой «АГ» продолжил:

– Вообще, в тогда ещё преимущественно «механическом» Лондоне, Вите понравилось. Он там «вскрыл» ВСЁ и своих денег вообще не тратил – питался много и разнообразно, поедал дорожных омаров в спецупаковке, пил прекрасные баночные напитки и пиво из многочисленных торговых автоматов, ездил на метро и на всех других видах общественного транспорта (кроме такси, разумеется), и часами беседовал с родной Казанью из уличных таксофонов.

И привёз с собою в Москву... командировочных-то наэкономил, фирменный персональный компьютер IBM PC XT 286 в полном обвесе, который тут же поменял на новенький красный автомобиль «Лада» ВАЗ-2103. Всё, по-честному. Действительно, тогда были именно такие расклады на чёрном рынке Москвы!

Еще, с Витей из Лондона прилетели две огромные коробки из-под телевизоров, доверху наполненные модными очками, наушниками, плеерами, тапками, джинсами, футболками, бейсболками и другими дефицитными тогда в СССР вещами, каждая стоимостью до десяти фунтов стерлингов. Их Вите в лондонскую общагу, где он жил, ежедневно присылали английские компании, торгующие по каталогам. Еще и благодарили, что он это всё брал абсолютно бесплатно именно у них! Почему? А по алгоритму!

И суть этого алгоритма была такова...

Анатолий Павлович выдержал театральную паузу и поведал эту суть:

– По прилёту в Лондон Витя напечатал на принтере пару сотен своих визиток и разослал их по этим торговым компаниям, которых там было... сотни, если не тысячи.

Через три дня он получил свой первый каталог и письмо. Мол, приветствуем нового покупателя и вам за это подарок - лотерейный билет с четырьмя серебристыми кружками. Потрите кружки торцом монеты и там проявятся цифры. Сложите все четыре и вот вам скидка на первую покупку. А еще, со страницы такой-то по такую нашего каталога, можно выбрать подарок. Не дорогой. Стоимостью до десяти фунтов стерлингов.

Ясен пень, Витя подарок выбрал, а купил (указал в заявке) вещь на сумму, чуть меньшую выигранной в лотерею скидки. Приложил сам билет и отправил заявку в компанию. И через три дня пришла бандероль... и в ней все было на месте - подарок и покупка. И даже сдача мелочью. С благодарностью от компании.

Вот, времена были в старой доброй Англии, с ума сойти! И больше Витя с этой компанией не работал. Ему было некогда! Вон, сколько еще таких же ему нужно было обслужить. Так и набились те две коробки.

Какие-то вещи из этих коробок Витя оставил себе, чем-то одарил друзей, а остальное продал оптом начинающему московскому фарцовщику Олегу Бойченко, счастью которого не было предела. По моему, даже, в рассрочку продал, уже и не помню. Помню только, что итоговая сумма сделки была сопоставима со стоимостью однокомнатной квартиры в Москве. Не шучу!

Анатолий Павлович улыбнулся, выдержал ещё одну паузу, принял торжественное выражение лица... и выдал:

– И апофеоз, кульминация, или как сейчас говорят, «вишенка на торте»!

По алгоритму Витя влюбился и женился. Точнее, его... Вернее, мы все... Ох-х, запутался! Ладно, расскажу обо всём по порядку, ведь, это не только и не столько Вити касалось.

Тогда, остаться в Москве иногороднему аспиранту было, только женившись на москвичке, которая его ещё и пропишет к себе. А где аспиранту из общежития взять такую москвичку? И чтобы с квартирой, и чтобы училась в престижном вузе, и чтобы красавица была, и чтобы тебя, дурака, любила, и чтобы её родители были дипломаты и с деньгами? Москвички и их родители в абсолютном большинстве тогда были пугливы и нищих провинциалов, даже умных и перспективных, к себе близко не подпускали.

Витя «взял» именно таких! Для всех друзей! Без счета! Бери любую! Но не для себя. Он оставаться в Москве и, соответственно, жениться на москвичке, не планировал, а в Казани его ждала невеста.

Но как говорится, человек предполагает, а Бог располагает!

Будучи пытливым исследователем, Витя блестяще решил и эту задачу. И очень даже просто! Он собрал в общежитии деньги (копейки!) по списку желающих остаться в Москве и на них дал одно на всех объявление в газете «Химки», тогда единственной в СССР, печатающей брачные объявления:

«Иногородний аспирант познакомится для брака с москвичкой-студенткой, обязательно с жильём. Писать на 7-й этаж общежития по адресу: ...»

Всё честно и конкретно!

Секретарём проекта был назначен долговязый и белобрысый аспирант Гоша Голов из Рыбинска, староста этажа. У Гоши уже заканчивался двухгодичный срок аспирантуры, он уже защитился, но ни в какую не хотел уезжать из Москвы. И теперь, каждый вечер Гоша разбирал пришедшие на адрес письма и вёл подробную таблицу - какая у претендентки квартира, сколько ей лет, где она учится, кто её родители и... как её зовут. Именно, в такой последовательности. Графа «Имя» в его таблице была крайней, не всё ли равно? Потрясающий, феноменальный по актуальности и жизненной силе был документ!

В первое время после выхода газеты с объявлением письма приносили мешками! И это безумие продолжалось с месяц. Много, конечно, было откровенного шлама, но в итоге, как-то сама собой сложилась замечательная компания молодых людей, такой, «клуб женихов и невест». Человек по десять с каждой стороны, которые стали активно посещать театры, дни рождения, ходить на прогулки по городу, устраивать пикники и пр.

И никакой гадости и водки на этих встречах не было, хотя все всё знали и понимали, зачем они все встречались. Парни декламировали свои стихи, все вместе пели бардовские песни и у большинства всё сложилось и до сих пор эти пары счастливы вместе. У них родились прекрасные дети, а мужья со временем стали кем и планировалось... большими учёными и начальниками.

Правильно же говорят, что самый лучший брак, это брак по расчёту... Если расчёт верен!

Гусев поучающе поднял указательный палец к потолку беседки. Потом, видимо, вспомнив, что перед ним его ровесник, а не соплиивый мальчишка, опустил палец и продолжил:

- И вот на одном таком дне рождения у самой, пожалуй, перспективной «невесты» в клубе, по данным таблицы Гоши Голова - раздельная «трёшка» рядом с метро «Курская», 21 год, 4-й курс филфака МГУ, родители - внешторговцы, постоянно живут в Швейцарии, зовут Татьяна...

...и я хорошо помню прекрасные, но обалдевшие глаза этой высоченной московской красавицы в роскошном вечернем платье, когда она вошла в комнату, где веселились гости, ведя за руку

Витю со своим неизменным портфелем и тихо спросила присутствующих:

– А это кто?!

И был Витя грязен, потен, местами мокр, полураздет и мышцы его бугрились через рабочую блузу из его портфеля.

Оказывается, Татьяна случайно наткнулась на него в собственной ванной комнате, когда он, пока все веселились... уже завершил починку душа, а предварительно, починил все капающие краны на кухне, пробил забившиеся сливы, отремонтировал бачок текущего унитаза и повесил на место оторвавшийся угол ковра в коридоре. И ещё он оживил импортный радиоприёмник в спальне. Ну, никогда Витя с нами не веселился. Ходил, да, но не веселился, а занимался вот такими делами.

Через два месяца они поженились!

Свадьбу гуляли в фешенебельном ресторане «Славянский базар», жаль он сгорел в 1993 году, и Витя, я знаю, потом спокойно компенсировал удивлённым и радостным родителям Татьяны, естественно, прилетевшим на свадьбу любимой дочери и всё организовавшим, все свадебные расходы. А их вышло на круг что-то около трёх тысяч рублей, огромная тогда сумма. Гости сплошь из МИДа, ну и мы, аспиранты, в уголочке, шучу...

Плюс, Витя купил в подарок невесте великолепное золотое кольцо с крупным якутским бриллиантом. Тогда такие кольца по заоблачным ценам запросто продавались в центральных ювелирных магазинах Москвы. Иди и покупай, были бы деньги. Вот, вам и советский аспирант!

Вдруг, Гусев посерьёзnel:

– Но это, наверное, в статью не нужно, слишком уж интимная тема, про Татьяну, обидится ещё, не дай Бог! Вчера только с ней разговаривал по телефону, сам-то Витя сейчас где-то не в Москве, не дозвониться до него.

Ну, что ещё о них рассказать?

Двое детей у них. Вовка уже кандидатскую защитил, у отца в «Алгоритме» трудится. Так пока и не женился, шалопай этакий. Леночка врач, детишек лечит. Своих у неё уже двое, Витя внуков обожает, Но это Вы, видимо, и без меня знаете, официальная информация.

Гусев посмотрел на дорогие наручные часы и затем, уже слегка озабочено, взглянул на журналиста своими внимательными серыми глазами.

– Ну, что, Алексей Степанович, пора закругляться? Ваш рейс на Москву ждать не будет. Был рад знакомству! Автомобиль в Вашем распоряжении, а в багажнике сумка с вкусными гостинцами. Сибирь же! Вашим понравится!

ДМИТРИЙ ИГНАТОВ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился 15 января 1986 г. в г. Ярославль. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время - дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Публиковался в литературных изданиях России и США. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы» и сатирического справочника «Это ваше FIDO», а также сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». Проживает в г. Воронеж.

ЭФФЕКТ ТАНГЕЙЗЕРА

Виктор закрыл дверь за последним грузчиком и с довольным видом огляделся по сторонам. Квартира была хаотично заставлена мебелью, обмотанной упаковочной бумагой, скотчем и пупырчатой плёнкой. Пространство небольшой квадратной прихожей оказалось буквально забаррикадировано картонными коробками, а угол у двери заняли три вертикально поставленные свёрнутые в рулоны ковра.

Парень ещё раз оценил масштаб предстоящей деятельности, чуть поерошил длинными тонкими пальцами свои волосы, по-детски улыбнувшись, посмотрел на Наталью и взялся распаковывать тёмно-коричневый шкаф на круглых чёрных ножках.

Девушка, заложив руки в карманы своей олимпийки, медленно прошла по узким проходам, напоминающим лабиринт, посреди всего этого мебельного нагромождения, прикидывая, с чего бы начать. Потом сняла с запястья цветную фенечку, оказавшуюся одновременно резинкой для волос, собрала рыжие суховатые пряди в хвостик и принялась стягивать плёнку с небольшого дивана с деревянными подлокотниками.

— Осторожно, там зеркала и стёкла от серванта,— предупредил её Виктор.

— Хорошо, — кивнула Наталья, снимая хрупкий груз с сиденья и отставляя для безопасности подальше.

Тем временем Виктор уже разобрался со шкафом и примерялся, как лучше придвинуть его к стене.

— Поможешь мне? Надо его чуть приподнять, с обеих сторон, чтобы не обломать ножки.

— По-полной решил меня припахать, эксплуататор? — улыбнулась девушка и взялась руками за нижний край шкафа, который, впрочем, оказался удивительно лёгким и быстро занял своё место.

Довольная собой Наталья посмотрелась в тёмную полированную поверхность, как в зеркало. Виктор тем временем уже задвинул в нишу небольшую кровать-полуторку, с грохотом обрушил на неё тяжёлый пружинный матрас и занялся разворачиванием ковра.

— Когда расставим всю мебель, станет намного проще, — проговорил парень, наконец, справившись со скотчем, которым был многократно обвит шерстяной рулон и, заметив грустное выражение на лице девушки, — Всё в порядке?

— Да. Просто... — проговорила Наталья, не в силах оторваться от своего отражения в тёмной полировке, словно её саму начинало засасывать в какую-то чёрную дыру, — когда ты говорил, что хочешь обставить квартиру памятными вещами, я не предполагала...

— Что?

— Что их будет так много. Ну, знаешь, памятные вещи это обычно какие-то милые винтажные вещицы. Статуэтки... Настольная лампа...

— Для меня все эти вещи памятные.

— А ты уверен, что всё влезет?

— Ну, конечно. Раньше же влезало. Смотри-ка... Все дырочки на месте, — Виктор улыбнулся и как-то ласково провёл рукой по ряду дюбелей, небольшими бугорками выпирающими из-под обоев, — дай мне отвёртку и шурупы из сумки. Повесим ковёр и сразу станет уютно...

— Погоди... — путаясь в вещах и мыслях и всё ещё не до конца понимая, Наталья протянула парню отвёртку и полиэтиленовый кулёк с шурупами, — так ты не случайно настаивал, чтобы мы купили именно эту квартиру? Она похожа на ту, где ты жил в детстве?

— Нет... Крестовую отвёртку. Спасибо, — дождавшись нужного инструмента, парень принялся вкручивать шурупы в стену, — нет, это та самая квартира, в которой я жил до пяти лет. Номер 9, третий этаж, слева от лестницы.

Закончив с крепежом и развернув на стене ворсистый цветной ковёр с замысловатым геометрическим узором, Виктор распластался на кровати в задумчивости, заложив обе руки за голову.

— Здесь ещё должен висеть ночник в виде такого прямоугольного уличного фонарика и круглая чеканка с профилем Тутанхамона. Вот и место под шуруп...

— Я видела их, кажется, в той коробке.

— Погоди. Давай сначала закончим с мебелью. Предлагаю сервант, чтобы задвинуть его в угол, поставить стёкла и уже не трястись из-за них.

Наталья согласна кивнула и начала, надрезая скотч, освобождать от упаковочной бумаги блестящий оранжеватый сервант под малайзийское дерево.

— Значит, это твоя квартира и все твои старые вещи?

— Да, — кивнул Виктор, — разворачивая светло-бежевую прямоугольную двустороннюю тумбочку хрущёвской поры и с трудом водрывая на неё чёрно-белый телевизор «Горизонт» с зеленоватым выпуклым экраном и внушительной круглой ручкой переключения каналов, — это была моя старая мечта. Восстановить обстановку моего детства. Воссоздать свои воспоминания.

— Работает? — поинтересовалась Наталья, скептически глядя на громоздкий аппарат.

— Нет, — тяжело выдохнул парень, — там вакуумная лампа сгорела. Я заказал копию на китайском сайте. Должны прислать через пару недель. Представляешь! С тех пор как были популярны такие телеки, прошло почти 50 лет, а китайцы до сих пор запчастки делают.

Вместе с Натальей, задвинув сервант на единственно верное положенное место и закрепив внутри зеркала и стёкла, Виктор довольно осмотрел вырисовывающуюся в комнате картину и, наконец, предложил:

— Может, перекурим и выпьем чайку?

* * *

Маленькая кухня, не больше 8 квадратных метров из-за обилия не распакованных коробок казалась ещё меньше, но всё-таки на ней умещались старая эмалированная мойка, холодильник, небольшая двухкафорочная газовая плита и квадратный белый стол из покрытой пластиком деревоплиты.

— У тебя и правда очень много интересных вещей, — заметила Наталья, профессиональным взглядом фотографа рассматривая чашки с золотистым орнаментом из цветов и листиков, пока на столе шумел электрический самовар, — непременно все их перефотокаю. Будет клёвый рарный сет. Как тебе удалось всё это сохранить?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор, — что-то было свалено в гараже, что-то было на даче, а какие-то вещи, если подумать, всегда были рядом со мной. Может, это просто психологическое свойство старёвщика, а может я подсознательно держался за все эти предметы. Вещи переживают своих владельцев... Не зря же считается, что они хранят память о них.

— Не рано ли ты решил создавать музей имени себя? — ехидно улыбнулась девушка, заметив, что парень как-то погрустнел.

— Пока есть время... Пока я ещё не всё забыл, — серьёзно ответил он и задумчиво посмотрел в окно, откуда на маленькую кухню светило мягкое августовское солнце.

— А я вот не держусь за старые вещи. И за воспоминания тоже, — Наталья налила из самовара две кружки кипятка и поболтала в обеих одним пакетиком чая, — может потому что они в основном хреновые... Помню, что в школе ко мне относились отвратительно. Да и в универе было не сильно лучше. А раньше...

Не помню, чего-то особенного из детства. Помню, что играла в куклы. Любила смотреть мультики... А ты?

Виктор всё ещё смотрел в освещённое солнцем окно, на зелёную листву, которая шелестела за небольшими деревянными рамами, покрытыми белой потрескавшейся краской и, казалось, совершенно не слушал девушку, но сразу ответил:

— А я помню почти всё. Помню этот стол на этой кухне и как я завтракал за ним. И что у меня была детская вилочка с тремя тонкими длинными зубчиками. Не такая, как делают сейчас для детей с нелепыми цветными ручками из пластика, а как взрослая, из настоящего набора столовых приборов, только маленькая. Помню, что такой летний солнечный день у меня почему-то ассоциируется с запахом жареной картошки с жареным луком, которую готовила бабушка. Только... Я почему-то не могу вспомнить, какие шторы были на окне. Конечно, они не сохранились... Но я даже не могу вспомнить, какими они были.

— Разве это важно? Такая мелочь.

— Всё большое состоит из мелочей. Все они цепляются друг за дружку, словно маленькие крючки, — Виктор вдруг поднялся с места и чуть повернул кухонную дверь, в распахнутом положении прикрывающую часть стены с выключателем, — смотри! Видишь эту дырку в стене? Когда-то здесь был серебристый дюралевый крючок, на который за дверь вешали всякие авоськи и пакеты. Однажды, мне тогда было три, я решил, что уже довольно самостоятельный. Я пошёл зачем-то на кухню, когда было уже темно. Взял эту табуретку, подставил к стенке и полез к выключателю, чтобы включить свет, но пошатнулся, упал и, распоров бок, повис на этом крючке. Никакой серьёзной травмы не было, просто длинная и глубокая царапина, крючок просто зацепился за пижамную рубашку и порвал ткань, но все очень сильно испугались. И я тоже. Плакал больше от испуга, чем от боли. Хотя не сознался в этом. Сказал, что жалко пижаму.

— Ты уже тогда был милым обманчиком и всё придумывал, — улынулась Наталья.

Парень молча приподнял футболку, и на его правом боку девушка вдруг увидела еле заметный давно замывшийся шрам.

— Я помню даже рисунок той пижамы: узор из повторяющихся Винни-Пухов и горшочков мёда. Мама и бабушка сказали, чтобы я не плакал, что они её непременно зашьют и постирают. И я сразу успокоился. А ещё была вторая пижама — с пятачком и зелёным шариком.

* * *

За окном начинало темнеть. Тем временем, квартира постепенно снова приобретала вид, знакомый одному лишь её прежнему хозяину. Вдоль стен выстроились старенький диван под вторым узорчатым ковром, полки для книг, чёрное пианино, круглый раздвижной обеденный стол. Под ноги лёг однотонный зелёный па-

лас, а под потолком вместо одинокой стандартной лампочки повисла люстра с шестью заострёнными электрическими «свечками».

— Знаешь, а ты буржуй... — проговорила Наталья, осторожно вынимая посуду из коробок с надписью «стекло» и расставляя в серванте, — если бы в моём детстве у меня были такие козырные наборы бокалов и тарелок, я бы тоже это запомнила. Я уж не говорю про хрусталь. Предлагаю в Новый Год достать их и устроить ретро-вечеринку.

— Так и сделаем, — кивнул Виктор, соединяя проводами радиолу с проигрывателем грамм-пластинок и парой вытянутых колонок с деревянным корпусом.

— М-м-м, — игриво протянула девушка, — теперь у нас и музыка будет?

— Сейчас проверим, — парень поставил первую попавшуюся пластинку, аккуратно опустил иглу и со звонким металлическим щелчком вдавил кнопку включения. На радиоле загорелась жёлтая шкала с диапазонами радиостанций, пластинка закружилась и из динамиков через тихий мягкий треск полилась музыка.

— Это Вагнер? — догадалась Наталья.

— Да. Опера "Тангейзер". Ты же говорила, что не разбираешься в классике.

— А я и не разбираюсь. Просто, если это что-то такое — тырым-пырым — весёленькое, то это Моцарт. Если более нежное и романтическое, то Вивальди. Если пафосное и величественное, то Бах. А пафосное и занудное, значит, Вагнер.

— И сейчас они все — тырым-пырым — перевернулись в своих гробах, — рассмеялся Виктор, — Это как раз-таки романтическая история про поэта, который потерялся в горах и долгие годы жил в пещере вместе с богиней Венерой. Вовсе не занудная...

— А это точно была богиня, а не какая-нибудь матерящаяся гномиха из твоего фэнтези? — прищурилась Наталья.

— Это же древне-германское предание...

— Ну, тогда всё ясно. Только занудные немцы смогли бы посадить богиню в пещеру, а занудный Вагнер написать об этом занудную оперу, — звонко рассмеялась девушка, — Уверена, что и сам герой с богиней занимались в пещере чем-то занудным... Иг-рали в лото, например.

— Хорошо, хорошо! Я понял. Давай сменим пластинку? — предложил Виктор, еле сдерживая смех и выключая проигрыватель.

— Ты это мне сейчас сказал?

— Что?

— Ну, ты намекнул.

— Вовсе нет.

— Это было сказано так... Словно вы язвите, Витя.

— Я старался, — расхохотался парень.

— Ах, ты... Ну ладно... Теперь я хотя бы знаю, какие язвы вырастают из зануд, которые в детстве слушают Вагнера.

— На самом деле в детстве я в основном слушал сказки. Такие записанные на пластинки. Тут среди других записей они есть... И примерно тогда же начал сочинять свои. Придумывал всякие продолжения, добавлял новых персонажей... Там всегда были какие-то удивительные приключения и обязательно хороший конец. Помню, что взрослые сожалели, что у нас не было магнитофона, а только этот проигрыватель... — Виктор задумался, уставившись в пустоту.

— А потом?

— Потом магнитофон купили, но я к тому времени уже перестал сочинять сказки.

— Ну, ты чего? — Наталья, снова почувствовав тоску в голосе парня, мягко обняла его сзади своими тонкими руками, — ты же в итоге всё-таки стал писателем. И неплохим писателем...

— Да... Только разучился делать счастливые финалы, — всё так же глядя в никуда, проговорил Виктор, — и записывать меня больше никто не хочет. Приходится самому.

* * *

За окнами совсем стемнело. Желтоватый фонарь красиво подсвечивал в ночи листву старой разросшейся липы. Квартира наконец-то приобрела обжитой вид, стала уютной и теперь вся была залита светом винтажной шестилампочной люстры. Сложенные «на время» коробки заняли своё вечное место за шкафом в прихожей. Обрывки бумаги, скотча и пупырчатой плёнки утрамбовались в раздувшийся пакет у входной двери в ожидании отправки на помойку.

Наталья сидела на полу, по-турецки подогнув под себя ноги, и разбирала книги. В основном это были ровные однообразные томики собраний сочинений, которые она нежно обмахивала чуть влажной тряпочкой и складывала в стопки, которые Виктор расставлял по полкам в одном ему ведомом порядке.

— А это очень интересно... — нарушила тишину девушка, — и это такое личное. Нечто доверительное.

— Что именно? — спросил Виктор, принимая из рук Натальи очередную порцию книг.

— Находиться здесь. Прикасаться ко всем этим вещам. Сидеть на этом ковре, том самом, на котором ты играл в детстве.

— Наверное... Только ковёр не тот самый. Он был натуральный шерстяной с довольно длинным ворсом, а это просто напоминающая его синтетика. К сожалению, всё сохранить невозможно, — писатель поставил ещё одну порцию книг на полку и сел на пол напротив девушки, — а вообще ты права. Я сидел вот здесь, в этой самой комнате. Вон там недалеко от окна стояла моя кровать, коричневая на маленьких колёсиках. Её давно продали... А играл я на полу, на ковре. Часами выстраивал какие-то города из

кубиков, а потом разыгрывал в них приключения разных героев. Игра могла затянуться допоздна и её сюжет не был закончен. И тогда меня укладывали спать, но не убирали кубики и игрушки. Всё оставляли на своих местах, чтобы на следующий день я мог продолжить. Ходили осторожно вокруг, боялись разрушить.

— Тебя очень любили...

— Да. И я был так счастлив. И думал, что так будет каждый день. Но только потом всё равно всё разрушилось, — Виктор замолчал.

— Просто детство прошло. Ты уже не ребёнок. Ты вырос. Так всегда бывает... — ласково проговорила Наталья, но писатель перебил её.

— Детство? Детство создавали мне родные люди. И оно не прошло... Оно ушло. Вместе с ними. Сначала дед. Так и не успел обсудить с ним всего, что хотел. Через полгода бабушка, которая любила меня, как никто больше. Дальше родители... Двоюродная родня... Каждый раз это воспринимаешь всё проще. Но потом понимаешь, что каким бы ты не считал себя молодым, но следующая очередь — твоя. А тот ребёнок, — голос Виктора вдруг задрожал, — он же до сих пор там, внутри меня. А весь этот «Я», который снаружи, со всеми своими делами, устремлениями, достижениями. Он только оболочка. Защищает маленького мальчика, у которого больше никого не осталось...

Наталья вдруг увидела, что на глазах писателя заблестели слёзы и, подсев ближе, снова молча обняла его, но, кажется от этого Виктору стало только хуже, потому что он почти расплакался.

— Я понимаю, тяжело терять близких...

— Вовсе нет... Я давно смирился с этим. Теперь я понимаю, что жалко мне вовсе не умерших. Страдают не те, кто умирают, а те, кто остаются. Мне жалко... Себя. Того маленького мальчика, который сидит в этой залитой солнцем комнате и с интересом играет в игрушки на зелёном ковре. Он так увлечён. И он счастлив. Но когда игра закончилась, он вдруг оглянулся и понял, что остался совершенно один...

— Я с тобой. С тобой, — пробормотала Наталья, неловко прижимая к себе и поглаживая голову Виктора, уже не зная, как успокоить писателя, который окончательно разрыдался.

— Я ведь был там счастлив. По-настоящему счастлив. В том солнечном дне. Когда всё было просто хорошо. Когда все были живы. Когда казалось, что завтра всё повторится и ничего не закончится. Если бы только был шанс... Один шанс... Наверное, я бы отдал всё. Всю свою оставшуюся жизнь. Только за то, чтобы снова оказаться там.

* * *

В тёплой тишине, которая была наполнена запахом мебели протёртой полиролью, свежестиранного постельного белья и старых книг, Наталье почему-то чудилось что-то знакомое. Откуда-то с

кухни раздавалось тикание маленького кварцевого будильника. А вот обычного посвистывающего храпа писателя совершенно не было слышно.

— Вить, ты не спишь? — наконец тихонько спросила девушка, боясь, что Виктор всё-таки спит.

— Нет, — ответил он, всё так же неподвижно глядя в стену с узорчатым ковром.

— А что?

— Думаю.

— О прошлом?

— В каком-то роде... Смотрю на ковёр и сочиняю. Раньше я делал так, придумывая, что могут значить все эти рисунки, — писатель повернулся на спину и устался в потолок, — Я вдруг понял, если смотреть на время, как на четвёртое измерение, где прошлое, настоящее и будущее существуют параллельно... То ничего не прошло. И никто не умер. И ничего никуда не девалось. Все остались где-то там, на оси времени, в пространственно-временном континууме. Просто я уже убежал чуть дальше.

— Тебя это успокаивает?

— Отчасти, — Виктор вздохнул, — может, поэтому я и люблю писать фантастику? Заново придумываю, как мог бы быть устроен наш мир. Фантазирую о возможностях...

— Да, это определённо твоё, — незаметно улыбнувшись, заметила Наталья, — вроде покупки этого бракованного китайского будильника, который идёт в неправильную сторону.

— Он просто идёт назад. И он не бракованный. Я сам его переделал, — ответил писатель, — там внутри есть маленькая прямоугольная магнитная пластинка. Если перевернуть её, то механизм начинает двигаться в противоположную сторону.

— Но зачем? Какой смысл в таких часах?

— Ну, во-первых, два раза в сутки они всё-таки показывают правильное время. А во-вторых, — голос Виктора снова еле заметное дрогнуло, — они напоминают мне о том, что возможно всё.

Наталья чуть приподнялась на подушке и посмотрела на писателя, чуть погладив его рукой поверх одеяла.

— Мне кажется, зря ты затеял всё это со своими воспоминаниями. Делаешь себе больнее. Нельзя же всё время жить прошлым...

— А как надо жить?

— Одним днём.

— Хм... А что же делать, если этот один день прошёл? Уже очень давно...

— Забыть о нём. И смотреть только вперёд. В новый день. В который не всякий может взглянуть...

— Нет. Это моё. Только моё. Часть меня, — твёрдо ответил парень, не заметив шутки, — это делает меня тем, кто я есть.

— Да, конечно... Просто...

— Тебе не нравится всё это? Всё, что я тут устроил, — Виктор пристально посмотрел из полумрака в глаза девушки, — думаешь, это глупость? Надо жить настоящим?

— Какая уже разница, что думаю я? — мягко ответила девушка вопросом на вопрос и, тихонько вздохнув, прижалась к плечу писателя.

— И всё же?

— Ты же знаешь, я очень нетребовательна к обстановке. Мне нужен-то только матрас, чтобы спать, и угол, куда кинуть фотоаппарат и сумку с вещами. И если тебе для своего писательского творчества важно создать музей своих воспоминаний, я готова жить среди твоих воспоминаний. Главное, чтобы для меня там нашлось место.

— Ну, ты же здесь...

— Да.

* * *

Утро принесло с собой какую-то необычную яркость и свежесть. Виктор проснулся от звуков, словно врывающихся в квартиру со всех сторон. Он приоткрыл глаза и увидел, что оба окна в комнате были распахнуты настежь. С кухни доносился шум закипающего чайника и шлепки босых ног по линолеуму. Писатель сладко зевнул, потянулся и прошёл на кухню.

— Проснулся, наконец, соня! — весело прощелбетала Наталья, чмокнув Виктора в щёку, — прости, что не сильно разговаривалась. Вот. Чай, бутеры. Садись. И скоро пойдём.

— Куда? — поинтересовался писатель, медленно усаживаясь за стол и откусывая бутерброд.

— Меня вызывают в редакцию. Им срочно понадобились мои снимки. А отправить их по мылу я не могу, потому что в твоём музее пропало электричество и интернет, — затараторила девушка, мелкими глотками отпивая свой чай, — я и самовар-то этот не смогла включить. Хорошо, что есть газ и спички.

— Ну... Я-то никуда не тороплюсь, — довольно улыбаясь, ответил писатель, специально растягивая каждое слово и продолжая со смаком поглощать бутерброд.

— Ошибаешься, — ухмыльнулась Наталья, — твоя задача разобратся, что не так с электричеством и, вероятно, сходить в хозяйственный за какими-нибудь запчастями и инструментами. Говорят, некоторые писатели разбираются в этом немного...

— Некоторые даже достаточно разбираются...

— Чтобы запустить время вспять? Так и знала, что ты у меня мастер на все руки.

Пока Наталья надевала свои кроссовки, Виктор пощёлкал предохранителем-автоматом в электрощитке и, сообразив, что дело не в нём, вышел из квартиры вместе с девушкой. Молодые люди спустились вниз по узкой лестнице и, ещё раз поцеловавшись у подъ-

езда, разошлись в разные стороны заросшего зеленью старого двора.

* * *

Писатель вернулся через полтора часа или чуть больше. Он пошёл к двери квартиры с цифрой 9 на прикрученном парой шурупов металлическом ромбике, вставил ключ в замочную скважину, но успел повернуть его только на один оборот. Кто-то повернул замок ещё раз с внутренней стороны. Дверь открыла старая седовласая женщина в домашнем платье и наброшенной на плечи кружевной шали.

— А вот и вы! Признаться, я представляла вас иначе, — сказала она так непринуждённо, словно это Виктор пришёл к ней в гости, а не она неизвестно откуда появилась в его квартире, — в любом случае вы пришли вовремя. Проходите.

Не понимая, что происходит, Виктор зашёл домой и небрежно бросил пакет со своими электротехническими покупками в угол, где до этого были засунуты за шкаф картонные коробки. Странно, но теперь он их там не увидел. В квартире было тихо и пахло жареным луком.

— Удивительное дело. Я совершенно точно знала, что вы должны прийти в это время, но всё равно не успела закончить со своей стряпнёй, — продолжала, как ни в чём не бывало незнакомка, — проходите на кухню... А то у меня сейчас всё подгорит.

— Простите, но вы кто? — спросил Виктор, следуя за ней.

— О, это совершенно не важно, — ответила женщина, торопливо размешивая в сковородке жареную картошку с луком, — намного важнее, что мы, наконец, встретились.

— Не могу сказать, что я рад встрече. Что вы делаете в моей квартире?

— В вашей квартире? — незнакомка улыбнулась, — ничего. Ведь это моя квартира.

— Ясно, — не рассчитывая уже добиться каких-то вразумительных объяснений, сказал писатель, и полез в карман за мобильным телефоном, — я вызываю полицию.

— Не торопитесь, молодой человек, — сказала женщина, наблюдая за тщетными попытками Виктора набрать номер, — ваша радиосвязь тут не работает. Вы напоминаете мне моего покойного мужа. Он вечно торопился... Как вы. Лишь бы сделать поспешные выводы и нажать кнопку... Вместо того, чтобы просто подождать. В большинстве случаев достаточно просто подождать... Когда всё станет ясно... Само собой.

— Хорошо, я подожду, — согласился писатель, садясь за стол, — скоро сюда вернётся моя невеста и мы вместе разберёмся, кто вы: мошенница или сумасшедшая.

— Скорее сюда придёт мой муж, — рассмеялась незнакомка, накладывая картошку в тарелку, — будете?

— Нет, — твёрдо отрезал Виктор, зло сверкнув на женщину глазами.

— Будете, — мягко повторила она и поставила тарелку перед писателем.

— Буду, — неожиданно для себя всё с той же недовольной интонацией повторил он.

— Ну, вот и хорошо. Держите вашу вилочку.

Виктор покрутил в руках небольшой столовый прибор, который положила на стол женщина. Чуть тяжёлая и холодная на ощупь, изготовленная целиком из нержавеющей стали с тремя тонкими зубчиками и массивной ручкой.

— Откуда она у вас? Она ведь...

— Потерялась при переезде?

— Да.

— Нет. Ничего не теряется, — женщина чуть улыбнулась и покачала головой, а потом, словно спохватившись, посмотрела на часы, — вы меня простите, молодой человек, но пока я тут с вами болтаю, у меня уже 19 минут как идёт фильм.

Незнакомка поправила свою шаль и гордо прошла в комнату, откуда через минуту послышался щелчок телевизионной кнопки и молодой Боярский запел о том, что «всё пройдёт». Какое-то время, вслушиваясь в музыку, писатель задумчиво повертел на вилке румяный зажаристый картофельный кубик, но, так и не решившись его попробовать, отложил назад и прошёл следом за незнакомкой. Она сидела на диване перед телевизором и с выражением полнейшей безмятежности наблюдала за происходящим на выпуклом экране.

— Он что же? Всё-таки работает? — задал Виктор вопрос и сразу же получил очевидный ответ.

— Как видите. Вообще я считаю, что техника должна работать. Иначе её существование становится бессмысленным. В отличие от людей.

Не сильно вникая в пространные размышления старой женщины, писатель оглядел комнату, мысленно прикидывая, не пропало ли что-то из квартиры. Его взгляд остановился на стоящем на фортепиано фото в рамке, с которого улыбалась молодая симпатичная блондинка. Его определённо принесла с собой незваная визитёрша, очевидно решив так обозначить свою территорию.

— А это вы в молодости? — поборов возмущение спросил парень.

— Нет. Это моя дочь, — мельком взглянув на портрет, ответила женщина, и сразу же добавила, — она давно умерла.

— Простите, — смутился писатель, понимая, что женщина, вероятно, просто не в себе после смерти своего ребёнка, и постарался сразу перевести тему, — а что за фильм вы смотрите? Я знаю только песню...

— «Куда он денется!» — неожиданно раздался за спиной писателя звонкий молодой голос.

Виктор обернулся и вдруг увидел симпатичную блондинку с фотографии. Высокая и стройная с длинными волосами, завязанными в конский хвост, она стояла в дверном проёме между комнатой и прихожей, опершись спиной о косяк, и улыбалась.

— Музыкальная комедия. Такая себе... Проходная. Но маман любит всякое ретро, — девушка оценивающе прошлась глазами по писателю и, выдержав паузу, продолжила, с лёгкой иронией в голосе, — так-так. Стоит мне задержаться в универе, как маман уже навела себе мужиков. Молодых и симпатичных. Вечером всё отцу расскажу. Спорим, его будет бомбить?

— Ну, оставь ты свои шуточки, Катерина, — строго отозвалась седовласая женщина, — молодой человек — писатель. Зашёл поболтать о литературе и философии, а ты его смущаешь.

— У-у-у, гуманитарий... Ну, не буду нарушать ваш интим, — чуть расстроено отозвалась девушка и скрылась на кухне, — м-м-м, оставили мне картошечку! Спасибо, мам! Я быстро перекушу и сваливаю.

— Поешь нормально! Не глотай кусками, — громко сказала седовласая незнакомка.

— Ну ма-а-ам! — чуть капризно протянула с кухни Катерина.

Писатель снова взглянул на фортепиано, где только что стояла фотография в рамке, но она пропала. Делая последнюю попытку выяснить, что же происходит, он почти вбежал на кухню, откуда пару минут назад слышался звон вилки о тарелку. Однако ни бойкой девушки, ни тарелки с картошкой, ни даже его детской вилочки, там тоже уже не было. Только белый пустой квадрат покрытого пластиком стола, освещённый желтоватым уличным фонарём через окно, за которым резко стемнело.

— Золотисто-бежевые, — пробормотал писатель, глядя на полузадёрнутые кухонные шторы, — они были золотисто-бежевыми.

Виктор вернулся в комнату, где горел тёплый свет от люстры с шестью лампочками в виде заострённых свечек. По телевизору шла заставка передачи «Спокойной ночи, малыши!», а на зелёном ковре рядом с детской кроваткой играла в куклы маленькая девочка лет трёх. Парень перевёл взгляд на диван, где сидела пожилая женщина, но увидел там эффектную блондинку средних лет, неторопливо листающую томик Толстого.

— Что, чёрт возьми, происходит?! — не выдержал писатель.

— Вы всё ещё не поняли? — блондинка отложила книгу и пристально посмотрела на Виктора, — ну, хорошо... Давайте только я сначала уложу ребёнка, а вы пока поставьте нам чайку, — женщина встала и подошла к девочке, — Катенька, пора спать. Давай переодеваться, хорошая моя...

Писатель, пошатываясь, прошёл по знакомой прихожей на знакомую кухню, включил свет и зажёл газ под знакомым пузатым чайником. А потом сел за стол и уставился на его холодную белую поверхность в надежде, что вот-вот проснётся.

* * *

— Вы задумывались когда-нибудь, что такое утрата близких? — послышался из темноты тихий голос незнакомки.

Виктор поднял на неё глаза и увидел перед собой молодую женщину в домашнем халате в синий цветочек с заметно округлившимся животом. Она открыла белый кухонный шкаф, образующий вместе со столом своеобразный гарнитур в минималистическом советском стиле, достала пару чашек с золотистыми цветочками и налила чай.

— Как вы думаете? Почему именно смерть вызывает в нас столько сильных переживаний? — спросила женщина, усаживаясь напротив писателя, и, не дожидаясь ответа, продолжила свою мысль, — ведь в конечном итоге умирают все. В этом нет ничего особенного или уникального. За многие десятки тысяч лет люди должны были к этому привыкнуть. Обычное явление.

— Из-за расставания, — предположил писатель.

— Нет, — чуть подумав, возразила блондинка, — дело и не в расставании. Не в том, что родного человека нет рядом. Все расстаются. Уходят на работу, оставляя своих детей. Отправляют стариков в больницы и дома престарелых. Разъезжаются по разным квартирам. По разным городам. Дело не в расставании. А в осознании того факта, что это навсегда. В понимании принципиальной невозможности возвращения. Это главная трагедия человека. Невозможности вернуться.

— Вы правы, — с бессильной тоской в голосе согласился парень.

— Конечно, права, — довольно улыбнулась женщина, умиrotворённо погладив себя по животу, — иначе бы я не посвятила остаток своей жизни решению этой проблемы. Вы ведь помните, что тут рядом идёт трамвайная ветка?

— Предлагаете мне броситься под трамвай?

— Упаси, боже... За кого вы меня принимаете? Я же не какой-нибудь Воланд. И даже не Маргарита, — рассмеялась блондинка, — просто небольшая иллюстрация. Мысленный эксперимент. Представьте себе старый трамвай, который едет по рельсам. Сначала в одну сторону, а потом в другую. Очевидно, он меняет направление своего движения. Но вот пассажиры каждый раз представляют, что трамвай едет только вперёд. Туда, куда и нужно. Лишь потому, что им просто по пути.

Незнакомка замолчала, полезла в карман халата и протянула Виктору карамельку. Он покрутил в руках промокший в потёкшем сахарном сиропе фантик и на этот раз без опаски положил конфету в рот.

— Барбариски...

— Ваши любимые.

— Да. Помню бабушка часто приберегала их для меня в кармане халата, чтобы при случае угостить... Чёрт! Как это возможно?!

— Возможно всё, — женщина снова залезла в карман и вдруг поставила перед парнем небольшой китайский будильник, стрелки которого, чуть подергиваясь, как и положено шли вперёд, — да вы и сами прекрасно знаете, что все направления условны. И направления во времени — тоже. И то, что многие по привычке живут, двигаясь из прошлого в будущее, вовсе не означает, что это подходит абсолютно всем. Кому-то нужно двигаться назад. Кому-то перпендикулярно. А кому-то, как вам, просто хочется остановиться. И я помогу вам в этом.

— Но почему сейчас? И почему всё вокруг так... совпадает?

— Это интересный вопрос, — блондинка встала и подошла к окну, — почему вы живёте на 3-м этаже в 9-ой квартире дома номер 81? Почему это последовательность квадратов чисел? Почему сумма цифр номера дома равна номеру квартиры? Почему восьмёрка похожа на повернутый символ бесконечности? Почему у вас куплена именно такая мебель и почему она может быть расставлена в этой квартире единственным оптимальным способом? Почему мы встретились именно здесь и сегодня? Может, потому что вам это было необходимо? А, может, просто потому, что трамвай всегда едет по рельсам?

— Возможно...

— Подойдите-ка сюда... Взгляните.

Виктор подошёл к блондинке и посмотрел в окно. Там уже начался новый день. Солнце играло своими золотыми зайчиками в свежей зелёной листве, чуть шелестящей от дуновений лёгкого летнего ветерка. Во двор вышел уже полностью седой, но бодрый, дедушка с внуком. Маленький мальчик весело подбежал к песочнице и начал увлечённо катать в ней игрушечную машинку.

— Это же... Я... — прошептал писатель.

— Знаете, что это означает?

— Да, — парень на минуту обнял блондинку, крепко прижав к себе, и прошептал, — это моя остановка.

— Тогда идите. В лучший день своей жизни. Идите! Трамвай не будет ждать вас слишком долго.

Витя вошёл в залитую солнцем комнату, где перед детской кроваткой на зелёном ковре со вчерашнего дня его ждали машинки, человечки и построенный из кубиков город. Мальчик поудобней устроился на мягком ворсе и продолжил играть в свою игру. Его ждало ещё множество выдуманных историй, полных загадок и приключений, но обязательно со счастливым концом.

* * *

Наталья с фото-сумкой через плечо вошла в подъезд, поднялась на этаж и внезапно столкнулась с эффектной блондинкой, выходящей из дверей её с Виктором квартиры. Незнакомка собиралась было запереть дверь снаружи, но чуть замешкалась, а Наталья уже крепко схватила её за локоть.

— Ты что тут делаешь? Ты кто такая вообще?

— Это не важно, — торопливым полусшёпотом проговорила блондинка, всё ещё стараясь повернуть и вытащить ключ, — хоть Венера... богиня любви... безрукая.

— Чего?! Я спрашиваю, что ты делала у меня в квартире?!

— Вам лучше просто уйти и забыть об этом месте, — незнакомка неожиданно пристально и серьёзно посмотрела на девушку, — забыть всё. Вы всё равно забудете...

— Что ты говоришь? Это моя квартира! Там мои вещи!

— Это не ваша квартира... И там нет ваших вещей, — невозмутимо ответила блондинка, всё-таки пропуская напористую соперницу внутрь.

Наталья вбежала в небольшую однокомнатную хрущёвку и замерла посреди голых белых стен. Помещение было совершенно пустым: ни старомодной мебели, ни ковров, ни забавных вещей и практически антикварной посуды. Казалось, они с Виктором вовсе не заезжали сюда вчера и не восстанавливали целый день старую обстановку.

Первая мысль о том, что их, возможно, обокрали, вдруг наткнула на удивительный факт, которому Наталья сразу не поверила. Она даже специально поближе подошла к стене и несколько раз провела рукой по ней в том месте, где должны были находиться дырочки от старого ковра.

— Убедились? — нетерпеливо и даже раздражённо спросила незнакомка растерянную Наталью, и буквально выволокла её за руку из квартиры.

— Но... Как же? А где Витя?

— Его здесь нет.

— Но он ведь жил здесь... — неуверенно проговорила девушка.

— Он и живёт... Там, где и жил раньше, — сухо ответила блондинка, но, видя недоумевающий взгляд Натальи, чуть смягчилась, — не волнуйтесь вы, девушка. С ним всё хорошо. Он там, где хотел быть. И он счастлив.

— Он что уехал? Не предупредив?

— Да. На ночном трамвае, — буркнула блондинка и, наконец, справилась с замком, приперев дверь коленом.

— Но мы же... Виделись утром...

Полностью обескураженная и подавленная, Наталья опустилась на подгибающихся ногах и села на ступеньки. Блондинка торопливо взглянула на часы и, обойдя девушку, быстро сбежала по лестнице. Спустившись на полпролёта вниз, она всё-таки оглянулась.

— Он не мог вас предупредить. Ведь его здесь не было. И всего этого места тоже. Вы, не понимаете... Но, главное, не волнуйтесь. Не заикливайтесь на прошлом. Скоро всё изменится. Всё вокруг. И вы забудете. Просто настанет новый день.

ЕВГЕНИЙ МИРМОВИЧ

Родился в Ленинграде в 1973 году. По образованию юрист. В прошлом офицер силовых структур, подполковник, с 2012 года предприниматель, с 2019 года один из редакторов литературного портала «Изда читальня». Выпускник литературных курсов при Литинституте им. Горького (курс секретаря Союза писателей России Андрея Воронцова). Лауреат конкурса, посвящённого 80-летию С. Довлатова, премий «Славянское слово 2022» (Болгария) и «ДИАС» (СП Республики Татарстан). Призёр литературного конкурса им. В.Г. Короленко. Член Союза писателей

России. Публиковался в альманахах: «Дороги жизни», «Притяжение», «Литературной газете», журналах: «Кольцо», «Дрон», «Волга», «Пять стихий» и «Невский проспект». Автор книги рассказов «Бессмертие».

САМЫЙ ГОРЬКИЙ ДЕНЬ

Юрка приоткрыл тяжёлую покосившуюся деревянную дверь с резными узорами и выглянул на безлюдный проспект. Осмотревшись на свету, он по сложившейся за целый год войны привычке сразу же перебежал на другую сторону улицы, которая была безопаснее при артобстрелах. В утренней тишине медленно падали крупные снежинки. Юрка пошёл по узкой тропинке между сугробов, огибая вмёрзший в мостовую трамвай с выбитыми стёклами, покрытый льдом, как дрейфующее в Арктике погибшее судно. До первого урока оставалось пятнадцать минут. Нужно было спешить.

Ещё два квартала – и направо, через мост, мимо появившейся вчера возле моста огромной воронки, где в небо уродливо торчали искорёженные трамвайные рельсы, словно оглобли дьявольской колесницы, брошенной хозяином в припадке бешенства.

Вещмешок за плечами бил Юрку по худой спине, когда нужно было перепрыгнуть через груды битого кирпича или обломки оконных рам, которые не успели убрать после ночного налёта. Там в заветном вещмешке учебник по геометрии, томик Пушкина с оторванной обложкой и бережно завернутый мамой в тряпицу кусочек чёрного хлеба.

На ходу Юрка попытался повторить заданное на дом доказательство теоремы, но тут же запутался. Зато с лёгкостью повторил отрывок из «Руслана и Людмилы» и дальше всю дорогу с упоением думал о завернутом в платок куске слегка подсохшего, солоноватого, немного пахнущего подсолнечным жмыхом, ноздреватого чёрного хлеба. Юрка представлял себе его гляцевую, бурую, закруглённую корочку с одной стороны и шероховатые края с других сторон. Ему хотелось прижать этот вождеденный кусочек к своей щеке, держать в руках, прикасаться к нему губами, вдыхать еле заметный аромат, смотреть на него. А уж потом, медленно

рассасывая во рту каждую крошку, с наслаждением съесть. От этих мыслей у Юрки сводило гортань, и он снова повторял отрывок из Пушкина.

Редкие прохожие старались не смотреть друг на друга. Одни шли быстро, не озираясь по сторонам, другие еле передвигали ноги, сосредоточенно глядя в снег перед собой, но те и другие берегли силы, не совершая лишних движений, не произнося бесполезных слов, не расходуя себя даже на неоправданный взгляд в сторону. Печальная участь постигла всех, кто не научился этому за первый год блокады. По отсутствию такой привычки Юрка легко отличал людей, прибывших в Ленинград с большой земли. Как правило, это были ответственные работники или военные.

Так же чётко Юрка научился определять по лицам людей приближение смерти. Последний раз он видел такое лицо вчера. Сосед по коммунальной квартире Николай Карлович не вставал уже второй день. Его глаза будто провалились глубже внутрь черепа, и когда старик лежал на спине, казалось, что он умышленно втянул их в себя, чтобы не видеть окружающий мир.

Миновав присыпанную снегом воронку и мост, Юрка свернул на улицу Плеханова, за Казанский собор. На небольшой площадке возле сколоченного наспех ещё до войны дощатого нужника сидел на опрокинутой бочке странно одетый мужчина. Модная кепка-восьмиклинка натянута поверх шарфа, которым была, как платком, перевязана его голова. Не по размеру маленький ватник, простроченный вертикальными полосами, обнажал замёрзшие тонкие запястья и необычайно вытянутые кисти рук. Солдатские брюки-галифе уходили в хорошие, но давно не чищенные яловые сапоги.

Незнакомец поймал Юркин взгляд.

– Стой! – сухо, коротко произнёс он, словно отдал команду.

Юрка остановился и заметил, что лицо мужчины тут же приобрело жалкое страдальческое выражение, но отпечатка смерти, как у Николая Карловича, на нём не было. Бледный лоб с большой, словно нарисованной родинкой над левой бровью сморщился, изображая муку. Тонкие чёрные усики минорно повисли над верхней губой.

– Помоги мне, я погибаю от голода, – произнёс незнакомец, протягивая Юрке свои худые длинные пальцы.

– Вы не смогли отоварить карточку? – спросил Юрка, вспомнив, как недавно пожилая соседка Вера Афанасьевна не смогла выстоять длинную очередь за хлебом и вернулась домой в слезах. Тогда мама помогла ей, и Вера Афанасьевна благополучно получила свой паёк иждивенца.

– Сегодня самый горький день в моей жизни. Я впервые прошу подаяния. У меня пока нет карточек. Мой завод эвакуировали, а я отстал. Мне бы два дня продержаться. А там меня отправят через Ладогу вслед за моими товарищами. Вот у меня есть документ, –

мужчина начал вытаскивать из кармана бумагу, – у тебя ведь есть хлеб? Дай мне немного, пожалуйста. Иначе я погибну.

Юрка нерешительно снял с плеча вещмешок. Глаза незнакомца смотрители на Юрку пристально, не отрываясь. Под гнётом этого взгляда развернуться и уйти было так же трудно, как остаться живым, стоя во весь рост под пулемётным огнём. Юрка развязал мешок и достал хлеб. Руки незнакомца задрожали и потянулись к мальчику своими длинными полупрозрачными пальцами.

Юрка попытался отломить половину своего хлеба голодающему, но разделить на две равные части не получилось. Один кусок был явно больше другого. Юрка застыл в нерешительности, размышляя, какой же отдать. В ту же секунду он понял, что незнакомец прочитал его мысли, и Юрке стало стыдно. Он протянул мужчине большой кусок.

Тот с жадностью набросился на хлеб, не обращая на Юрку больше никакого внимания.

Убирая оставшийся хлеб в мешок, Юрка подумал о том, что незнакомец голодает недавно. Люди, привыкшие к долгому недоеданию, никогда не запихивали в рот пищу с такой жадностью. Это было ещё одно из его наблюдений за последний год.

Оставшуюся часть пути до школы Юрка уже не пытался вспоминать теорему. И даже чувство голода как будто отступило. «Ведь останется жив этот человек. Он будет работать на заводе. Делать снаряды, которыми Красная армия бьёт фашистов. А я могу вечером принести дров Вере Афанасьевне, и она наверняка угостит меня за это затирухой».

Потом Юрка вспомнил тонкие длинные пальцы незнакомца и крепкие ладони своего отца, рабочего Обуховского завода, ушедшего на фронт. И руки дяди Никиты, который закручивал гайки двумя пальцами так, что многие не могли открутить и ключом. Неприятные сомнения заёрзали в душе мальчика. Но, быть может, незнакомец инженер или нормировщик, как дядя Захар. «Сейчас для победы ценны каждые руки», – вспомнил Юрка слова своей учительницы и немного успокоился.

Вечером дома Юрка не стал рассказывать маме о встрече с незнакомцем. Вряд ли мама будет этому рада. Бросив в комнате вещмешок, Юра сразу же побежал во двор за дровами и притащил их в комнату соседки Веры Афанасьевны.

– Здравствуй, Юрочка! Как хорошо, что ты зашёл. Садись, пожалуйста, за стол, угощайся, – Вера Афанасьевна пригласила седые волосы, поправила бирюзовые бусы на белом накрахмаленном платье и поднесла к своим губам маленькую кофейную чашечку с золочёным ободком. Она держала её за тонкую фарфоровую ручку двумя пальчиками, чуть оттопырив в сторону мизинец.

Юрка застыл в дверях с охапкой дров в полной растерянности. Тёмно-синие бархатные шторы с золотыми кистями были раздвинуты на нарушение светомаскировки. За ними, в окне, переклеенном крест-накрест газетной лентой, покачивался в фиолетовой

мгле вечернего неба неуклюжий серый пузырь аэростата. В открытой буржуйке горели чопорные ножки венского стула. У стены в бронзовых канделябрах угольно-чёрного пианино мерцали две лучины, вставленные вместо свечей. На столе, покрытом ажурной скатертью, перед Верой Афанасьевной стоял белоснежный сервиз на шесть персон, украшенный изображением витиеватых жёлтых лилий. Все тарелки и супница посередине стола были абсолютно чисты.

– У меня сегодня день рождения! Садись, пожалуйста, Юрочка. Отобедай вместе со мной, – Вера Афанасьевна вновь поднесла к губам пустую кофейную чашечку и, как ребёнок в детской игре, понарошку отхлебнула из неё.

Юрке стало неловко. Угольки догорающей лучины осыпались на белые клавиши открытого пианино.

– Извините, Вера Афанасьевна, мне нужно идти, – Юра положил дрова у порога.

– Жаль. Приходи ко мне вечером, я сыграю тебе Шопена, – Вера Афанасьевна вновь сделала мнимый глоток из фарфоровой чашечки.

Этой зимой в некогда многолюдной коммунальной квартире из соседей, кроме Веры Афанасьевны, оставался лишь пожилой литературовед Николай Карлович, питавшийся только в столовой Пушкинского дома, и студентка театрального института Танечка. Все остальные эвакуировались или были на фронте, либо погибли ещё в первую блокадную зиму от голода и обстрелов.

Поразмыслив, Юрка решил, что ждать помощи от Николая Карловича не стоит. С тех пор как осенью пропала без вести его однанадцатилетняя внучка Оля, старик частенько менял свою порцию в столовой на сухари или кусочки сахара, которые бережно заворачивал в газету и складывал в картонную коробку с изображением Спасской башни Кремля на крышке. «Оленька скоро найдётся. Она придёт голодная, и мне нужно будет угостить её», – говорил старик, аккуратно складывая сухарики в коробку. Никто из соседей не верил в возвращение Оленьки, но все сдержанно молчали, не осмеливаясь лишать старика пусть и бессмысленной, но греющей его душу надежды.

Юре иногда хотелось попросить у Николая Карловича один кусочек сахара, но мама строго запретила ему это делать. Вспомнив про этот запрет, Юрка постучался в дверь Танечки.

– А, Юрка, привет! Помоги мне, пожалуйста, застегнуть платье, – Таня повернулась к Юрке спиной, подставляя застёжку, и, кажется, была ему рада.

Несмотря на разницу в возрасте, они дружили. Таня часто репетировала дома перед зеркалом, и Юрка с удовольствием помогал ей, сидя с ногами на тумбочке и сверяя все произнесённые Таней фразы с напечатанным на пишущей машинке текстом пьесы. За это приходивший к Тане жених Валька Григорьев из консерватории ласково называл Юру суфлёром.

– Таня, откуда у тебя такое красивое платье? Я никогда его у тебя не видел!

– Это сценический костюм Офелии, – улыбнулась Таня, – мне дали его в институте для репетиций. Ты не читал «Гамлета»?

– Нет. Мы ещё не проходили.

– Теперь в институте не топят печей, и студентам разрешено больше репетировать дома. Ты сможешь мне сегодня?

– Я сегодня отдал беженцу половину своего хлеба и не хочу рассказывать об этом маме, – Юрка забрался на свою тумбочку и опустил глаза.

– У меня есть «Бадаевская конфета». Помнишь, как в прошлом году горели Бадаевские склады? Там горел и плавился, растекаясь по земле, сахар. Ребята из нашего института потом отламывали кусочки застывшей на земле массы. Очищали от песка и заворачивали в обрывки газеты. Вот такие конфетки получаются. Я недавно выменяла. Давай съедим вместе? – Таня улыбнулась, и её худенькая, бледная рука протянула Юре газетный свёрток. – Ломай пополам.

Юрка аккуратно развернул лакомство и попытался разломить надвое полупрозрачную грязно-жёлтую плитку. Опять не вышло на равные части. Юрка уверенно протянул Тане большую часть. Таня жестом показала, что нужно сделать наоборот. Её мягкое, почти детское лицо скрывало за нежной улыбкой обречённую покорность, печальную готовность ко всему и желание хоть на время отгородиться от военных тягот светлыми мыслями о театре. Юрке на миг показалось, что на этом лице почти то же выражение необратимости смерти, что и у Николая Карловича, но мальчик тут же прогнал эту мысль.

– В институтской столовке суп как вода. Крупинки пшена можно в нём сосчитать. И от елового отвара уже тошнит, – как будто оправдываясь, произнесла Таня.

– Завтра суббота, и мы с мамой пойдём вместе отovarивать карточки в булочную. Я постараюсь принести тебе немного хлеба. Мама разрешит.

– Спасибо тебе, Юрка. Давай учить роль.

Они репетировали весь вечер, пока на пороге комнаты не появился Григорьев. Высокий, слегка сутулый студент в потрёпанном старом пальто, вечно носивший с собой скрипку в буром кожаном футляре с оторванной верхней застёжкой.

– Ну что? Как дела, суфлёр? – Григорьев улыбнулся и ласково потрепал Юрку по волосам.

Это означало, что Юрке пора к себе в комнату. Он нехотя передавал Танечку в надёжные руки Григорьева, немного завидуя ему и наблюдая, с какой нежностью, не отводя глаз, Таня смотрит на своего скрипача.

Наутро Юра вместе с мамой отправился в булочную на углу улицы Пестеля и Моховой. Пошла вместе с ними и Вера Афанасьевна. Несмотря на ранний час, у булочной уже скопилась огромная

очередь. Многие занимали очередь с ночи, чтобы в первых рядах получить хлеб. День выдался морозный и солнечный. Снег искрился, скрипел под ногами и слепил глаза. В утренней тишине Юрке на миг показалось, что нет больше войны. Сейчас дадут хлеб, и голод отступит. Он вспомнил продавщицу, нарезающую хлеб на порции огромным ножом с широким лезвием и маленькой, короткой деревянной ручкой. Женщина в брезентовом фартуке всегда с поразительной точностью мгновенно кроила буханку на равные доли. Её огромный, похожий на топор сказочного палача нож совершал молниеносные и точные движения по заданной траектории, глухо ударяясь о деревянную доску. Под его взмахами буханка хлеба становилась всё меньше и меньше, превращаясь в мизерные рабочие и иждивенческие куски.

Когда Юра с мамой уже стояли в хвосте очереди, воздух пронзительным стоном разрезал вой ручной сирены. Вдалеке послышался нарастающий гул самолётов. Казалось невозможным, что именно сейчас, таким солнечным утром, когда привезли и скоро будут давать хлеб, может произойти что-то страшное. Люди в очереди начали переглядываться, кто-то, задрав голову, смотрел в синее, ещё совершенно чистое небо.

– Пойдём, Юрочка, в убежище. Так положено, – мама крепко взяла Юрку за руку и потянула за собой.

Часть людей из очереди тоже поспешно направились в сторону убежища на Моховой улице, но многие по-прежнему остались ожидать открытия магазина.

– Вера Афанасьевна! – крикнула мама, увидев, что соседка осталась в очереди.

– Нет-нет, я останусь, – ответила та и замахала руками, – здесь нет заводов, сюда не ударят.

Через несколько минут, сидя на деревянной лавке в бомбоубежище, Юрка слышал вдалеке уханье взрывов и пытался понять, где бомбят? На Петроградской стороне или Васильевском острове? А вдруг те люди, что остались в очереди, сейчас разберут весь хлеб? Вдруг нам теперь не хватит? Юрке вдруг стало смертельно обидно от этой мысли, и он дёрнул маму за рукав.

– Мам, бомбят далеко. Пойдём обратно за хлебом. Вдруг нам не хватит?

– Нет, Юрочка, так делать нельзя.

– Но многие же остались.

– Нет, я боюсь.

– Вон Вера Афанасьевна не испугалась и уже, наверное, получает.

– Нет, Юра, на время налёта магазинов должны закрыть.

В этот момент страшный удар сотряс стены подвала. Юрка увидел, как чёрный репродуктор сорвался со стены и угодил в голову сидящей под ним женщине. Тут же погас свет, и мрак наполнился людскими криками. Юрка почувствовал, как руки матери с силой прижали его к себе. Через минуту наступила полная тишина. Или

Юрке почудилось, что это была тишина. Она была такой долгой, будто теперь не кончится никогда. Впервые за последние месяцы войны ему вновь стало страшно, и он заплакал, но тут же, услышав собственный голос, устыдился и замолчал. Вокруг появились звуки. Люди зашевелились. Кто-то вполголоса разговаривал. Затем открылась дверь, и в подвал пробился дневной свет.

Когда Юра с мамой вышел на улицу, ему показалось, что они очутились в другом районе города. С одной стороны по-прежнему была Моховая улица, но с другой стороны дома отсутствовали. На месте булочной, где стояла очередь, из огромной груды камней вырывались языки пламени. Половина пятиэтажного дома была словно отрезана тем самым широким ножом, которым тётка в брезентовом фартуке нарезала хлеб.

Обнаживший свои внутренности дом стоял, обескураженно помахивая висящей на одной петле белой дверью на четвёртом этаже. Она болталась на ветру, подобно выброшенному белому флагу. Этажом выше на фоне ярко-розовых обоев покачивалось чудом уцелевшее старинное зеркало в резной раме. Пожарные уже разматывали рукава и заливали несколько горящих окон соседнего дома. Булочной больше не было.

Юрка думал о том, что теперь нужно отоваривать карточки в другом магазине, значит, хлеба им сегодня уж точно не хватит. Вдруг мысль о Вере Афанасьевне остановила Юрку. Он замер и схватил маму за руку.

– А Вера Афанасьевна? – он посмотрел на мать, но та лишь тяжело вздохнула и покачала головой.

В этот день достать продуктов не получилось. Мама решила отправиться на барахолку, менять на муку отцовский портсигар – последнюю ценную вещь, оставшуюся в доме. Мать долгое время не решалась на этот поступок.

– Папа сказал продать его, когда настанет самый горький день, – сказала она, как бы оправдываясь, – что ж? Наверное, пора.

Она вышла за дверь, но тут же вернулась. Бледная, чуть дрожащим голосом она приказала Юрке ни в коем случае не выходить из квартиры до её возвращения. Простояв в раздумьях возле дверей с минуту, она всё же вышла.

Разумеется, Юрке было скучно дома одному. Танечка ушла в институт, а Николай Карлович, собрав последние силы, поднялся с постели и, шатаясь, в очередной раз отправился на поиски внучки.

Юра вспомнил, как прощаясь отец обнял его у дверей год назад. Вспомнил колючую щёку, запах махорки и силуэт серой шинели, медленно удаляющийся по ступеням лестницы. Захотелось выйти на лестничную площадку и ещё раз посмотреть на эти ступени, по которым уходил, может быть, навсегда отец. Юрка открыл дверь и вышел на площадку. Было холодно. В свете оконного проёма каменные ступени лестницы уходили вниз, поворачивая вправо, как меха опрокинутого набок аккордеона.

В углу у самой стены Юра увидел фигуру человека в чёрном пальто с поднятым воротником. Мужчина лежал, плотно прижавшись к стене, и не шевелился. Его серое, выпачканное грязью лицо безжизненно прижималось к ледяной каменной ступени. Подойдя ближе, Юрка не сразу узнал Николая Карловича. На нём не было привычных очков, и спокойное по обыкновению выражение лица сменилось злобным звериным оскалом.

Холод заставил Юрку вернуться в квартиру. Просидев несколько минут на табуретке посреди кухни, Юрка вдруг вспомнил про коробку с изображением Спасской башни Кремля. Тут же вспомнил про мамин запрет, но мысль о сухарях и сахаре, находящихся здесь в квартире, уже накрепко схватила его, и думать о другом было невозможно.

Не мог же старик куда-то деть эту коробку? Вот бы только проверить. Можно не брать ничего до прихода мамы. Просто узнать, на месте коробка или нет. А потом мама решит, что делать. Она наверняка ведь теперь разрешит что-то взять. Юрка решительно отправился в комнату Николая Карловича.

В ненаотопленной комнате было холодно. Пахло нафталином и остатками хвойного отвара из прилипшего к холодной буржуйке ковшика. Юрка решительно открыл сервант, покрытый белой ажурной салфеткой, и схватил заветную коробку. Вот она, Спасская башня с рубиновой спасительной звездой. Не дыша, Юрка приоткрыл крышку. О чудо!

На мгновение у Юрки закружилась голова. Среди завёрнутых в бумажки хлебных сухарей и кусочков сахара лежала настоящая шоколадная конфета «Красный авиатор». Юрка бережно взял её в руки. «Росглавкондитер», вес двадцать граммов, прочитал он на фантике. Подумать только, целых двадцать граммов. Юрка почувствовал, что больше не владеет собой, и пальцы сами бережно разворачивают фантик.

В этот момент он увидел в коробке клочок бумаги, на котором аккуратным, почти каллиграфическим почерком было выведено: «Олечка, если ты пришла, а дедушки больше нет, то знай – это всё только для того, чтобы ты жила. Береги себя, моя сиротка. Твой дед – Николай».

Юрка почувствовал, как рой диких ос жалит его со всех сторон. Он бросил конфету обратно и поспешно закрыл коробку, как будто захлопывая крышку улья. Вспомнилась худенькая, почти прозрачная Оля, пропавшая ещё прошлой страшной зимой во время сильного артобстрела. Её деревянный самокат до сих пор ещё висел где-то на стене в прихожей между жестяных тазов и электрических счётчиков. Юрке захотелось закрыть глаза и вернуться в довоенное лето, где двор был полон ребят, и Оля рисовала на асфальте мелом цветы, а Юрка рисовал самолёты. Он вышел на кухню и уселся на подоконник, высматривая в окно, когда, наконец, вернётся мама.

В этот вечер отцовский портсигар был успешно выменян на стакан пшена и несколько сладких подмёрзших картофелин. Буржуйка прожорливо поглощала старый паркет, который мама отдирала в опустевших соседских комнатах с помощью огромных щипцов для тушения зажигательных бомб. Эти уродливые щипцы с момента вступления в отряд ПВО мама всегда приносила с собой в дом. Ими можно было схватить горящую зажигательную бомбу и сбросить её с крыши. Поначалу Юрка побаивался этих кривых, как деревенский печной ухват, клещей. Но потом и сам научился с их помощью добывать паркет для печки.

Когда в комнате стало тепло, Юрка с мамой забрались под шерстяное одеяло и стали делиться новостями. Так они делали в те редкие вечера, когда мама не была на дежурстве, а из чёрного бумажного репродуктора на стене раздавались негромкие и спокойные звуки метронома, которые, словно стук домашних ходиков, наполняли душу теплом и спокойствием.

Мама рассказывала о новостях с фронта, об окружении немцев под Сталинградом и тяжёлых боях. А Юрка не удержался и всё же задал вопрос о заветной коробке Николая Карловича и признался, что уже заглянул в неё и прочитал записку.

Мама долго молчала. Юрке даже показалось, что она уже думает о чём-то другом.

– Посмотрим, – коротко заключила она, – увидим, Юрочка, как будет дальше. Может быть, сегодня ещё не самый страшный день в нашей жизни. Мы заберём коробку и оставим на самый горький день.

В воскресенье мама взяла Юрку с собой на дежурство. Как же ему хотелось быть хотя бы на пару лет старше, чтобы стать бойцом МПВО, как многие старшеклассники Юркиной школы. Но и подняться на крышу в восьмиугольную наблюдательную башню вместе с мамой было большой Юркиной гордостью.

Стоя во время дежурства на крыше, Юрка с ужасом подумал о том, как будет нелепо и обидно, если бомба попадёт в их дом именно теперь, когда у них есть такое богатство. Ведь не может же так быть.

В этот момент в тёмном вечернем небе появились немецкие самолёты. Их было больше, чем обычно. С нарастающим гулом стальная армада приближалась к притихшему во тьме светомаскировки городу. Сейчас вспыхнут прожектора и зенитки откроют огонь, а на город посыплется смерть. Юрка уже не боялся самолётов, как в первые месяцы войны, но отсюда, с крыши, видеть их было страшнее. Почему же наши не стреляют? Ну что же они медлят? Небо над городом постепенно заполнялось чёрными металлическими крестами самолётов. В одно мгновение Юркина душа переполнилось злобой. Ведь бомба убьёт всех, и маму, и оставшуюся в квартире Таню. И не будет ни школы, ни друзей, ни коробки Николая Карловича с конфетой «Красный авиатор».

– Сволочи! – закричал Юрка в тёмное небо что было мочи. – Гады, убийцы, изверги! – но голос его уже не был слышен в нарастающем гуле моторов и вое сирены.

Юрка вцепился в посиневшими от холода руками в металлические перила вышки. В этот момент из района Балтийского завода в небо взмыла красная сигнальная ракета. Часть немецкой армады тут же стала разворачиваться в сторону, и через минуту на завод посыпались бомбы. Небо в той части города побагровело от зарева сплошного пожара. Вспыхнули прожектора. Зенитчики начали бой. Со стороны Кронштадта показалась эскадрилья наших истребителей.

Юрка, как парализованный, висел на перилах вышки. Как такое может быть? Это же чудовищное предательство. Кто выпустил сигнальную ракету, указав место для бомбометания?

– Что вы там стоите? Не слышали приказ? – орали откуда-то снизу. – Все на тушение завода, там же сотни рабочих в ночной смене.

Преодолев оцепенение, Юрка почувствовал, как мама тащит его за руку по ступенькам вниз.

– Из квартиры ни шагу! – крикнула мама, заталкивая Юрку домой. – Я на тушение завода, жди дома.

У Юрки всё кипело и клокотало внутри. Предательство. В городе есть враги. Это чудовищно. Впервые ему стало по-настоящему страшно. Он побежал в комнату Тани.

Девушка лежала в своей кровати, накрывшись тёплой фуфайкой. В комнате было холодно.

– Здравствуй, Юра. Я не могу встать. У меня нет больше сил, – тихо произнесла Таня и закрыла глаза.

– Сейчас я затоплю печь, – Юрка бросился в свою комнату за паркетом. Ему очень хотелось рассказать Тане о переполнявшем его негодовании. Он разжёт буржуйку и накроет Таню одеялом.

Таня как будто не слушала Юркин рассказ о предательстве. Она шевелила губами и тихо повторяла какие-то слова.

– Юрочка, я чувствую, что больше не встану, – произнесла Таня чуть громче, – когда я умру, ты попроси, чтобы меня похоронили в костюме Офелии.

– Ты что? Нельзя умирать! – Юрка немного растерялся. – Подожди минутку, сейчас я кое-что принесу тебе.

Юрка бросился за коробкой Николая Карловича. Мама поймёт. Она разрешила бы. Ведь это крайний случай.

– Вот, посмотри, Танечка! – через минуту Юра уже открывал перед Таней заветную крышку с изображением Спасской башни.

– Откуда у тебя это? – произнесла Таня так же тихо, словно не веря в реальность происходящего.

– Мама сказала, что это на самый горький день. Ведь если ты умрёшь, разве может быть что-то хуже? Давай съедим конфету и по два сухаря, – Юрка поставил на разогревшуюся буржуйку медный чайник.

Спустя полчаса Таня уснула. Юрка, согревшись кипятком, усеяся возле горячей буржуйки и помешивал в ней красные угли. Из-за неплотно задёрнутых штор начали пробиваться первые полоски света. Мамы до сих пор ещё не было, и Юрке становилось всё тревожнее.

В половине восьмого утра Юрка не выдержал. Нацепив валенки, телогрейку и ушанку, Юрка решил идти к Балтийскому заводу, искать маму. Таня по-прежнему спала, и Юрка не стал её будить, чтобы попросить закрыть на щеколду входную дверь. Он просто плотно прикрыл дверь в квартиру и почти бегом бросился вниз по лестнице.

В городе было тихо. Пахло гарью. Вдалеке слышалась канонада. Мороз спал, и Юрка, разогретый быстрой ходьбой, расстегнул ворот телогрейки. Вот уже и видны стены завода, который теперь представлял собой жуткое зрелище. Тушить было уже нечего. За уцелевшими наружными стенами сквозь проёмы выбитых окон зияла дымящаяся пустота. Женщины, выстроившись в цепочки, расчищали заваленные битым кирпичом улицы.

Языки пламени от горящих корпусов продолжали ярко освещать полуразрушенный проспект. Оглядевшись вокруг, Юрка увидел двух чекистов в коротких кожаных куртках. Они вели перед собой арестованного. Пойманный ими шпион был перепуган и озирался по сторонам в поисках хоть одного сочувствующего взгляда.

Юрка невольно замер. На мгновение бегающий, испуганный взгляд предателя остановился на мальчишке. Большая, словно нарисованная родинка над левой бровью задёргалась от нервного моргания глаза. Всё лицо его словно исказилось в мучительной гримасе. Перепачканная сажей восьмиклинка съехала набок. Из разбитой губы текла кровь.

– Юрка, негодник! А ну-ка марш домой! Я где тебе велела ждать? – раздался за спиной окрик матери.

Обернувшись, он увидел маму, яростно грозившую ему кулаком. На душе стало спокойно. Он махнул маме рукой и побежал к дому.

На бегу он думал о расстреле предателя и даже представлял себе эту картину по фильмам в кино. Думал о том, что уже понедельник, и нужно бежать в школу, куда ни в коем случае нельзя опаздывать. Но больше всего думал всё-таки об оставшейся дома коробке с изображением Спасской башни на крышке.

Вернувшись домой, Юрка увидел совершенно неожиданную картину. Дверь в квартиру была распахнута настежь. Сквозняк шевелил поднимающиеся в воздух занавески. Шкафы открыты, стулья опрокинуты. Пол усыпан осколками битой бутылки. Почти все полки были пусты.

Такую же обстановку Юрка обнаружил и в комнате покойной Веры Афанасьевны, а в комнате Тани даже исчезла буржуйка. Из оставшейся от печки покорёженной жестианой трубы дул ветер. Самой Тани дома не было.

Юрка тут же метнулся к серванту, где лежала спасительная коробка Николая Карловича, но уже в коридоре обнаружил валявшуюся на полу картонную крышку с отпечатком подошвы сапога на Спасской башне. От неожиданности и обиды на глаза выступили слёзы. Понимая, что его сейчас никто не видит, Юрка сел на пол и разревелся.

– Ты что, суфлёр? Нельзя так! – услышал вдруг Юрка знакомый голос за спиной. Обернувшись, он увидел Вальку Григорьева в чёрном заношенном пальто с поднятым вверх воротником. В его руках по обыкновению был бурый скрипичный футляр с отломанным верхним замком и верёвкой, заменяющей наплечный ремень.

– Здравствуйте, – всхлипнул Юрка, стыдливо вытирая сопли рукавом.

– Подумаешь, обокрали! Нас уже в пятый раз в общежитии обворовывают. А нам смешно. Брать всё равно нечего.

– У нас сухари украли, – обиженно прошептал Юрка себе под нос.

– Это плохо, брат, – сочувственно покачал головой Григорьев и стал рыться в карманах, – на-ка вот! Отдашь матери, она знает, что с этим делать, – Валька протянул мальчишке плитку столярного клея.

– Спасибо.

– А где Таня? Нету? Это отлично! Значит, она всё же поднялась и пошла на репетицию. Молодчина Танька! У нас сегодня последний прогон и дальше поездка на фронт с выступлениями. А там и кормить будут. Глядишь, выживем.

Уверенный голос Григорьева ободрил Юрку. Вспомнив про школу, Юра схватил свой вещмешок и бросился бежать вниз по лестнице. Валька лишь одобрительно рассмеялся ему вслед.

В школу Юрка в этот день, конечно же, опоздал. За невыученные уроки нахватал двоек. Но главное, в этот день у него с собой не было хлеба. Усталость бессонной ночи валила с ног. Ледяной ветер задувал в рукава телогрейки. С трудом добравшись до сквера за Казанским собором, Юрка присел на перевёрнутую бочку возле деревянного нужника, где на днях сидел изменник. Веки предательски закрывались, а сознание то и дело проваливалось в сон. Перед глазами проплывала растоптанная сапогом крышка коробки с изображением Спасской башни. Железные кресты немецких самолётов в сером небе. Дымящиеся руины завода.

– Наверное, вот он – самый горький день, – прошептал Юрка и больше не думал ни о чём.

Сквозь сон он чувствовал, как незнакомая женщина тормошит его за плечо и заглядывает в лицо. Как она кладёт его на санки и разговаривает с какой-то старухой, завернутой во всё чёрное. Старуха машет рукой куда-то в сторону Юркиного дома и беззубым ртом кричит что-то вслед женщине, увозящей Юрку на санках. Потом была темнота. И лишь после этой, непонятно сколько

длившейся темноты, Юрка увидел испуганное лицо матери, которая растирала его очень дурно пахнущей жидкостью.

Увидев, что Юрка открыл глаза, она тут же поднесла к его губам жестяную кружку с хвойным отваром. Приподняв голову, Юрка понял, что лежит на лавке в кухне, возле плиты, на которой что-то варится. В приоткрытой печной дверце танцуют оранжевые языки пламени. В кухню то и дело заходят незнакомые люди, что-то тихо обсуждают, переносят какие-то вещи.

– Слава Богу, Юрочка, ты очнулся, – улыбнулась мама, – теперь всё пойдёт на лад. Чувствуешь ноги? Можешь встать?

Юрка попробовал слезть с лавки. Голова кружилась, но руки и ноги послушно выполняли всё, что он хотел. Юрка сел, опираясь спиной о стену.

– Кто к нам приехал? – спросил Юра, указывая на незнакомых молодых людей, кутивших в прихожей.

– Это Танины друзья, – печально ответила мама, – ты спал больше суток и не знаешь. Вчера был совсем несильный артобстрел. Так, обычный. А Таня возвращалась с репетиции. Её убило осколком. Пойди, Юрочка, попрощайся с ней.

Юрка пошатываясь и опираясь рукой о стену, прошёл в комнату Тани. У порога на полу сидел Григорьев. Свесив растрёпанные волосы, он смотрел на свои истёртые старые ботинки и даже не взглянул на Юрку. Возле его ног валялся скрипичный футляр с оторванным замком, перевязанный верёвкой. Посредине комнаты на столе лежала Офелия. Лицо её было спокойно и прекрасно. Казалось, что она просто забыла роль и с нетерпением ждёт Юркиной подсказки. Лишь маленькая чёрная дырочка на Танином виске кричала о том, что спектакль окончен.

– Вот и всё, – услышал Юрка за спиной голос Григорьева, – это конец.

Впервые в голосе Вальки звучало отчаяние. Юрка обернулся и увидел красные измождённые глаза Григорьева.

«Вот он, самый горький день», – подумал Юрка и, наверное, нечаянно произнёс это вслух, потому что спустя минуту Григорьев ответил ему.

– Если сегодня самый горький, значит, уже завтра станет лучше. Не так ли, суфлёр? – он подошёл к Юрке и крепко обнял мальчишку.

От его пальто пахло табаком, столярным клеем и пороховой гарию. Юрка прижался к нему щекой и почувствовал – самый горький день позади.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии в 1984 году служил в МВД на различных должностях. В 2006-м вышел в отставку. В 2017 году начал писать стихи и рассказы. Автор двух романов и множества рассказов. Рассказы печатались в журналах «Российская литература», «Современная литература России», «День и ночь», «Сура», «Пять стихий» а также в альманахах «Новый Енисейский литератор» и мн. др.. Лауреат в Международного литературного конкурса «Русская душа», посвящённого 90-летию В. М. Шукшина, а также литературного конкурса Русского космического общества «Империя Человека: Эра Косматики». Член Международного союза русскоязычных писателей. Живёт в г. Сосновоборске Красноярского края.

РАНЕТКИ

Заезжать в посёлок я не стал, свернул с дороги, остановился возле небольшого пустыря, сплошь заросшего крапивой, и заглушил двигатель. Вышел из машины, осмотрелся, и втянул носом воздух. Почему-то на пустырях, несмотря на обилие травы, всегда пахнет пылью. Заметил в высокой траве большой булыжник с плоской, будто специально стёсанной вершиной, сел на него, через джинсы чувствуя накопленное камнем за день тепло.

Посёлок разросся и изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы, на которых величаво выстроились современные коттеджи. Они с барской ленцой поглядывали пластиковыми окнами на невзрачные, покосившиеся от старости домишки, доживавшие по соседству с ними свой век.

Это и неудивительно, сорок лет я здесь не был. Сорок! Большой срок для человека. Половина жизни прошла! За это время успел много где побывать, повидал немало. Детей вырастил...

Как дело к «занавесу» пошло, все чаще стал вспоминать места, где вырос и провёл самое прекрасное время в жизни. Вот и сподобился, разобравшись с делами да лень поборов!

Уже по дороге сюда знал, что остановлюсь в этом месте... Именно здесь в детстве я испытал сильнейшее потрясение, запомнившееся на всю жизнь. Здесь, на пустыре, когда-то стоял большой дом, во дворе которого, как мне казалось, я мог с этой жизнью распрощаться.

Я сидел на камне, как и много лет назад, смотрел на пустырь и думал: «Наверное, это и к лучшему, что дом разобрали. Стоял бы он сейчас в одиночестве, с выбитыми стёклами да провалившейся крышей, и медленно умирал, сетуя на то, что не может быстро уйти вслед за своими коротко живущими хозяевами».

Сидеть на теплом камне было приятно и, как ни странно, удобно. Улыбнулся, закрыл глаза, и прислушался к ошалелому звону кузнечиков, заполнившему всё вокруг.

«Что делать?» Казалось, этот вопрос плавал в воздухе, безрезультатно стучаясь о наши головы. Почему безрезультатно? Потому что осенним вечером, когда уже стемнело, группе десятилетних пацанов действительно нечем было заняться. Мы сидели в беседке во дворе нашего дома и не знали, чем загрузить свои деятельные натуры.

– Может, на школьный стадион пойдём, мяч попинаем? – предложил Мишка, живущий в соседнем доме. – Мне как раз папка новый мяч купил, только подкачать надо.

– Да не, Миха!.. Как раз сегодня и не получится! – вздохнул я. – Брат сказал, что там свет не включили. Он недавно мимо проходил, видел.

– Тогда, может, на котлован? На плотках поплаваем...

Мы ещё долго гадали и перебирали варианты, но сгущавшиеся сумерки сводили на нет все наши умственные потуги. В потемках не больно-то разгуляешься.

Неизвестно, до чего бы мы все же додумались, если бы не Серега, предложивший «похорьковать».

– Да ну нафиг! Надоело уже! – забраковал идею Миха. – У всех огороды есть, чё не хватает-то?

– Ага!.. Ты бы, наверное, только за арбузами полез? Да? – не сдавался Серега. – Не обязательно ведь огурцы да помидоры тырить!

– А что, это идея! – поддержал я приятеля. – Давайте за ранетками ходим. Давно уже собирались.

– Да не-е-е, – заупрямился Миха. – У Бабарихи они кислые, а к Семке Косому идти далеко, и ранетки у него тоже не очень-то вкусные. Только время потеряем.

– Да я не их имел в виду, – пожал я плечами. – Предлагаю к Угрюмому сходить. Сами ведь знаете, ранетки у него обалденные.

– Вы чего, с ума тут посходили?! – подошла к нам моя одноклассница Светка и, покрутив пальцем у виска, добавила, обращаясь ко мне: – А ты – в первую очередь!

Светка очень мне нравилась, но на меня она внимания не обращала. Когда я увидел её, то захотел произвести впечатление. И произвёл! На свою голову...

Я уже заметил: как только она появлялась в поле зрения, мой мозг отключался и переставал нормально работать. Вот и сейчас я брякнул не подумав...

Залезть к Угрюмому было равносильно самоубийству! Это знали все. Старшие парни рассказывали, что у него по огороду трупы детей закопаны – тех, которые не сумели убежать, когда забира-

лись к нему за ранетками. Это походило на правду. Угрюмый одевался во все тёмное и выглядел как убийца – высокий, худой и хромой. Вдобавок ко всему, лицо его пересекал шрам и казалось, что он всегда злобно усмехается. Его дом стоял на окраине посёлка, и мы с пацанами, когда бегали на озёра, старались обходить его стороной.

– Ты точно сбрендил! – вытаращился на меня Серега и ехидно добавил: – Ну и кто же к нему в огород полезет? Кто у нас такой смелый? Уж не ты ли?

Вопрос правильный. Нечего исполнение своей идеи на других перекладывать.

– Моё предложение, мне и лезть, – как можно равнодушнее ответил я и покосился на Светку.

Она несколько секунд смотрела на меня, а потом решительно заявила:

– Тогда я иду с вами! Иначе обязательно куда-нибудь вляпаетесь. Вот теперь точно всё! Отступить некуда. Уже, можно сказать, вляпался...

На улице стемнело окончательно, и можно уже было начинать операцию, но я всё стоял и стоял, прильнув глазом к щели в заборе, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в огороде Угрюмого.

– Ну что? Ты полезешь, в конце концов, или нет? Ждёшь, что ли, когда рассветёт? – прошипел Миха и ткнул меня локтём в бок. – Сам вызвался, никто тебя за язык не тянул!

– Да ладно тебе, лезу уже, лезу!.. – прошептал я и посмотрел в сторону кустов, за которыми пряталась Светка.

Подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся и, помогая носками кед, влез на него. Прыгать в темноту не стал, справедливо рассудив, что под забором может быть что угодно. Нащупал ногой сначала верхнюю поперечную слегу, затем, опустившись на руках, – нижнюю. Всё, на земле. Присел на корточки и, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, прислушался.

Я знал, что огород у Угрюмого обширный, но сейчас темнота сожрала расстояние и казалось, что стою я на небольшом пятачке, ограниченном с одной стороны забором, а с другой – темными громадами яблонь.

Вокруг тишина и спокойствие, никого. Я осторожно встал и, пригнувшись, подошёл к ближайшему дереву. Ещё раз осмотрелся и стал на ощупь разыскивать плоды. Срывал их трясушимися от страха руками и торопливо заталкивал за ворот футболки.

За спиной раздалось негромкое ворчание, и я замер с поднятой рукой, не решаясь пошевелиться, чувствуя, как от ужаса сковало тело и перехватило горло.

Медленно обернулся и увидел сидящую возле забора собаку. Что за собака, в темноте было не разглядеть, но видно, что большая. Я

судорожно всхлипнул и, не делая резких движений, отступил от дерева. Даже такой бестолочи, как я, стало понятно: попался! От этой зверюги не убежишь и на забор залезть не успеешь. В подтверждение правильности моих рассуждений пёс зевнул, продемонстрировав блеснувшие в темноте здоровенные клыки.

Возле дома вспыхнул свет, осветив половину огорода, и раздался хриплый насмешливый голос:

– Что, Граф, никак гости к нам пожаловали?!

И следом послышались тяжёлые шаркающие шаги, направлявшиеся в мою сторону. О бегстве не могло быть и речи: страх парализовал тело так, что я пошевелиться не мог. Когда шаги остановились возле меня и в лицо ударил свет фонаря, я зажмурился, с тоской осознавая, что мне никто не поможет.

– Не смейте его трогать! – вдруг раздался из-за забора взволнованный Светкин голос. – Нельзя убивать детей за ранетки!

– А ну брысь отседава! – рявкнул Угрюмый. – Сам решу, что с ним делать! Убивать аль нет...

Он с минуту рассматривал меня, освещая фонариком, а потом, усмехнувшись, сказал:

– Открывай глаза, герой! Да пошли на свет, неча тут в потёмках ковыряться.

Я открыл глаза и осмотрелся. Собаки не увидел. Ушла. Сейчас, наверное, где-то по огороду бегают.

– Топай давай! – подтолкнул меня в спину Угрюмый, и я, опустив голову, обречённо побрёл в сторону дома по выложенной камнями дорожке.

Двор освещался несколькими лампочками. Угрюмый выключил фонарь, уселся на лавку у ворот и, обдав меня запахом перегара, спросил:

– Что, для неё, небось, старался-то?

– Для неё, – прошептал я, не решаясь поднять голову.

– Однако дела-а-а... – протянул он и вдруг сказал: – Садись-ка вона на булыгу, поговорим, а то я, знаешь ли, давненько с ребятней не общался.

Я оглянулся, увидел приткнувшийся к забору большой, с ровной вершинкой камень, осторожно опустил на его краешек.

Подождав, пока я устроюсь, Угрюмый грустно добавил:

– Дети выросли, разъехались, жену на погост свёз. Вот, брат, и получается, что один остался. А поговорить иной раз хочется...

Он помолчал, а потом спохватился:

– Только ты не подумай чего! Сыны у меня правильные выросли. Как погостить приезжают, так с собой зовут. Чё, говорят, тута одному прозябать...

Угрюмый помолчал, а потом тяжело вздохнул:

– А куда я отсель подамся-то? Старики тут лежат, Сонечка моя тоже здесь... рядом с ними упокоилась. Да и друзья фронтовые, с

кем воевал, в землю уже укладываться начали. Куда ж я от них съеду?..

Я удивлённо посмотрел на него. С ума сойти! У него, оказывается, семья есть! Жена... умерла... Дети взрослые... Он даже воевал! А как же я?! По идее, он меня уже должен где-нибудь под деревцем закапывать.

Он опять вздохнул и, словно извиняясь, сказал:

– Я тут принял на грудь трошки – день сегодня у меня особый, брат! Я, можно сказать, в этот день заново родился. – Он недоуменно развёл руками и, пожав плечами, добавил: – Думал, добьёт меня немец, но он почему-то не стал стрелять.

– Как не стал?! – ошарашенно прошептал я и даже привстал с камня, забыв, что недавно готовился распрощаться с жизнью. – Фашисты же всегда советских солдат убивали!

– Не всегда, выходит! – усмехнулся Угрюмый. – Я, как видишь, вот он, живой и здоровый.

– А как же так получилось? – уставился я на него, а потом с надеждой спросил: – Наверное, вы его первый успели застрелить? Правда ведь?!

Несмотря на то, что я боялся Угрюмого, мне почему-то хотелось, чтобы он победил этого фашиста.

– Нет, неправда, – покачал головой Угрюмый. – Я в тот момент вообще ничего не смог бы сделать – осколками посекло. От автомата только бесполезные куски остались.

– Тогда почему он вас...

– Наверное, потому, что он не был фашистом. Повезло мне, выходит...

– Но вы же сами сказали, что это немец!

– Да, сказал, – улыбнулся Угрюмый. – Но, как оказалось, не все немцы – фашисты.

Поднявшись с лавки, Угрюмый зашел в дом. Через пару минут вернулся с начатой бутылкой водки и стаканом. Сел и, посмотрев на меня с сожалением, сказал:

– Это не богоугодное дело, но люблю я выпить. Грешен!

Он налил полстакана и, резко выдохнув, опрокинул водку в рот. Посидел несколько секунд, прикрыв глаза, потом довольно крякнул и попросил:

– Дай-ка яблочко...

Я запустил руку за ворот футболки, подцепил несколько ранеток и протянул ему тёплые, нагретые от тела плоды. Он взял одну, оторвал хвостик и, целиком засунув ранетку в рот, с хрустом начал жевать её вместе с косточками.

– Вот скажи, чего ты ждал, когда я к тебе подошёл? – вдруг спросил он и внимательно посмотрел на меня на удивление трезвыми глазами.

Я замаялся. Неудобно было повторять за пацанами бред о том, что он детей тут убивает.

– Ну-у-у... В общем, я думал, что вы меня сейчас... это самое... убьёте. Пацаны рассказывали, что...

– А я взял и не убил!

– Да, не убили...

– Вот и я, брат, думал, что меня немец убьёт, – пробормотал Угрюмый и крепко потёр лицо ладонями.

– А он взял и не убил? – прошептал я и с не меньшим ужасом, чем в тот миг, когда меня поймали, увидел, как по изуродованному лицу Угрюмого катятся слезы.

Я не знал, что и думать. Это оказался не тот Угрюмый, которого мы знали. Вернее, думали, что знаем.

– Извини, браток, – шмыгнул он носом. – Знаешь, как выпью, всегда так-то вот происходит...

– А как получилось, что фаш... немец вас не убил?

Угрюмый поставил на лавку пустой стакан и, неловко смахнув ладонью слезы, грустно улыбнулся.

– В сорок втором мне семнадцать исполнилось, но я обманул военкоматовских – год себе прибавил. Сказал, что документы при бомбёжке вместе с домом сгорели. И к этому времени, уже целый год воевал. Тогда, помню, приказ мы получили – станцию взять. Пошли в атаку и нарвались. Попали под обстрел из миномётов.

Меня сразу же накрыло. Когда очнулся, бой уже закончился. Понятно, что атака не получилась. Полезли нахрапом – нас и разделали как бог черепаху. Если бы наша взяла, то санитары давно бы уже раненых разыскивали да убитых собирали. А тут – никого.

Мне повезло – отшвырнуло в воронку. Может, потому и жив остался. Сидел на дне этой ямы и смотрел, как из ноги сквозь разорванную штанину кровь сочится. Перевязаться нечем, да я и не смог бы – правую руку зацепило, пальцы онемели и не шевелились...

Немца увидел, когда тот уже стоял на краю воронки и смотрел на меня. Он снял с плеча винтовку, и я понял, что меня сейчас убьют. Страшно стало так, что заплакал. Жить, брат, хотелось... Очень хотелось!

Угрюмый замолчал, налил ещё водки и выпил, закусив ранеткой, которую я догадливо подал.

– А что дальше было? Что немец сделал-то? Ушёл?

– Да нет, брат, не ушёл! Он спустился в воронку и положил рядом со мной перевязочный пакет. А когда понял, что я не справлюсь, сам меня и перевязал...

Угрюмый поднялся и, подойдя к большой бочке, стоявшей под водостоком с крыши, умылся. Потом опять сел напротив и, вытирая руки о штаны, сказал:

– Я не помню, как он выглядел, не запомнил лица, только руки. – И он, вытянув свои руки в мою сторону, покрутил ладонями с длинными узловатыми пальцами. – Большие у него ладони, пальцы сильные, я это чувствовал. Под кожу чернота въелась. Шахтёром, наверное, до войны работал. А может, молодость мою пожалел, – может, у самого сын такой же, как я...

Скрипнула калитка, и во двор осторожно заглянула Светка.

– Ну вот! – обрадовался Угрюмый. – Подружка твоя пришла. А я всё думаю, отважится заглянуть на огонек али нет? Смелая дивчина!..

Светка стояла и не отрываясь смотрела на меня, будто увидела впервые. Я улыбнулся и помаhal ей рукой. Она фыркнула, вздёрнула нос и ушла, хлопнув калиткой.

Угрюмый засмеялся и опять потянулся за бутылкой...

На следующий день мне было неловко оттого, что я так плохо думал об Угрюмом. О человеке, которого мы совершенно не знали, который, оказывается, воевал за нас. За меня, за то, чтобы я мог маяться дурью и «хорьковать» по чужим огородам! Его звали Степаном. Степаном Николаевичем...

Я много думал о том, почему мы в детстве так легко верили в явную чушь про убитых и закопанных в огороде детей. В то, что на старом кладбище каждую ночь из могил выползают мертвецы и ловят на окраинах посёлка одиноких прохожих. И в то, что если в лунную ночь забраться на старую кочегарку, то ровно в двенадцать часов у тебя остановится сердце...

Я нашёл ответ на этот вопрос.

Мы настолько были уверены в своей безопасности, что где-то там, на уровне нашего детского подсознания, эта уверенность нас тяготила. Нам хотелось, как сейчас говорят, драйва, почувствовать, как захватывает дух и сжимается сердце. Потому и придумывали эти страшилки. Нам не хотелось просто бояться темноты!

Мне, моему поколению, посчастливилось жить и расти в великой державе, где дети без опасений сами приходили в детский сад и вечером возвращались домой. В стране, в которой я сам ходил встречать маму, когда она задерживалась на работе.

В стране, где родители уверены в том, что с их детьми на улице ничего плохого не произойдет, и доверяли их воспитание школе, зная, что их чада будут учиться только по одной программе – той, которая учит любить Родину, уважать рабочего человека и его труд, защищать слабых, гордиться своей историей, помнить и чтить подвиг наших воинов.

Я родился через восемнадцать лет после войны и, едва начал осознавать себя, слышал о ней. Рядом со мной жили и трудились солдаты: рабочие-солдаты, врачи-солдаты, учителя-солдаты, колхозники-солдаты, – которым тогда, в начале семидесятых, не было ещё и пятидесяти лет. Они все воевали, начиная от нашего школьного завхоза и заканчивая Угрюмым. Я слушал их истории, радовался за них, когда они, смеясь, рассказывали, как били фашистов. И удивлялся, когда эти мужики-герои, подпив, плакали... Зачем плакать?! Они ведь победили! Мы победили!.. Тогда я не мог понять этих слез.

...Ладно. Пора. Я с неохотой поднялся с тёплого камня и, напоследок ещё раз вдохнув пыльный воздух пустыря, направился к машине. Пройдёт немного времени – и на этом месте вырастет большой красивый дом, в котором будут жить молодые, умные, радостные люди. И это будет правильно: жизнь должна продолжаться. Мне хочется, чтобы у этих людей было всё для счастливой жизни. И я верю, что так будет!

Единственное, чего уже не будет никогда и чего они никогда не увидят, – это как перед ними сидит солдат, прошедший великую войну, и, зажав в ладони ранетку, плачет...

БЕСЕДКА

**БЕСЕДА С РЕДАКТОРОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ
АЛЬМАНАХОВ «ПАРАЛЛЕЛИ», «КРЫЛЬЯ»,
«ЛИТКУЗНИЦА» (САМАРА) –
ОЛЬГОЙ МИХАЙЛОВНОЙ БОРИСОВОЙ.**

Борисова Ольга Михайловна — поэт, писатель, переводчик, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманахов «Параллели», «Крылья», альманаха «ЛитКузница», детского журнала «Параллельки». Она – член Оргкомитета Всероссийской премии «Искусство слова» (г. Москва), член редакционного совета журнала «Белая скала», альманахов «Дрон» и «Царицын». Член Союза писателей России, организатор международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово».

Ольга Михайловна, перед тем, как задать Вам вопросы, касающиеся Вашей общественной и издательской деятельности, хотелось бы изначально ознакомить наших читателей с вами. Несколько вопросов более личного характера.

1. *Расскажите вкратце, где вы родились, где учились, кто вы по основной специальности.*

Добрый день, уважаемые читатели журнала «Пять стихий»! Родилась я в Нижнем Поволжье, в славном г. Ахтубинске, в городе, где учат летать самолёты. В 2002 г. мы переехали в г. Самару, на новое место службы су-

пруга-офицера. Работала спецкором в новостной ленте в крупном медиахолдинге.

2. *Как вы пришли в литературу? Что подтолкнуло или кто подтолкнул?*

Пишу стихи я с детских лет. Печаталась в местной прессе в родном городе. С переездом в Самару открылось больше возможностей. Я стала участвовать в различных конкурсах и побеждать. На сегодняшний день у меня издано 15 книг поэзии и прозы, имею более двухсот дипломов за победы в тех или иных конкурсах, восемь Всероссийских и Международных премий, пятнадцать Ник, несколько медалей, таких, как им. Е.Замятина, «Великая Победа» и др. Меня печатают в различных Российских и иностранных журналах, в том числе и переводы. Перевожу я с восьми европейских языков. Своим наставниками считаю А.В. Воронцова, А.А. Ольшанского, К.А. Кедрова, В.И. Шемшученко. Мой главный труд – издание трёх книг о Самарском знамени и русско-

турецкой войне 1877-78 гг. Материалы для книг я собирала в Болгарии, а помогали мне музеи этой страны. Фильм о Самарском знамени с моим участием выставляли на премию ТЭФИ.

3. Дайте поподробнее поговорим о ваших эстетических предпочтениях:

а) в литературе,

Предпочтение в литературе – это наши русские классики. С большим удовольствием перечитываю вневременные произведения Ф.М. Достоевского, люблю рассказы А.П. Чехова, И.А. Бунина, В. Г. Распутина. В поэзии мне близки поэты Золотого и Серебряного века такие, как В. А. Жуковский, Н.М. Языков, К.Н. Батюшков, К.Д. Бальмонт, Ф.И. Тютчев, М.А. Волошин, В.И. Иванов и др. Конечно, наши гении – А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов.

б) в музыке,

Люблю классическую музыку. Любимое произведение – фортепианная пьеса «К Элизе» Людвиг ван Бетховена. Мне нравятся его симфонии и сонаты. Люблю слушать П. И. Чайковского и других русских композиторов.

На мои стихи тоже написаны песни и романсы, два из них стали победителями-3 место во Всероссийском конкурсе «Радио. Новая песня». Они транслируются на радио.

в) в изобразительном искусстве,

В изобразительном искусстве мне близки картины пейзажистов: И. Левитана и особенно его «Над вечным покоем», В. Поленова, И. Шишкина, А. Куинджи и др.

г) в кино и/или театре (в телевидении).

Я много сил и времени отдаю литературе, телевизор включаю, чтобы только посмотреть новости. Хожу в театры Самары и других городов, в которых бываю. За свою жизнь посмотрела немало спектаклей и оперетт. В кино отдаю предпочтение старым фильмам. В них есть идея, смысл и профессиональная игра актёров, которым я верю.

4. Какая из литературных организаций, в которых вы состоите от вас требуют наибольшей самоотдачи?

Я член Союза писателей России и везде прославляю эту организацию. Недавно стала Почётным членом поэтического Союза «Иван Николов» (Болгария). И. Николов в своё время по заказу правительства перевёл всю русскую классику на болгарский язык, а я перевожу болгарских поэтов и писателей на русский язык. Это серьёзный труд и большая ответственность перед авторами и читателями. Мои переводы высоко оценены – имею множество наград, в том числе Почётные грамоты им. Преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, Грамота великой княгини Елизаветы Фёдоровны и др. Их много.

5. С какими проблемами сталкивалась и/или продолжает сталкиваться ваше самарское литсообщество?

Наверное, как в любом литературном сообществе – это денежная проблема. К нашей радости, нас принимают в любой библиотеке, учебных заведениях. Мы выступаем перед военнослужащими срочной службы, в госпитале ветеранов войн, в социальных центрах. Также проводим ежемесячные мероприятия, где решаем разные вопросы, презентуем книги, проводим творческие вечера и мастер-классы. Члены нашего сообщества побеждают в разных конкурсах и это радует. Значит, мы выполняем свою миссию.

6. Расскажите о становлении вашего детища альманаха «Параллели», когда впервые зародилась идея подобного проекта?

В 2013 г. появилась необходимость в издании самарского журнала, так как печататься авторам было негде. Я решила заняться издательским делом. В начале 2014 г. выпустила первый номер литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели». Это полноценный журнал, со всеми ему полагающимися рубриками, но из-за отсутствия финансирования – стал альманахом. Первые номера выходили на средства моей семьи. Он сразу приобрёл своего читателя и популярность. Авторы альманаха – не только члены различных творческих союзов, но и те, кто делает первые шаги в стране большого искусства. Возрастной диапазон авторов широк и охватывает несколько поколений. В альманахе представлены прозаики и поэты не только из Самары и области, но и из других регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья. Альманах «Параллели» имеет международную награду, а тема всегда одна – «Вера, Отечество, семья». Позже родилась идея создать детский авторский журнал «Параллельки». Мы издаем его уже три года.

7. «Крылья» - это издание спутник или принципиально иная трибуна для авторов?

После выхода «Параллелей» увеличилось число желающих в них напечататься. Так появилась потребность издавать ещё один альманах. Я назвала его «Крылья». У него другая задача. На его страницах публикуется «Лучшее, написанное за год». В «Крыльях» печатаются авторы не только из разных уголков России, но и авторы зарубежья.

8. Какие самые неприятные трудности встретились у вас на пути, как у редактора и ведущего этих проектов?

Не открою тайны – денежная проблема, но её мы, хотя с большим трудом, решаем. Все эти годы на безвозмездной основе я верстала свои издания сама. Это большой труд – полная отдача себя литературе. Рада тому, что меня понимает и поддерживает семья. С 2025 г. вёрсткой будет заниматься В. Сергеев – талантливый поэт, победитель многих конкурсов, но отбором материалов и контролировать работу над изданиями, продолжу, так как имею

большой опыт в издательской деятельности. И ещё одна проблема, как и у всех редакторов, авторы не понимают свой уровень и присылают не профессиональные работы, со сбоем ритма и размера. Они, как правило, очень навязчивы и обидчивы.

9. *Что для вас как редактора альманахов главное в работе с потенциальными авторами?*

Главное для меня – это доверительные отношения. Перечитав работу, я подсказываю автору, как можно улучшить произведение. От этого выигрывают все, а главное, наши издания читаются и пользуются популярностью.

10. *Часто ли вас радуют совершенно незнакомые авторы, присылающие свои работы на ваши издания?*

Мне присылают свои работы незнакомые авторы. Иногда я вижу в них талант и перспективу. Это меня радует, ведь я могу помочь человеку поверить в себя. Как правило, такие авторы становятся друзьями наших изданий.

11. *Каким вы видите будущее «Параллелей» и «Крыльев»?*

Альманах «Параллели» издаётся одиннадцать лет, «Крылья» – девять лет. Очень хочется верить, что они проживут ещё долгую жизнь, так как нужны авторам. Это мы видим по многочисленным отзывам, в том числе известного критика А. Балтина: «Самарские альманахи густы содержанием: речевой мёд, словесный хлеб; чтение, насыщающее душу, что не подразумевает отказа от страданий и боли: о, и они необходимы – для общей гармонии катарсиса, к которой подводят суммарно книги изданий».

12. *Ольга Михайловна, если можно, расскажите ещё о фестивале «ЛитКузница», основные его направления работы, географию участников, и есть ли у вас в таком деле помощники?*

Мы провели восемь Международных конкурсов и поняли, что настала пора переходить к литературным фестивалям. Меня поддержала С.В. Макашова, став моей помощницей и соорганизатором фестиваля «ЛитКузница», посвященного поэту Серебряного века А. Ширияевцу. Первые два – мы провели вдвоём. Затем к нам присоединилась О. Голубков, став модератором конкурса. На её плечах вёрстка альманахов «ЛитКузница». Конкурс-фестиваль пользуется популярностью, его география обширна и простирается от Калининграда, до Ямало-Ненецкого автономного округа. Радует, в конкурсе-фестивале участвуют авторы из ДНР, значит, информация о нём долетела и до вашего региона. Также в нём принимают участие русско-язычные авторы из разных стран, таких как Австрия, Германия, Канада, США, Казахстан, Австралия, Литва, Болгария и др.

Фестиваль проходит в два этапа. Первый – это Международный фестиваль-онлайн, в программе зум. Он собирает авторов с разных уголков земного шара. На этом этапе мы даём слово членам жюри,

говорим об основных ошибках, которые допускают авторы и объявляем итоги конкурса.

Второй этап – очный международно-региональный фестиваль с хорошей концертной программой, с чтением стихотворений и вручением заслуженных наград.

Также хочется отметить, что нами создана ВКонтакте группа фестиваля «ЛитКузница», где мы публикуем статьи, концертные программы, авторское чтение стихов, поздравления от членов жюри, Лонг и Шорт-листы, итоги конкурса и другую информацию. Мы не забываем об авторах и после фестиваля. Берём у них интервью, рассказываем об их деятельности и наградах. Вот кратко о фестивале «ЛитКузница», а узнать больше, можно на страничках ВКонтакте: <https://vk.com/litkuznica?from=search>

13. Что бы вы могли пожелать читателям и авторам нашего журнала «Пять стихий»?

Уважаемые авторы! Сохраняйте и берегите наше русское слово. Несите его гордо по всей Земле. Сохраняйте нашу культуру и традиции, ведь нам есть чем гордиться и список этот очень большой. Редакции я пожелаю хороших, умеющих думать, авторов, много сил на создание этого прекрасного журнала. Читателям – ценить труд авторов, пишущих для вас. С наступающим Новым 2025 годом! Пусть он принесёт мир вашей многострадальной земле.

Беседовал И.А. Черняев

ОЛЬГА БОРИСОВА

КЛУБОЧКИ

У бабушки спицы мелькают в руках,
Для Оленьки вяжет носочки.
А время стремительно, словно река,
Цветные уносит клубочки.

Я руки проворные вижу во снах,
Бабулю за вязью склонённой.
Является прошлое в белых тонах,
Картинкой души потаённой.

И память живая, как прежде, во мне:
Вот дедушка ходики чинит,
И лучик рисует узор на стене,
И нет для унынья причины.

И в вазе конфеты, и дни так длинные,
Не познаны мглистые дали.
Ещё есть величье огромной страны –
Пылятся в шкатулке медали...

Клубочки цветные я вижу во снах,
В корзинке прижались друг к другу.
И вяжет листочки из ниток весна,
Чтоб жизнь завертелась по кругу.

У БАБУШКИ

Пегух горланит. Петька, друг, молчи!
Ещё я нежусь в ласковой постели
И слушаю, как буйствуют ключи
У девственной природной колыбели.

И бабушка ещё плетёт косу,
Укладывая ловко на затылке.
И точит дед во дворике косу,
Собака разбрехалась на развилке.

Сейчас затопит в кухне баба печь
И будет хлеб ваять в тазу зелёном.
И свет румяный будет с неба течь
По стенам, по печи и по иконам.

И молоком наполнится стакан,
Он – для меня, накрытый полотенцем.
Скулит привычно у окна Полкан,
Нетерпеливо глядяваясь в сенцы*.

И нет проблем. И мир, как божий храм,
И, кажется, такое будет вечно.
Но сердце разорвётся пополам,
Когда былое скроет бесконечность.

**Сенцы –помещение между жилой частью дома и крыльцом*

ПОЛОВИЦЫ НЕ СКРИПЯТ

А половицы больше не скрипят.
И дома нет. Снесли его недавно.
От прошлого остался только сад,
Пронёсший век на веточках бесславно.

В нём яблонька роняет спелый плод,
Окрестность оглашая гулким звуком.
Она деревьям всем теперь оплот,
Которые печалятся разлукой.

Её сажал когда-то мой отец,
И строил дом, казалось, что навечно.

Но есть всему начало и конец,
И время в грешном мире быстротечно.

Прости, отец, что дом не сберегла!
Я птицей улетела в край далёкий.
Что наши жизни сглатывает мгла,
Что в небо отпускаю эти строки.

Когда-то здесь построят новый дом,
Поселится ушедшее в нём счастье.
Просить я небо буду об одном,
Чтоб не срубили сад наш в одночасье.

Ещё подарит он свои плоды,
Порадует жильцов грушовой сладкой.
«Спасибо, папа, за твои труды», –
Смотрю на сад, слезу стерев украдкой.

РУССКАЯ ГОЛГОФА

Уснули скамейки, прикрытые снегом,
Притихли бульвары и смолкли дома.
Мой город стал нынче замёрзшим ковчегом,
Его застудила внезапно зима.

Она заморозила радость земную,
И выветрил ветер привычный покой.
Проснитесь в ковчеге! Страницу иную
Пора написать нам железной рукой.

Наш путь не извилист, но крут и заснежен,
Но греет в дороге светильник любви.
Злодейству, что ныне, конец неизбежен,
Идём на Голгофу по братской крови.

Не мы развязали кровавую бойню,
Хитёр и коварен безжалостный враг.
Берлин в сорок пятом им снова напомяну,
Где войны победный чеканили шаг.

И снова беснуются природы в злобе,
Реванш над Россией пытаются взять.
Копилась веками их ярость в утробе,
Но Русь собрала свою грозную рать.

Зима разгулялась, крепчают морозы,
И вера крепчает, что будет весна.
Улыбки на лицах и вытерты слёзы,
Ковчег пробудился от долгого сна.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

У нас в гостях

Курганский литературный журнал

«ТОВОЛ»

«ТОБОЛ»

Впервые литературно-художественный альманах «Тобол» увидел свет в 1993 году. Инициатива появления этого издания принадлежит Курганской областной писательской организации. При финансовой поддержке администрации

области вышло два номера — в 1993 и 1995 годах. В 1995 году литературно-публицистический альманах «Тобол» учрежден как официальный орган. Учредителями его стали:

писательская организация, комитет по печати и массовой информации, комитет по культуре и искусству. Утвержден состав редколлегии. До 2007 года «Тобол» выходил в издательстве «Парус-М». На его страницах публиковались произведения профессиональных писателей, молодых и начинающих литераторов, журналистов и фотографов. География представленных авторов охватывала всю Курганскую область и знакомила читателей с произведениями различных жанров: прозой, поэзией, публицистикой, литературной критикой, краеведением, мемуарами, сказками, повестями и т. д.

С 2007 года новым учредителем журнала стала областная газета «Новый мир», но, подчёркивая преемственность, издатели вынесли на обложку продолжение счёта - № 15. Новый состав редколлегии альманаха взял курс на расширение его тематики. Теперь наряду с прозой, поэзией, критикой и публицистикой «Тобол» предоставляет свои страницы театру, музыке, изобразительному искусству.

31 января 2024 года в "Литературной газете" напечатан список лауреатов национальной премии "Лучшие книги, издательства, проекты - 2023". Среди отмеченных дипломами Экспертного совета Национальной премии и литературно-публицистический альманах "Тобол" (Курган).

С 15 мая 2024 года альманах «Тобол» изменил статус и стал литературно-публицистическим журналом, который выходит два раза в год при содействии Правительства Курганской области.

ВЛАДИМИР АГА

Родился в Кургане 26 февраля 1951 г. Окончил Курганский машиностроительный институт. Работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером. По возвращении в Курган в 1977 г. работал на «Дормаше», Курганмашзаводе, Варгашиномском заводе противопожарного оборудования. После выхода на пенсию увлёкся историко-краеведческими изысканиями. Первый опубликованный материал появился в 2019 г. в газете «Курган и курганцы». В

настоящее время вышло несколько статей, посвящённых истории родного города.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ДЕКАБРИСТА БАШМАКОВА

Из тринадцати декабристов, отбывавших ссылку в Кургане, двенадцать были в прошлом, до ареста, военными людьми, из которых только пятеро участвовали в походах и боевых действиях. Это И.Ф. Фохт, И.С. Повало-Швейковский, А.Ф. Бриген, Ф.М. Башмаков и Н.И. Лорер. Рассказ пойдёт об одном из них, самом малоизвестном из курганских декабристов, Флегонте Мироновиче Башмакове, сосланном навечно в Сибирь в связи с восстанием Черниговского полка. Ни писем, ни воспоминаний он не оставил, нет даже его портрета в молодом возрасте. Его военная служба, начатая при Екатерине II, закончилась при Николае I при драматических обстоятельствах. Проследить начала военной биографии Башмакова нам поможет его послужной список.

Военную службу он начал, как и многие дворянские дети, с унтер-офицерского чина. Молодые дворяне получали домашнее образование, и это считалось достаточным. Необходимые профессиональные знания будущие офицеры приобретали непосредственно в полку, где начинали службу. 28 ноября 1794 г. Флегонт Башмаков был принят сержантом во 2-й фузилёрный полк («фузилёр» от фр. fusilier-стрелок, название пехоты в русской армии в XVIII веке – В.А.). 28 февраля 1797 г. Башмаков переведён в артиллерию, «подпоручником в 10-й артиллерийский батальон». Перейти в артиллерию из пехоты в офицерском звании было непросто. Видимо, смыслёным и образованным парнем был Флегонт Башмаков. Надо было знать математику, черчение артиллерийских орудий и принадлежностей к ним, делание пороха и приготовление артиллерийских снарядов, знать типы орудий и их применение в бою.

В свой первый заграничный поход, в Северную Италию, Флегонт Башмаков выступил 1 апреля 1799 г. Полевой артиллерийский батальон, в котором он служил, вошёл во вспомогательный корпус генерала Ребиндера. В конце 1798 г. сложилась коалиция госу-

дарств, противостоящих революционной Франции, первенствовали в которой Россия, Австрия и Англия. Франция к началу 1799 г. захватила несколько областей в Италии, Швейцарии, Голландии и провозгласила там республики.

Военные действия союзников по коалиции, Австрии и России, начались в Северной Италии в апреле 1799 г. с появлением там авангарда русских войск и А. В. Суворова, который принял на себя командование союзными войсками. Суворов не находил нужным терять время на взятие крепостей, оставляя их в своём тылу и обкладывая небольшим, но достаточным для осады воинским контингентом. Благодаря такой тактике его поход был стремительным, и союзные войска одержали в течение апреля-августа 1799 г. ряд блестящих побед над французами. Сам Наполеон в это время воевал в Египте и Сирии.

Однако Венский двор постоянно настаивал на взятии крепостей, особенно крепости Мантуя, которая считалась одной из сильнейших крепостей в Европе. Её гарнизон насчитывал более 10 тысяч защитников, продовольствием и боеприпасами она была обеспечена на многие месяцы. Крепость была обложена осадным корпусом австрийского генерала Края с мая месяца. С приходом в Италию русского корпуса Ребиндера началась активная осада Мантуи, завершившаяся её взятием. Из послужного списка Башмакова: «...июня с 24 по 13-е июля при осаде и взятии г. Мантуя в сражении находился, а с 13-го июля под енным городом с охотниками находился при штурме 2-х батарей и за овладение на оных 9-ти орудий был» (даты даются по юлианскому календарю – В.А.).

В сочинении русского историка М. И. Богдановича «Походы Суворова в Италии и Швейцарии» приводится выдержка из донесения Суворова императору Павлу: «Генерал Край, отдавая полную справедливость русским войскам, участвовавшим в осаде Мантуи, в особенности был доволен действиями артиллерии капитана Мартынова и поручика Бушмакова, весьма отличившихся при взятии штурмом укреплений Черезы» (Черезы – самое укрепленное место крепости – В.А.). Думается, речь идёт о нашем герое, а путаница в написании фамилии и звания есть ошибка в переводе с немецкого, тем более генерал Край совсем не знал вновь прибывших русских офицеров.

Взятие Мантуи было оценено Венским двором даже выше, чем все победы Суворова. Европа была потрясена. Император Павел возвёл Суворова в княжеское достоинство с титулом Итальянского. А во Франции коменданта крепости отдали под суд. В Швейцарском походе Башмаков не участвовал, так как вся русская артиллерия и обоз были отправлены в Швейцарию кружным путём, минуя перевалы. Но горные хребты ему вскоре пришлось штурмовать, только не альпийские, а кавказские.

5 мая 1801 г. Флегонт Башмаков, проделав труднейший 4-х месячный поход со своим подразделением «чрез реку Терек и ущелье

Кавказских снеговых и Кайшаурских гор» прибыл в Грузию. Древняя страна, ещё в IV веке принявшая христианство, к началу 19-столетия находилась в состоянии феодальной раздробленности и упадка. Кроме Карталинско-Кахетинского царства (Восточная Грузия) с центром в Тифлисе существовало ещё четыре независимых грузинских государства: Имеретия, Гурия, Сванетия и Мингрелия. На территории нынешних Армении и Азербайджана находились подконтрольные Персии ханства, самыми крупными из которых были Гянджинское, Эриванское, Карабахское и Бакинское.

Император Павел, выполняя предсмертную волю последнего грузинского царя Георгия XII, издал манифест «О присоединении Грузинского царства к России», обнародованный 18 января 1801 г. В Грузию были направлены дополнительные войска «для удержания внутреннего в земле устройства и для ограждения оной от внешних нападений». После смерти Георгия XII началась жестокая борьба за власть между наследниками, погрузившая Грузию в анархию. Новому императору Александру I пришлось грузинский вопрос ставить несколько раз на заседаниях Государственного Совета. Включение Грузии в состав России имело в Петербурге как влиятельных сторонников, так и противников. Однако победило мнение, что в интересах достоинства России нельзя отступать от сделанного уже приобретения.

В итоге 12 сентября 1801 г. Александр I подписал указ «Об учреждении внутреннего в Грузии управления» с приложением Манифеста к Грузинскому народу. Монархия в Грузии упраздняялась, члены царской фамилии выселялись во внутренние российские области. Первым лицом в Грузии становился главнокомандующий. Активные действия по принятию в российское подданство западных грузинских областей и восточных ханств начались с назначением в 1802 г. главнокомандующим генерал-лейтенанта князя Павла Дмитриевича Цицианова, бывшего в опале при Павле I. Опытный военачальник, имевший грузинские корни, был своим в Закавказье. Цицианов был сторонником жесткого стиля в управлении этим краем.

Так как Эриванское и Гянджинское ханства считались утраченной частью грузинского царства, то Россия ещё по Георгиевскому трактату 1783 г. обязывалась способствовать всеми средствами, дипломатическими и военными, к возврату этих земель.

29 ноября 1803 г. корпус Цицианова перешел границу Гянджинского ханства. Джавад-хану, правителю Гянджи, была предложена капитуляция, обещалось «неограниченное милосердие». Хан ответил грубым отказом и 7 декабря начался штурм предместий и осада крепости. После месячной блокады и бомбардировки крепости 3 января 1804 года начался штурм башен Гянджи. Через несколько часов крепость была взята, при защите её геройски погиб сам Джавад-хан. Наступление велось двумя колоннами, причем

первой, на направлении главного удара, надлежало идти влево от Карабахских ворот, против батареи артиллерии подпоручика Башмакова.

Гянджа являлась воротами в Азербайджан, была одной из азиатских твердынь. Цицианов писал в победной реляции Александру I: «Победоносные российские орлы парят над башнями Ганжи...». За умелые действия и храбрость при взятии крепости подпоручик Башмаков был награждён орденом Св. Анны 3-го класса («аннинским оружием»). По указанию Цицианова город был переименован в Елисаветполь, в честь супруги российского императора Елизаветы Федоровны.

После Гянджи наступила очередь Эривани. Это ханство грузинские цари также считали своим. Кроме того, на территории ханства находился Эчмиадзинский монастырь – резиденция армянского патриарха. Для похода на Эривань Цицианову с трудом удалось собрать 4500 штыков и сабель при двенадцати орудиях. Болезни косили людей, не разбирая чинов. Чужой климат, плохая вода, недостаток привычного провианта делали своё дело.

Сразу по прибытии к монастырю русский корпус был атакован персами, которые пересекли Аракс и вторглись на территорию Армении. Во главе 18-ти тысячной персидской армии стоял наследный принц Аббас-Мирза. В течение июня 1804 г. русские войска отразили все атаки противника благодаря дисциплине и стойкости солдат и действиям артиллерии, которая отгоняла персидскую конницу, освободили монастырь от засевших там персов и завладели их лагерем. Устрашённый Аббас-Мирза ушёл за Аракс.

Со 2 июля Цицианов стал обкладывать Эриванскую крепость – серьёзное сооружение с двойными стенами, между которыми имелся ров, заполненный водой. Но сил у русских для правильной осады катастрофически не хватало. 15 июля персидское войско вернулось во главе с самим шахом, Баба-ханом и с марша атаковало русские войска. И все же русским удалось отбиться, потеряв убитыми и ранеными больше 180 человек. Осада продолжалась весь июль и август. Противник непрестанно пытался деблокировать осаду как изнутри, так и снаружи. Затем Баба-хан решил одолеть Цицианова измором и отрезал его от Грузии.

Ситуация становилась критической: четыре тысячи голодных солдат, одна треть из которых были больны или ранены, имевших провианта лишь на три дня и ограниченный запас зарядов, оказались зажаты в клещи гарнизоном крепости и войском Баба-хана. На военном совете было решено пробиваться назад, в Грузию. Из послужного списка Башмакова: «сентября 4, 5, 7, 8 и 9-го при отступлении из Ерипана в сражении с персидским войском под начальством Баба-хана бывшим у прикрытия ретиралы находился». Отступающая пехота выстраивалась в несколько каре, четырёхугольников, по углам которых двигались пушки, которые

стрельбой на картечь отбивали все атаки персидской конницы. Но переход был тяжёлым, только за 9 дней отступления умерло 5 офицеров и 140 нижних чинов.

За отличие, оказанное в сражении, 16 сентября 1804 г. Флегонт Башмаков был произведён в поручики. На Кавказе слухи разносятся быстро. О поражении Цицианова узнала вся Грузия и горские народы. Осетины взбунтовались и перекрыли Военно-Грузинскую дорогу, внутри страны начались мятежи недовольных присоединением Грузии к России. Целый год ушёл на успокоение вновь присоединённых земель. Помощи русскому корпусу из России ждать не приходилось, надвигалась война с Наполеоном. Тем не менее, в мае 1805 г. под Елисаветполем Цицианов принял от карабахского хана присягу на верноподданство и подписал трактат.

Чтобы отвлечь персидскую армию от новых вторжений, Цицианов дал 17 июня предписание генералу И.И. Завалишину, командиру Астраханского гарнизона, силами Каспийской флотилии предпринять «диверсию» на южных берегах Каспия против персов, а затем взять Баку. Однако Завалишин потерпел полную неудачу как на юге, так и под Баку. Тогда разгневанный главнокомандующий заявил, что сам пойдёт с двумя тысячами войска сухим путём и возьмёт Баку. В конце 1805 г. Каспийская флотилия вернулась к Бакинской крепости и опять потерпела неудачу.

Из послужного списка Башмакова: «...805-го года с 14 ноября по выступлении из Грузии отряда войск под предводительством покойного господина генерала от инфантерии и кавалера князя Цицианова под крепость Баку и при самой сей крепости, потом судами через Каспийское море на Кавказскую линию в походе по 1-е число мая находился, имея в ведении своем с услугою нижних чинов 4 орудия артиллерии».

Под Баку встретились отряды Завалишина и Цицианова, и правитель Бакинского ханства дал согласие на сдачу крепости. Но 8 февраля 1806 г. при торжественном вручении ключей от крепости Цицианов и его адъютант были предательски убиты. Смерть Цицианова окончательно сразила Завалишина. Он посадил на корабли оба отряда, свой и Цицианова, и отплыл с ними в море. Со смертью главнокомандующего наступило перемирие, которое длилось больше года.

Пять с лишним лет тяжелейшей службы на Кавказе закончились для Флегонта Башмакова выходом в отставку по Высочайшему приказу от 22 января 1806 г. в чине штабс-капитана, который фактически состоялся только к маю этого же года, по возвращении Башмакова из Азербайджана на Кавказскую линию. Однако 17 января 1807 г. Флегонт Башмаков снова поступает на военную службу. Что подвигло его на этот поступок? Хотя он был дворянином (из симбирских дворян –В.А.), но ни земли, ни крестьян не имел. Можно предположить, что он не нашёл себе занятия в

гражданской жизни, жить помещиком не мог и был вынужден вернуться в армию.

Есть и другое возможное объяснение. Дело в том, что в годы царствования Александра I отпуска офицерам почти не предоставлялись и офицеры, желавшие получить передышку от военной службы, уходили из армии через увольнение. Право на увольнение и на поступление вновь на военную службу имел любой офицер. Башмаков был «принят по-прежнему в службу в 17-ю артиллерийскую бригаду Высочайшим приказом прежним поручичским чином». Приём из увольнения в службу с понижением в чине был обычной практикой, так как прибавка в чине при отставке являлась своего рода «бонусом». Но уже 15 ноября 1807 г. ему вернули звание штабс-капитана.

Время возвращения Башмакова на военную службу совпало с окончанием реформирования русской полевой артиллерии. Эти реформы обычно связывают с деятельностью специальной комиссии под руководством графа А.А. Аракчеева. Большое разнообразие типов орудий было сведено к четырём, а именно: 12-фунтовые пушки, 6-ти фунтовые пушки, 5-пудовые единороги и 4-пудовые единороги. Калибр орудия в то время определялся весом заряда.

Единорогами назывались пушки-гаубицы системы графа П.И. Шувалова, который руководил русской артиллерией в елизаветинское время. Получили свое название от фамильного герба Шувалова, изображавшего единорога и отлившегося на орудиях. Конструкция оказалась настолько удачной, что продержалась много десятилетий. Из единорога можно было стрелять не только ядрами, но и картечью, разрывными гранатами и зажигательными снарядами. Каждое орудие имело свой лафет. Лафеты 12-фунтовых пушек и 5-пудовых единорогов назывались батарейными, а лафеты остальных орудий – лёгкими.

Претерпела изменения и организация полевой артиллерии. Из артиллерийских полков и батальонов были сформированы артиллерийские бригады 3-х ротного состава (как правило, одна рота батарейная и две лёгкие). В каждой роте имелось двенадцать орудий. Артиллерийская рота являлась отдельной самостоятельной боевой и хозяйственной единицей. К примеру, лёгкая артиллерийская рота имела восемь 6-ти фунтовых пушек и четыре 4-пудовых единорога. К орудиям полагалось по два зарядных ящика с общим боекомплектом 120 выстрелов. В каждой роте имелась походная кузница. Русская артиллерия в результате реформ приобрела новое качество и по уровню материальной части и организации стала вровень с артиллерией лучшей армии того времени - наполеоновской Франции.

После заключения в 1807 . Тильзитского мира Россия и Франция стали союзниками. Россия присоединилась к континентальной блокаде Англии и разорвала с ней дипломатические отношения. Оставалась только одна страна на севере Европы – Швеция,

которая поддерживала торговлю с Англией. Наполеон, заинтересованный в разрыве отношений между Швецией и Англией, указал императору Александру I на Швецию, имевшую в своём владении Финляндию, как на «географического врага». Действительно, пока Финляндия находилась во власти Швеции, Россия не могла быть спокойна за участь Петербурга. Россия потребовала от Швеции присоединиться к континентальной блокаде и закрыть свои порты на Балтике для английских судов. Но шведы не могли пойти на такой разрыв, вся их экономика была завязана на торговле с Англией. Более того, Англия обещала финансовую и военную помощь Швеции в случае войны с Россией. На требование Петербурга шведский король Густав IV Адольф ответил естественным отказом, да вдобавок вернул недавно вручённый ему орден Андрея Первозванного. Началась война.

На рассвете 9 февраля 1808 г., в сильную метель и стужу, русский 24-тысячный корпус под командованием генерала от инфантерии графа Ф. Буксгевдена перешёл границу шведской Финляндии. В составе корпуса в войну вступил штабс-капитан Флегонт Башмаков со своими орудиями. Шведских войск в Финляндии к тому моменту было 19 тысяч, включая гарнизоны крепостей. Русские продвигались быстро, особенно вдоль морского побережья, почти не встречая сопротивления противника. Через неделю был занят Гельсингфорс (ныне Хельсинки) и началась осада крепости Свеаборг, расположенной в окрестностях Гельсингфорса. Постройка осадных батарей на покрытых глубокими снегами скалах стоила нашим артиллеристам невероятных трудов.

Во всё время активной осады Башмаков находился в сражении. Бомбардировка крепости шла до конца марта, затем было объявлено перемирие и начались переговоры о сдаче крепости. И это удалось – в апреле мощная крепость, «Гибралтар Севера», была сдана. Всех военнопленных помиловали, пленных шведов отправили в Россию, а более шести тысяч финнов отпустили по домам с наказом не братья больше за оружие. Это великодушное дорого обошлось русской армии в недалёком будущем.

Падение Свеаборга праздновалось в Петербурге торжественным парадом у памятника Петру I. Штабс-капитан Башмаков за взятие крепости получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Ещё ранее, 10 марта русские войска заняли Або (ныне г. Турку) – главный город Финляндии в то время. Шведы отступали на север, уклоняясь от серьезных сражений. До наступления весенней распутицы русские успели занять город Ваза и подступили к Улеборгу (ныне г. Оулу).

Никто из русского командования не предвидел тогда, что отступление шведов вглубь страны являлось точным выполнением королевской инструкции – продержаться до конца зимы, до подхода морем помощи из Швеции. Однако первая неудача русских войск – разгром 15 апреля отряда генерала Булатова так воодушевила

шведов, что они перешли к активным действиям. Но и настроение жителей изменилось. Население, побуждаемое прокламациями из Стокгольма, поднялось на борьбу против русского вторжения. Народную войну возглавили лютеранские пасторы и отпущенные по домам защитники Свеаборга, солдаты, имеющие боевой опыт. Растянутые коммуникации русских войск ежедневно подвергались нападениям.

В начале мая наступившее весеннее половодье на время прервало военные действия. Но партизанская война усилилась. На озёрных островах устраивались склады оружия, переправы уничтожались, транспорт и курьеры перехватывались. Русские войска под командованием генерала Н. Раевского, действовавшие вдоль побережья, начали пятиться назад к Вазе, чтобы сократить свою коммуникационную линию. Как только Ботнический залив освободился ото льда, начались высадки шведских десантов. Из послужного списка Башмакова: «июня 13-го при нападении шведских войск на город Вазу и при разбитии оных» находился. Орудия русских батарей были поставлены на главных городских перекрёстках и сумели подавить вражеский десант численностью в тысячу бойцов. Тем не менее, положение русских войск становилось весьма сложным, обороняясь, они продолжали отступать к югу.

Главкомандующий Ф. Буксгевден заменил стойкого, но недостаточно уверенного в себе Н. Раевского смелым и решительным графом Н. Каменским, предоставив ему полную свободу действий с одной инструкцией – победить! Прежняя осторожная гуманность к народным ополченцам была сменена «праведной строгостью». Пленных из отпущенных ранее солдат противника приказано было расстреливать на месте.

Укомплектовав в двухнедельный срок, к 1 августа свой 6-тысячный отряд, Каменский перешёл в наступление. Противник манёвренной войны, он действовал по-суворовски, атаковал противника в поле. Суворов говаривал: «кто удивил – тот победил». Шведы начали постепенно отступать. Из послужного списка Башмакова: «августа 20-го при деревне Куортане под командою генерал-лейтенанта графа Каменского 2-го противу шведских войск, 22-го в авангарде при деревне Сальми противу сих же войск» в сражении был. Бои под этими деревушками южнее города Оровайс (ныне г. Оровайнен) нанесли ощутимый урон шведам, они отошли ещё севернее и закрепились в Оровайсе. Важным следствием августовских боёв явилось их влияние на народное движение в крае. Восстание стало само собою постепенно затухать, облегчая для русских войск обеспечение продовольствием.

С утра 2 сентября начался бой за Оровайс. Силы противников были примерно равны, позиции разделяла небольшая речка. Авангарду полковника Я. Кульнева было приказано отбросить шведов за мост через эту речушку, но речки не переходить до подхода основных сил. Однако Кульнев увлекся атакой, по мосту

и вброд пересёк речку и попал под мощный фронтальный удар противника. И только подоспевшие полки отряда генерала Демидова остановили контратаку шведов. Вот как этот эпизод описывает в своём сочинении «Русско-шведская война 1808-1809 гг.» полковник русского генерального штаба П.А. Ниве: «К счастью, Демидов был близко, полки его, Пермский и Петровский, ударили с обоих флангов и отбросили противника снова на главную его позицию, чему значительную поддержку оказала 4-х орудийная батарея штабс-капитана Башмакова. «Сей расторопный офицер (сказано в рапорте Каменского) своим искусным действием наносил неприятелю немалый вред». За этот бой Флегонт Башмаков получил Монаршее благоволение.

Сражение при Оровайсе было самым кровопролитным за всё время военных действий и длилось 17 часов, до глубокой ночи. И когда Каменский, бросив в бой резервы, повёл в ночную атаку с барабанным боем своих солдат, шведы не выдержали и побежали. Удар, нанесённый шведам отрядом Каменского под Оровайсом, оказался смертельным. Финляндию после 2-го сентября можно было считать российской. Дальнейшие операции свелись к выдворению остатков войск обороняющегося противника за границы этой провинции. 7 ноября была подписана графом Каменским Конвенция, по которой к декабрю шведы очистили Финляндию от своих войск. 12 декабря 1808 г. Флегонт Башмаков стал капитаном – «за отличие, оказанное в сражении».

Военные действия против Швеции, уже на её территории, продолжались с конца февраля 1809 г., артиллерия в них почти не участвовала. Война завершилась подписанием Фридрихсгамского мира в сентябре 1809 г., по которому Россия получала во владение всю Финляндию и Аландские острова. В начале 1810 г. капитан Флегонт Миронович Башмаков был назначен командиром лёгкой артиллерийской роты в 17-й артиллерийской бригаде.

Военные дарования Башмакова особенно проявились в войну 1812 г. Эта его «расторопность», умение правильно выбрать позицию для стрельбы, умение несколькими удачными выстрелами решить исход боя сделали имя Башмакова знаменитым среди батарейных командиров. За успешные действия во время Бородинского сражения в районе Утицкого кургана он был награждён орденом Св. Анны 2-го класса и Золотой шпагой с надписью «За храбрость». Нам, курганцам, должно быть лестно, что наш, в декабристские времена маленький уездный городок, дал приют герою войны 1812 г.

СЕРГЕЙ КОКОРИН

Родился в 1955 г. в посёлке Мишкино. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 г. – Академию государственной службы при Президенте РФ. Член Союза писателей России. Печатался в областных и районных газетах, в журнале «Сибирский край» и журнале «Тобол», в литературных журналах «Родник» и «Веси». Автор ряда сборников стихов и рассказов. Председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского регионального отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области.

СТАНЦИЯ САЛУНЬ

Стоял октябрь. Выпал первый скупой снежок, через который проглядывала чёрная земля, напоённая влагой обильных осенних дождей. Темнело рано, и Алёша Глебов поторапливал Гнедка, слегка оглаживая худые бока лошади вожжами. Хлестать было жалко. Лошадь работала много, а корму получала мало. Впрочем, как и сам Алёшка. Как все люди в совхозе. И лошади тоже. Шёл 1944 год. Советская Армия наступала, поэтому фронт требовал всё больше и больше – и солдат, и продовольствия.

Солдат семья Глебовых отдала Родине уже троих. Старший брат Анатолий погиб в сорок первом под Москвой. Отец Лёшкин, Николай Иванович Глебов ранен был под Сталинградом, а после госпиталя направлен в трудовую армию, на пулемётный завод. Средний брат Михаил призван был в прошлом году. Письма приходили пока исправно, слава Богу. Самому Алексею шестнадцать было. В феврале уже призывали на сборы. Занимались строевой подготовкой и тактикой. Изучали винтовку Мосина. К посевной всех отпустили. Сейчас уборочная закончилась, стали приходиться повестки его погодкам. Федька Монин уже получил, Толька Горлов, Васька Баев. А ему повестки пока не было.

В телеге погромыхивал инструмент: вилы, лопата, топор. Ну и ружьё, конечно. Лёшка без него никуда. Охотник он был заядлый. А заяц или утка к семейному столу, где мяса давно уже не едали, ну никак не лишние. У мамы ведь ещё двое: двенадцатилетняя Варя и Ванятка шестилетний. Как они будут, если нынче его призвуют? Алексей вздохнул. Свистнул, пошевелил вожжами. Гнедко пошёл шибче.

Дома распряг лошадь. Сразу поить не стал, но сена дал. Зашёл в избу. Мама уже ставила ужин: хлеб, картошка, молоко. Как-то глянула на Лёшку по-особенному. Села на лавку, вытерла руки о фартук.

- Чё же, Олёшенька, не знаю, уж правильно ли я сделала?
- А чего, мам?

- Так ведь отправляют днями твоих одногодков, а тебе всё повестки не шлют. Я подумала, а ну как объявят тебя дезентиром? Сходила я к Долгушеву. – Долгушев заведовал совхозными кадрами. – Спросила его. А он говорит: «Ольга Ивановна, твоему Алёшке семнадцать-то будет только двадцать пятого декабря. Может, оставят его? Ну, а если спрашиваешь, я в район позвоню». Олёша, может я зря это?

Алексей уже чистил картошку, одновременно откусывая хлеб.

- Ничего мам, не зря. Они там сами всё знают.

Повестку передали Алексею на следующий день после звонка Долгушева в район. Совхоз был подсобным хозяйством танкового завода № 200 в городе Челябинске, поэтому в хозяйстве имелся вырубавший в любую погоду тягач на базе танка КВ. Он увозил в райцентр на станцию сливочное масло с маслобойки, а оттуда – запчастями. Вот с этим танкистом – трактористом повестку-то и передали.

Через неделю уже стоял Глебов перед комиссией в районном военкомате. За столом сидели четыре человека. Председатель комиссии спросил:

- Шесть классов у тебя, Глебов?

- Шесть.

А по тем временам шесть классов – это образование – не так себе, в деревне чуть ли не высшим считалось. Председатель обратился к комиссии:

- Нам одного человека в школу младших командиров нужно.

Рядом сидящий представитель из органов зашипел на ухо:

- Нельзя, товарищ Волков, у него отец был судим по пятьдесят восьмой в тридцать первом году.

- Да? Тогда в общую команду.

Из их района в пехотную команду набрали около полусотни призывников. Разместили в двух вагонах – «телятниках». Нары были в два ряда. Хватило на всех. В каждом райцентре к эшелону подцепляли вагоны. В Чебаркуль прибыл эшелон длиной в полкилометра.

Выгузились, прихватив котомки со съестными припасами. У кого больше, у кого меньше. Топтались, разминая затёкшие мышцы. Кое-как построились в колонну. В обтрёпанных засаленных фуфайках, дырявых сапогах, валенках – шитых – переподшитых новобранцы были больше похожи на лагерников. Оркестр грянул марш. Играли здорово. Лёшка первый раз слышал духовой оркестр «вживую», а не по радио. Настроение поднялось. Шагать стало веселее.

Расположились в длинных «казармах», выкопанных в земле, в которых были двухъярусные нары. На верхних, где Лёшке место досталось, можно было стоять в полный рост.

Через две недели переодели в старую солдатскую форму: шапки, шинели, кому – гимнастёрки, кому – кителя, которые до них

носили курсанты Копейского пехотного училища, ботинки, обмотки. Потом дали и валенки, иначе можно было обморозиться. Хотя, и так простывшие были, почти все кашляли.

В армейский праздник, двадцать третьего февраля приняли призыв. Командиром взвода был назначен лейтенант Девяткин, из НКВДшников. Но его молодые бойцы видели редко. Обучал и командовал взводом старший сержант Адышев, татарин по национальности, служака ревностный и строгий. Спал он вместе с солдатами в казарме, правда, нары сержантские стояли между двумя печками.

Алексею военная наука давалась легко. От природы подвижный, с быстрой реакцией, хотя и был невысокого роста, но выделялся среди других бойцов. Легко крутился на перекладине. Метко стрелял. Жило в нём какое-то врождённое чувство дисциплины, ему даже нравилось выполнять команды.

Вскоре двоим из взвода присвоили воинские звания: Глебову – младшего сержанта, Василию Баеву – ефрейтора. И стали они обучать других бойцов. Адышев, которому не хватало терпения заниматься с казаками, поручил их Глебову. После того, как Алексей научил их разбирать и собирать автомат ППП почти вслепую, Адышев Лёшку ещё больше приблизил и стал, в своё отсутствие, доверять ему командование взводом.

До марта сорок пятого года из учебки отправляли команды на западный фронт. После пошли на восток.

В мае из всего учебного полка сформировали маршевую роту. Выдали новую форму, сухой паёк. И пошёл эшелон в Монголию. Петропавловск запомнился тем, что дали горячее питание – макароны. Через пять суток были в Чите, оттуда – на город Чойболсан. Железнодорожная ветка не доходила до города километра три. Войска выгрузились.

Там уже стояла семнадцатая гвардейская дивизия, прибывшая из Кёнигсберга. Маршевой ротой пополнили состав этой боевой дивизии. Глебов попал в отдельную роту автоматчиков. В роте рядовых не было – только сержанты. Командовал ротой старший лейтенант Мельниченко, молодой, но с богатым фронтовым опытом.

От Чойболсана был трёхсуточный переход в лагерь «Солёный», расположенный у озера. Там стояли больше месяца. Каждый день были учения, в том числе и с боевыми стрельбами. Отрабатывали взаимодействие с артиллерией. Изучали тактику японской обороны, схемы укрытий. Но о предстоящей войне никто не говорил – ни офицеры, ни рядовые. В отличие от Чебаркуля, кормили очень даже неплохо: американская тушёнка, монгольское мясо. Был также яичный порошок и сушёная картошка. Жили в ямах, накрытых плащ-палатками. Иногда купались в озере.

Во время купания у молодого солдатика пропала пилотка. Деревенский парень, наивно полагая, что найдёт, ходил у всех спрашивал:

- Ребята! Кто взял пилотку? Отдайте!

Кто-то из шутников крикнул:

- Пушкин её взял!

Малограмотный бедолага кинулся вдоль берега за группой солдат с криком:

- Пушкин! Пушкин, отдай пилотку, поимей совесть!

Кроме купания, было и ещё одно занятие. Поскольку полковая артиллерия: «сорокопятки» и семидесятишестимиллиметровые короткоствольные гаубицы были на конной тяге, то многих привлекали для заготовки сена. Косили траву на берегу реки Халхин-Гол.

Там, увидев, как Лёшка ловко управляет с литовкой, обратил на него внимание старшина роты Воронин.

- Эй, проворный, подойди!

Глебов подбежал и встал по стойке смирно, приставив литовку к ноге, как винтовку. Не потому, что хотел выслужиться перед старшиной, просто привычка уже въелась.

- Младший сержант Глебов...

- Откуда родом?

- С Челябинской области, теперь Курганская...

- Землячок...

Воронин Степан Михалыч был уроженец соседнего района. В армии служил с тридцать восьмого года. Дома не был восемь лет. Они сошлись поближе. Подолгу разговаривали о родных местах, вспоминали общих знакомых и даже родственников общих находили. Михалыч женился рано. У него росла дочка.

- Ведь увижу, не узнаю, ей Богу, не узнаю! – часто приговаривал он.

Балабол и разгильдяй Юрка Блинов его подначивал:

- Конечно, не узнаешь! На соседа похожа, как узнать...

Старшина не обращал внимания. На язык Блинова даже офицеры не обижались – что взять с человека, если у него орден Славы, медаль «За отвагу» и тяжёлая контузия. К тому же Юрке Блинову во время рукопашной в коридорах Кёнигсбергских укреплений эсэсовец пол-уха откусил. Юрка его задушил голыми руками. Так уж пришлось. Поэтому и над Блиновым товарищи подшучивали:

- Эсэсман захотел Блина попробовать, да подавился!

В июне прошло крупное армейское совещание. Отдельную роту автоматчиков привлекли для охраны. Алексей никогда не видел вместе столько генералов. Стояли огромные по сорок метров в длину палатки. В них немецкая трофейная мебель: столы, стулья, тумбочки. Появилось ощущение, что приближается что-то важное.

Тревогу сыграли поутру. Собрали скатки, каски, автоматы, фляжки. В общем, полная выкладка. Шли месяц. Девятьсот ки-

лометров. Без отдыха, почти без сна и воды. Изнуряющая жара и песок. Везде песок – в ботинках, в галифе, на зубах, в глазах и в голове. Изопрели и рвались гимнастёрки и галифе. Звучала команда: «Расстегнуть ширинки!». Всё было смозолено. Бросали скатки, каски, пустые фляги. Воду подвозили редко, её выпивали сразу. Оружие не бросал никто. За это расстреливали. Зато от тяжёлых плащ-палаток старались избавиться. Офицеры просили:

- Не бросать плащ-палатки! Без них нельзя там!

Где там, уже все знали. Но думали только об одном – дойти бы! Многие отставали. Колонны растягивались. Особенно доставалось миномётчикам. У них оружие тяжёлое. Не то, что автомат – пять с половиной килограмм. Но поблажки не было никому. Командиры гнали и гнали вперёд. Днём и ночью. Короткий привал – два – три часа и снова суточный переход. Перед привалом звучало команда: «Всем вместе находиться! В сторону не уходите!». После привала: «Подъём! Найти спящих! Оружие не забывать! Вперёд!». Шли уже не колонной, а гурьбой. Некоторые научились спать на ходу. Однажды так уснул и Глебов. Очнувшись, увидел, что идёт в сторону от колонны. Больше не засыпал.

Часто пропускали вперёд танки. Хуже, если ночью, да на привале. Танкисты фары не включали. На броне сидел вперёдсмотрящий. Но он был так же вымотан изнуряющим маршем и не успевал заметить спящих на дороге бойцов. Некоторые попадали под гусеницы. Умирали и от болезней.

К вечеру восьмого августа подошли к китайской границе. Позади осталась злая пустыня с колдовским названием Гоби, поглотившая косточки многих и многих сыновей России, солдат терпеливых и мужественных. Объявили большой привал. Пересчитывали личный состав. В отдельной роте все были на месте.

Объезжали порядки на лошадях командиры, во главе с полковником и начальником штаба. Полковник качал головой, глядя на оборванных, измученных бойцов. На осла, которого нагрузили миномётной плитой. На оборванные рукава гимнастёрки. На голые локти и колени, торчащие из галифе без обмоток.

Ехавший последний офицер решил поддержать дух бойцов:

- Все знаете вальс «На сопках Маньчжурии»? Вот она – Маньчжурия – перед вами!

Блинов, зло сплюнул:

- А ты повальсируй со своей кобылой-то на радостях! Да поцелуй её, она ведь тыщу вёрст тебя везла!

- Блинов, молчать! – осипшим голосом оборвал его Мельниченко. Офицер поспешил за полковником.

Сержант Блинов замолчал. Жила в нём злоба и свобода, которая, может быть, помогала ему выжить на войне, но мешала во взаимоотношениях с командирами и начальниками.

- Лучше бы я два раза Альпы перешёл! – повернувшись к Воронину, сказал командир роты. – Сейчас воду привезут. Приготовьте фляжки и, что ещё там у кого осталось.

Воду привезли прямо в кузовах машин. Там были брезентовые чехлы. Вода была тёплая, солоноватая. Давали по котелку на двоих. Наливали во фляжки, кто сохранил – а не выбрасывал трофейные, немецкие – они были из алюминия, в чехле из кошмы. Вода в них не сразу нагревалась. Наши стеклянные – повывбрасывали. Лёшкина фляжка разбилась. Каску он обронил, когда уснул на ходу.

Выдали по одному сухарю граммов на сто, по такому же куску сала, по запасному диску к автомату.

Ночью перешли границу и через трое суток форсировали Хинган. Колонна продвигалась по узкой горной дороге. Раздалась команда:

- Разойдись, пехота!

Шёл дивизион реактивных гвардейских миномётов – «Катюш». Миномёты были на базе американских «Студебеккеров».

- Вот, Лёха, хоть какая-то польза от этих союзников, - сказал старшина роты. – Наши ЗИСы здесь бы не прошли!

Американскую тушёнку Воронин «пользой» не считал.

К утру получили приказ – атаковать с марша станцию Салунь. Там скопились японские эшелоны с большим количеством техники и живой силы. «Катюши» ударили по головным эшелонам, паровозам и путям. Японцы стали срочно выгружаться и готовиться к обороне.

- Ну, Глебов, надо занимать места в спальнях вагонах! А то япошки без нас хотели уехать, – шутил Воронин, надевая каску.

Лёшка поправил пилоточку и проверил чехол с запасным магазином.

Рота атаковала на стыке двух пехотных полков. Вырвались чуть вперёд. Остановил плотный пулемётный огонь. Перебежками добрались до засохшего пруда. Залегли в камышах.

Оказывается, их встречала японская кавалерийская часть, успевшая выгрузиться. Били из ручных пулемётов, привинченных к сёдлам.

Атакующих поддержала огнём полковая артиллерия. Рота была уже слишком близко от японцев. Снаряды ложились совсем рядом. Алексей тоскливо ждал – вот-вот свои же и накроют. Противоположный берег пруда был обложен камнями – валунами. Попадавшие в них снаряды выбивали тысячи осколков, которые вместе со смертоносным металлом создавали крошечный ад.

Поэтому, когда прозвучало: «В атаку!», Глебов поставил запасной магазин и, с некоторым даже облегчением, рванул вперёд, с остервенением стреляя в любое шевеление впереди. «Ура!» никто не кричал, звучали только выкрики командиров: «Вперёд! Вперёд!». Рядом мелькнуло перекошенное страшной гримасой лицо Блинова. Он бежал, рыча и стреляя короткими очередями. После

удара артиллерии самурайский огонь стал слабее. Рота быстро приближалась к позициям японцев. Алексей увидел, как маленькими фонтанчиками лопнула гимнастёрка на спине бегущего впереди бойца – пулемёты прошивали тела насквозь. Глебов перепрыгивал канавы, камни и тела. Глянул на одного убитого. Воронин лежал с двумя пулевыми отверстиями в каске. Запечатлелось, как фотоснимок в глазах. В сознание пришло позднее.

Алексей уже не видел перед собой спин атакующих товарищей. Ворвались на японские позиции. Груды убитых людей и лошадей. Тех, кто шевелился, добивали автоматным огнём.

Потом считали оставшихся в живых. Рота потеряла пятую часть личного состава. Алексей вспомнил Воронина. Поёжился. Как-то не верилось. Земляка больше нет. Всю войну прошёл и вот...

- Блинов, назад! – услышался крик Мельниченко. Но Блинов, не обращая внимания на командира роты, уже бежал к японским паровозам. Вернулся с ведром холодной воды. Тут же сел переобуваться в новые японские ботинки.

Увидели, как от станции мчится дрезина с японцами. Стрелять даже не пытались. Далеко.

- Лёнька, ты охотник? – неожиданно спросил Блинов.

- Ну, – Глебов не знал, что опять выкинет этот контуженый.

- Тогда пошли со мной на охоту! Выскочили одни, будут и другие.

Пройдя метров семьсот напрямую, они подошли к железнодорожному пути. Блинов приложил ухо к рельсу.

- Будем ждать, Глебов.

Алексей уселся на камень. Блинов был возбуждён:

- Хуже нет – ждать и догонять!

- Хуже, когда тебя ждут или догоняют, – отозвался Глебов.

- У вас в деревне все такие умные?

- У нас в деревне все раскулаченные.

- Значит, умные...

Блинов снова послушал рельс.

- Скоро будут, косоглазые!

Маленьким пятном на путях показалась дрезина. Сержанты залегли. Когда приблизилась метров на двести, открыли прицельный огонь с колена. Японцы даже не успели снять карабины. Дрезина стремительно несла их на автоматный огонь. Перестали стрелять, когда тележка с трупами прокатилась мимо.

Тело старшины Воронина не отдали похоронной команде. Сами схоронили. Написали на фанерной табличке: звание, фамилию; боевой путь: «Смоленск – Кенигсберг – станция Салунь». Блинов дописал: «конечная».

Станция Салунь была узловая. От неё отходили три ветки: на Харбин, Чанчунь и к границе. Дивизион гвардейских миномётов ушёл на Харбин. Там наш десант захватил аэродром. Нужно было подкрепление. С подходом дивизиона японский гарнизон сдался.

Не зная об этом, на аэродром приземлился на своём самолёте глава правительства Маньчжурии и попал в плен к нашим.

Стрелковые части шли на Чанчунь. Разведка обнаружила японцев в китайской деревне среди посевов гаоляна. «Выкуривать» вместе с разведчиками направили и роту автоматчиков. Небольшой посёлок окружили. Группами шли от одной китайской фанзы к другой. Врывались, стреляя поверх голов. Требовали сдать. Большинство сдавались без сопротивления. Сержант Блинов сначала в фанзу кидал гранату, потом из автомата посылал очередь по полатам, расположенным в полуметре от пола. Потом кричал:

- Банзай, сдавайся!

Блинову никто не сдавался.

Собрали пленных, десятка три. Двое голых, в одних трусах. Под трусами на шнурках ножи самурайские. Хотели пробраться к реке. Переводчик объяснил, что пленные, в основном, корейцы. Они не хотели воевать. Японцы заставили. Двое голых – японские унтер-офицеры. Девять солдат были убиты.

Капитан Егоров, секретарь парторганизации полка, накинулся на Блинова:

- Ты что творишь, дубовая голова? Здесь не кёнигсбергские форты! А вдруг в хижине мирные люди?

Блинов был верен себе:

- Па-ашёл ты! Сам бы заходил, если мирные!

И тут, словно в подтверждение его слов, разведчики принесли молодого солдата с ножом в груди. Видать, подстергли у входа в хижину. Унтеров хотели застрелить тут же. Егоров с переводчиком не дали. Надо допросить. А там – командир решит.

Вели рядом с колонной. Корейцев отдельно. Двух японцев отдельно. Командир полка решил – расстрелять всех. На возражения переводчика ответил:

- А на х... мне они нужны, твои хорошие корейцы? Ни кормить, ни охранять я их не могу. Ты один поверил, что они – корейцы. А если сбегут? Сколько наших бойцов – ротозеев отстало! Враз оружием завладеют и вздумают к своим прорываться. Расстрелять! Сначала японцев, потом корейцев.

Японских унтеров стали отталкивать автоматами в сторону от колонны. Они всё поняли. Ухватились за автоматы. Казалось, ещё секунды и оружие окажется в их руках. Комполка, бывший рядом, выхватил «ТТ» и прямо с лошади застрелил обоих самураев. После этого скомандовал Мельниченко, показывая на остальных пленных:

- Этих выводи в поле и кончай!

В Чанчуне к старшему лейтенанту Мельниченко подошёл командир разведчиков.

- Дай бойца одного, чтобы наездник был хороший. Я приказ хозяйственный получил. Как раз одного не хватает.

Командир роты долго не раздумывал:

- Глебова ко мне!

Лёшка прибежал.

- Ты как на лошади держишься?

- Нормально, тыщ старлейнант! Как с горшка перестал падать, так тятя на лошадь посадил.

- Пойдёшь с разведчиками на хозработы.

- Есть!

«Хозработа» разведки заключались в самом, что ни на есть, разбойничьем налёте. Нужно было угнать у китайцев стадо. Глебову объяснили:

- Коровы японские. Китайцы их присвоили, когда японцы сбежали. Так что, наше дело правое!

Алексею, вообще-то, всё равно было. Приказ есть приказ. Скотина – не люди. Куда надо, туда и погонит.

Разведчиков было пятеро, Лёшка шестой. Автоматы у них были ППС, которые гораздо удобнее – приклад откидывался. У каждого разведчика нож. Всадники они были лихие, а вот пастухи – никудышные. Ночью, когда захватили скот, Алексею пришлось самому командовать, как стадо направлять и ловчее гнать. Собаки подняли лай, китайцы крик. Собак постреляли. Несколько автоматных очередей поверх голов образумили и китайцев, которые с палками преследовали похитителей.

Стадо пригнали на станцию. Едва успели загрузить в вагоны, как явились китайцы. Пришли жаловаться командирам. Те развели руками: «Что поделаешь? Есть факты мародёрства, признаём. Найдём. Накажем». Ну, а как прикажете армию кормить? Не было у советских гвардейцев, в отличие от гвардейцев Кутузова ни личных имений, ни состояний, чтобы за провиант рассчитывать.

На следующий день, пробегая мимо командира разведроты, Глебов привычно козырнул. Но тот его остановил и поздоровался за руку. Видимо, ковбой-разведчики рассказали об Алёшкиной помощи.

Уже в Порт-Артуре всем объявили благодарность Верховного главнокомандующего за преодоление безводных степей Монголии, форсирование горного хребта Большой Хинган, прорыв укреплённых районов японцев и освобождение Манчжурии. Объявили о награждении солдат и офицеров орденами и медалями. В числе прочих младший сержант Глебов – медаль «За отвагу».

В Порт-Артуре дивизия осталась на долгие годы. Началась корейская война. Составу аэродромного обслуживания демобилизацию задержали. Отдельной роте автоматчиков, где старшиной был Алексей Глебов, тоже, потому как рота несла охрану всех и вся, где только были возможны диверсии.

Досыта хлебнули советские солдаты южно-азиатской романтики на берегу Жёлтого моря. На всю жизнь запомнился Ляодунский полуостров с холодными промозглыми зимами, изнуряющей летней жарой, залитыми водой рисовыми полями, малярийным ко-

марьём, сезонами муссонных дождей, когда дороги превращались в реки, а реки – в селевые потоки.

И увидел Алексей Николаевич Глебов зауральские берёзки только в 1953 году. И рассказал жене и дочке старшины Воронина, как пал смертью храбрых при штурме далёкой станции Салунь их муж и отец, покинувший родной дом пятнадцать лет назад.

Спустя более полувека, на приёме участников Великой Отечественной войны мэром города в честь 60-летия Победы оказался Глебов за столом рядом с фронтовиком лет восьмидесяти в офицерском кителе с погонами майора. Когда выпили и разговорились, оказалось, что зовут его Анатолий Фёдорович Мельниченко. Глебов сразу же спросил:

- С японцами не пришлось воевать?

- Пришлось. До сорок седьмого года в Порт-Артуре служил. Ротой командовал.

- А старшину Глебова не помните?

- Конечно, помню. С разведчиками у китайцев коров угнали целый эшелон! Подожди! – Майор пристально смотрел Глебову в глаза. Не узнавал.

- Неужели ты, Глебов?

- Я и есть, Алексей Глебов. Служил в Порт-Артуре до пятьдесят третьего года. До самой смерти Верховного.

Обнялись. Выпили. Водка вытекала из глаз, катилась по щёкам, по усам, капала на стол и обратно в рюмки. Вспоминали всех поимённо. То, что было шестьдесят лет назад помнилось хорошо, в отличие от того, что было в прошлом году, или пять лет назад.

На приёме было много журналистов. Девятнадцатилетняя Олеся Толстикова должна была написать про взятие Берлина. Послушала двух ветеранов: говорят про каких-то китайцев и японцев, про коров и Порт-Артур. На всякий случай спросила у коллеги:

- Вадим, когда была русско-японская война?

- В 1904 году.

Олеся пожала плечами: «Неужели столько живут?». Поинтересовалась у собеседников:

- Вы Берлин не брали?

Развеселившийся Мельниченко ответил:

- Брал, да на место положил.

- Шутите?

- Шучу, дочка. Берлин брал Жуков.

Олеся подошла к большой группе ветеранов:

- Не подскажите, где мне Жукова увидеть?

ЕКАТЕРИНА ПЕРМЯКОВА

Член Союза писателей России. Победитель областных, межрегиональных и всероссийских фестивалей и конкурсов. По итогам Международного поэтического конкурса «Золотой Grand Германии» (2021) была отмечена дипломом «За мастерство». Стихотворения публиковались в альманахах и журналах: «Странник», «Тобол», «Курган.Текст», «Невский альманах», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Веретено» и др., детских журналах «Мурзилка», «Радуга», а так же коллективных сборниках. Автор книги «Полшага до весны» (2024).

***

Вот и зима, потерпи.
Крыши качают метели.
Будем держать взаперти
Солнце в ослабленном теле,
Прятать под толстый жакет
Крылья до летних полётов.
Город блестит в куржаке.
Слепит глаза пешеходов.
Будем заваривать чай
С мятой, послаще, покрепче,
Вешать на ёлку зайчат,
К марту готовить скворечник,
Править мечты. А потом
Холод отступит от окон.
И под весенним зонтом
Снова обнимется кто-то.

КУРГАН

Город седой, угловатый,
Будто бы склеен из ваты –
Снегом укутан зимой.
Город любимый и скромный,
Жмётся в проёмах оконных,
Ждёшь терпеливо домой.
В небо влетаются ветки
Строгих деревьев, и терпкий
Воздух в подъездах с утра.
Тихий, воспрянешь под солнцем,
И по дворам понесётся
Звонкой толпой детвора.

***

Жизнь временным отрезком от
Работы до вечерних шкварок,
Я в быстром темпе вечный мот:
Мои года – чужим подарок.
Усталость правит и взрослит,
И в сорок лет мечты негодны,
Беру уверенность в кредит,
Ведь быть неслабым – это модно.
Остатки планов и надежд
Перебирает день-карманник,
А в памяти зияет брешь –
Не различу где скорбь, где праздник.
С рассветом, чуть открыв глаза,
Вяжу судьбу на тонких спицах.
За справедливость крикнув «за»,
Боюсь в той правде ошибиться.
Губной помадой пожирней
Улыбку вывожу умело.
Как жаль - среди толпы людей
Моя душа осиротела...

БОЛЬНИЧНОЕ

Январь, осмотр, и начат год,
В палате новые мальчишки.
Пугливым врач шепнёт: «Пройдёт.
Нам все не зря даётся слыше».

И взять ребят бы и обнять,
Забрать болезни и недуги.
Весь мир их – тумбочка, кровать
И вид в окне, где стонут вьюги.

Слеза мелькнёт, но стыдно так
Реветь юнцу в свои тринадцать –
На теле рваная черта
Вновь станет резью отзываться.

Какао утро подсластит
После привычно жидкой каши,
И будет день держать в горсти
Мальчишек и врачей уставших.

***

Между тенью и светом, молчаньем и словом,
Между завтрашним днём и огарком бывшего
Я ищу твои шорохи, звуки внимая,
Сквозняками пробитая, сердцем немая.

В суетливости дня, в замирании пробок
Ты мерещишься, каждым движением дорог.
Я ловлю очертания, беглые тени,
Обретая тебя, забывая потери.

Успокоится город под белым покровом,
И в груди отзовется спокойно и ровно.
Пусть торопится время, пеняя на стрелки –
Я в объятьях твоих долгожданных и крепких.

***

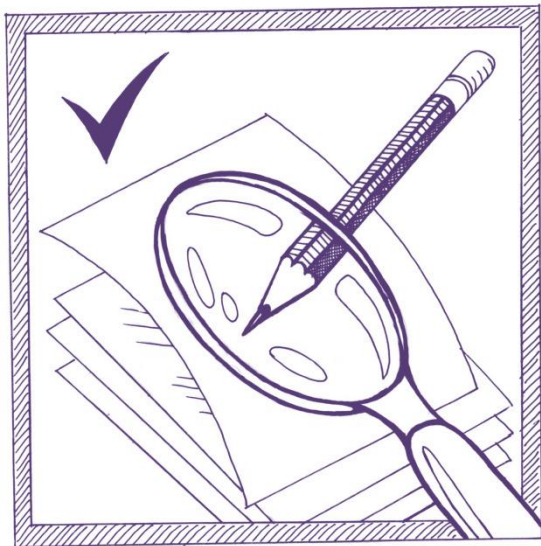
После поздней, недоверчивой зимы
В быстрых па на зеленеющих пуантах
Май красуется и пляшет у стены,
И гуляет по сырým дорожкам сада.

Подпекает бархатистым лепесткам
Тихим шёпотом, гудением шмелиным,
Над водою у озябшего моста
Белит светом почерневшие перила.

Жизнь старательно вдохнув в земную твердь,
Возрождает между комьев первоцветы.
И в лазурь мечтает бабочкой взлететь
Кокон гусеницы на ростке планеты.

ТАНЕЦ

К нагретому хлопку примкнула щека,
В потоке трепещущих нот мы плывём,
Волнистые локоны гладят слегка,
И в тесных круженьях мы словно вдвоём.
В глаза проникает играющий свет -
Закроются веки без страха упасть,
Мой стан, твои плечи - вечерний дуэт,
Ты мне покорился, тебе я сдалась.
Окинет прожектор лучами черты,
Бесстыдно влезая в сплетенье сердец.
Достигнув душевной до слез наготы,
Нас в танце мирил поднебесный Мудрец.

СТИХИЯ ПОЭТИКИ

НИНА ИЩЕНКО

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член совета Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы», «Книжная полка Татьяны Лариной», «Город на передовой. Луганск-2014», «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”», «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс», «Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности». Редактор-составитель семи сборников

Философского монтеневского общества Луганска.

ТРЕВОЖНАЯ ПАСТОРАЛЬ ДОНБАССА В КНИГЕ АЛЕКСАНДРА СИГИДЫ

Поэтический цикл «Пастушьи песни» входит в книгу Александра Сигиды-отца «Мечты печатного станка», изданную в Луганске в 2022 году. Большую часть книги занимают адаптации Вергилия, а именно его знаменитых «Буколик» и «Энеиды». «Пастушьи песни», как буквально переводится слово «буколики», строятся по классическому римскому образцу, известному всем европейским литературам. Рассмотрим сходство и отличие двух версий на уровне идей и образов.

Буколики, или пастушьи песни – это жанр, пришедший в Рим из Греции. Во времена Вергилия он насчитывал два-три столетия и был довольно новым. «Буколики» – первая поэма Вергилия, которая сделала молодого поэта знаменитым.

Вергилий жил в эпоху слома античного полисного миропорядка. При его жизни происходила гражданская война Цезаря с Помпеем, убийство Цезаря, войны Антония и Августа с Брутом и Кассием, убийцами Цезаря, а потом и между собой. Вергилий выходит на литературную сцену через несколько лет после гибели Цезаря, в бурях гражданской войны. Он пишет поэму о пастухах, развивая жанр пасторали, получивший такое распространение в последующие века. Мирные пастухи, пасущие овец, занятые пастушеским трудом, нехитрыми развлечениями и любовью на лоне сельской природы стали образцом идиллии, золотого века и потерянного рая, где можно укрыться от всех бед цивилизации и городской культуры. Вергилий первым поместил своих пастухов в Аркадию, то есть в прекрасный несуществующий мир, наполненный радостью и сельским покоем. Вергилий стоит в самом начале пути, он создает канон и образец, которому будут следовать сотни поэтов, вплоть до Александра Сигиды из Молодогвардейска в ЛНР. Следуя выводам Михаила Гаспарова, покажем особенности вергилиева канона и посмотрим, какие новые идеи вносит в сюжет современный поэт.

Известный исследователь античности Михаил Гаспаров показывает строгую структуру «Буколик» Вергилия. Их всего десять, все нечётные песни-эклоги написаны в виде диалога, чётные – от одного лица. Центральной песней является пятая, в ней собраны все темы цикла. Последняя, десятая песня, замыкает цикл и ни с чем не рифмуется, подводя итог движению мысли. Первая песня соотносится с девятой, это беседы пастухов, причём в обоих случаях один из пастухов – новый человек в этой местности, который ищет спасения от разбоя и ужасов гражданской войны. Вторая и восьмая эклоги – песни о любви. Третья и седьмая – поэтические состязания пастухов, также поющих о любви, природе, поэзии и богах. Четвертая и шестая обрамляют центральную, пятую эклогу, и обе представляют собой рассказ о мире в целом, о его будущем и прошлом. В четвертой эклоге, написанной за сорок лет до Рождества Христова, предрекается рождение чудесного ребёнка, который принесёт мир измученной земле. В течение столетий эта эклога была предметом мистических прозрений и толковалась как доказательство того, что и до Христа людям иногда могла открыться истина. Шестая эклога – рассказ сатира Силена из свиты Диониса о создании мира и о бурных любовных приключениях богинь и героинь, включающих инцест, людоедство, детоубийство, смерть. Бурное прошлое и гармоничное будущее мира обрамляют пятую эклогу, о Дафнисе, который после смерти был вознесён на небо. От чего умер Дафнис, в «Буколиках» не говорится, однако из мифологии известно, что он не захотел покориться Афродите и утонул в ручье. Таким образом, в пятой эклоге воспевается преодоление любви и её жестокостей, вознесённый на небо покой как высший идеал. В десятой замыкающей эклоге Корнелий Галл, друг поэта, поёт о своей любви, и вся природа ему сострадает. Песня завершается словами, которые вошли в золотой фонд поэзии и сборники известных изречений для эрудитов: «Все покоряет любовь, и мы покоримся любви». Эти слова звучат через века в Божественной Комедии Данте, который вслед за Вергилием выходит из Ада и идёт туда, куда ведёт его любовь, что движет солнце и светила.

Итак, у Вергилия в поэме, написанной в эпоху гражданских войн, основные темы – любовь, поэзия, природа, сельская жизнь, боги и снова любовь. Обратимся теперь к поэме Александра Сигиды-отца «Пастушьи песни».

Адаптация написана на основе перевода на русский Сергея Шервинского. Имена персонажей, приводимые у Вергилия, в «Пастушьих песнях» заменены на функции персонажей: Пастух, Певец, Второй пастух и так далее. Это обобщение позволяет читателю лучше ориентироваться в происходящем и понимать, кто перед ним и что он делает. Тематически эклоги следуют Вергилию. Формальный параллелизм же не выдерживается: первая и третья

эклоги написаны в форме диалога, как в оригинале, а дальше каждая песня идёт от одного лица. Второй голос звучит в разных эклогах в форме комментария от автора, приводимого в скобках и курсивом:

Согрела овчинная шуба (наяды плывут нагишом!) (Эклога VII).

*Пошла ты к достойному мужу! (И дудка моя не нужна:
Зря вырвались звуки наружу...)* С другим будешь ночью нежна
(Эклога VIII).

Эти комментарии тоже составлены из классических строк Вергилия/Шервинского, а необычная форма подчёркивает разные точки зрения на происходящее, не указанные явно у Вергилия.

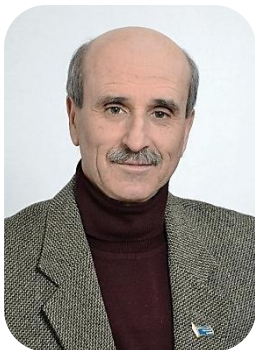
Центральная пятая эклога, выражающая у Вергилия смысл всего цикла, полна не покоя и радости от обожествления и умиротворения любви, а тревоги и напряжения: золотая эпоха ушла, пророка унылой земли жестокие боги забрали на небо. Оставшийся людям выход – сельский труд на лоне природы, песни и пляски в календарные сельскохозяйственные праздники, чтобы заглушить тревогу степных дорог. Последняя эклога, апофеоз любви у Вергилия, у Сигиды приобретает тревожные краски. Мирного разрешения конфликта нет и не может быть, на фоне вечной радостной природы бушуют немирные страсти:

*Определились имперские нравы – брат приготовил кинжал;
С Понта везут ядовитые травы; в лес я не зря убежал.*

Этими же тревожными нотами пронизаны все стихотворения цикла. У Вергилия мотивы страха, неустроенности, тревоги гаснут и растворяются в покое сельской пасторали. У Сигиды они звучат яростно и тревожно, разрушая идиллическую картину гармонии неба и земли под властью императора Августа, положившего конец раздорам. Если Вергилий переселяет своих пастухов в Аркадию, существующую вне времени, то Сигида возвращает их в тревожный воюющий Донбасс, с 2014-го года наполненный рыданиями, мятежными песнями, беглецами и бандитами, поэтами и влюбленными, сельским и воинским трудом. В поэме донбасского поэта, как и на донбасской земле, до мира и гармонии еще далеко. Четкие строки и классические образы ломаются и смешиваются, создавая новое пространство, тревожное и открытое будущему.

ВЛАДИМИР СПЕКТОР

Родился в Луганске. После службы в армии работал ведущим конструктором, пресс-секретарём на тепловозостроительном заводе. Автор 23-х изобретений. Начиная с 90-х годов, был главным редактором региональной телекомпании, собкором киевской газеты «Магистраль». Редактор литературного альманаха и сайта "Свой вариант". Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве, Берлине. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких лите-

ратурных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Николая Тихонова, Гран-при Международного конкурса «Лучшая книга года – 2022» Почётный председатель управления Межрегионального союза писателей, член Национального союза журналистов Украины. С 2015 года живёт в Германии.

«ЗДЕСЬ ВСЁ – МОЁ»...

Наталья Дёмчева. «Степная сага» поэма, 1-я часть трилогии «Военный синдром» 100 с. Изд. «Медиа Принт», г. Липецк.

Наверное, не зря на рубеже веков возник вопрос: «Может, время стихов ушло, время прозы суровой настало»? Думаю, что жизнь убедительно ответила, показав, что время поэзии длится, стихотворения пишутся и даже читаются. А вот время поэм, хоть и не ушло, но, в какой-то мере, подобно шагреновой коже, сокращается. Ускоряющийся ритм жизни (к поэзии в целом, не благоволящей) чтению поэм, вдумчивому и неспешному, не способствует. Впрочем, так было всегда. Ни один период времени изобилием поэм не отличался, и авторы понимали, что масштабные поэтические произведения требуют своего, особенного, подготовленного читателя. Тем не менее, выдающиеся поэмы Александра Твардовского о Василии Теркине и «За далью даль» были широко любимы в народе, и популярность их была честная и заслуженная. Они не просто талантливы, в них звучал голос народа, голос правды. *«А всего иного пуще не прожить наверняка — Без чего? Без правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, Да была б она погуще, как бы ни была горька».* Правда (в которой сила), мир и война, смысл бытия, вопросы и поиск ответов, счастье и любовь... Обо всем этом писали всегда и пишут сегодня. В том числе, и в поэмах. Одну из них написала известный поэт из Липецка Наталья Дёмчева, назвав её «Степная сага». В ней нет героя, подобного Теркину, хотя, поэма тоже о войне (той, что неожиданно случилась в 21-м веке), редко встречается прямая речь, но личность автора

ощутима в настроении, мыслях и чувствах. Наверное, героем поэмы можно назвать время. А можно – степь, что стала полем битвы. Или воздух Родины, который, как сказано о нём, «особенный, не надышишься им». А вероятней всего, герой поэмы – весь народ, преодолевающий, стиснув зубы, трудности военного лихолетья. Кто-то – на фронте, а кто-то в тылу, но и в нем невозможно не слышать эхо канонады, не увидеть то, что ещё вчера казалось кадрами из приключенческого кино. Жизнь превосходит своей реальностью любой фантастический фильм...

«Степную сагу» можно было бы назвать не поэмой, а циклом стихотворений. Но он сложился в единое целое и стал поэмой. Главное, что стихи проникнуты авторской позицией, которая совпадает со взглядами читателей, узнающих в поэтических строках отражение собственных судеб. И, в целом, судьбы страны. Прежде, чем продолжить вести речь о произведении Дёмчевой, хочу вспомнить отрывок из поэмы Давида Самойлова «Снегопад». Она тоже о войне и о судьбе, и о том главном, что помогает автору найти свою поэтическую тропу, не сбиться с неё на всём протяжении обширного повествования.

«...Летел, летел прекрасный снег, струился без отдохновенья и оставался в нас навек, как музыка и вдохновенье... Учусь писать у русской прозы, влюблён в её просторный слог, чтобы потом, как речь сквозь слёзы, я сам в стихи пробиться мог».

Великая школа русской классики – это универсальный способ совершенствования литературного стиля, мастерства, умения. Это уникальное наследие, которое никогда не потеряет свою ценность. Просторный слог ощущается и в лучших строках поэмы «Степная сага». Возможно, кому-то она покажется излишне громоздкой, могут возникнуть претензии к излишнему стремлению к красивостям, злоупотреблению аллюзиями и аллитерациями. Но автор вправе ответить, что таков ее стиль.

«Уходят в вечность поезда, на звук сирен спешат. В глухую темень, в никуда, в пылающий закат. Внося в вокзальный диссонанс речитатив мольбы, колёса напевают вальс разлучницы-судьбы. По рельсам стелется состав железный, вороной. Перрон, беспомощно отстав, остался за спиной»...

За спиной у Наталии Дёмчевой – богатый жизненный и писательский опыт. Она не только автор многих книг, но и руководитель литературной студии «Звукопись». Вот, как пишет ее земляк, писатель и воин Александр Пономарев: «Наталия родом из Донбасса. В Горловке похоронен её отец, работавший инженером-горноспасателем. А она с отличием окончила «Десятую гвардейскую школу» в шахтёрском посёлке Ртутный. После окончания медицинского института долгие годы живет в Липецке, помогая людям и как врач, и как поэт. Благодаря лидерским качествам и

неиссякаемой энергии, Наталии удалось собрать и объединить в своей студии авторов, разных по стилю и направлению творчества.

Бескорыстно делясь с ними опытом и знаниями, она содействует их творческому и личностному росту. Это как раз тот случай, который называют служением и подвижничеством».

Филолог Геннадий Авилов в предисловии к новой книге Дёмчевой отмечает: «Из отдельных кадров, фрагментов, мелочей в поэме складывается целая жизнь. Простые, на первый взгляд, истины, мимо которых можно спокойно пройти, попадают в эпицентр её внимания. Лирические раздумья обогащены глубиной социально-исторических ассоциаций. Своеобразный историзм образной ткани поэмы придаёт ей некое эпическое звучание».

Явственно слышна в поэме перекличка нынешнего времени с годами испытаний Великой Отечественной войны. Как всё похоже... И как неожиданно. И как неотлично зло сегодняшнее от того, что ломало жизнь и судьбы людей и страны в страшную годину фашистской оккупации. Зло не меняет свои повадки, оно не терпит доброты и справедливости, равенства и стремления к свободе. Но и добро бессмертно. Оно проявляется в лицах и поступках потомков тех, кто сражался с фашистами. И нынешние солдаты продолжают традиции поколения победителей.

«Торжественно, легко и грустно плывут в историю века...

По неизведанному руслу текут и время, и река».

«В глубинах запотевшего пруда рождается подводное течение. «Отличники шахтёрского труда» за Родину уходят в ополчение. А где-то на пологом берегу, в руинах обескровленного лета, я дедовы медали берегу и связку писем в стареньких конвертах»

«И в памяти листая информацию, где болью продиктована строка, читаю, как в войну на дальней станции ходил отец за кружкой кипятка».

Отцы и деды, чья широта души сродни степным бескрайним просторам Донбасса, а крепость характера близка твёрдости угольных пластов, смогли победить объединённый европейский фашизм, изгнав захватчиков с родной земли. И в поэме степь помнит своих сыновей, а терриконы защищают от вражеских обстрелов, помогают в бою, как в труде. Так было, и так есть. Степь защищает и возрождает своих. И не даёт укрыться от возмездия чужим.

«Тополь тоскует в дозоре, как боевой командир. Степь... Необъятное море в сите осколочных дыр. Житное, ратное поле – рубища ветхий наряд. Изнемогая от боли, ангелы в небе парят»...

«Даже последний вздох в жизнь протаранит путь. Раненому врасплох степь забинтует грудь. Смешанный с ложью страх обезоружит сон. Дождь на семи ветрах скроет победный стон».

«Ястреб гризну празднует, кружится над минами. Жизнь такая разная... Вечность – под руинами. Над несчастным городом грозно зреет зарево... Степь живая, гордая, возродится заново».

А что ещё во все времена (и военное – не исключение) придаёт силы и возрождает, укрепляет в надежде, дарит веру в счастливое будущее и настоящее? Конечно, любовь, и она на страницах поэмы – не случайная гостья. Не зря говорится: «Кипяток всех житейских страданий обжигает сердца вновь и вновь. И спасительной ложкой в стакане защищает аорту любовь». Любовь побеждает даже, если «Танцев нет. Все ушли на войну». И это не может никого оставить равнодушным. Это основа жизни, секрет счастья и противоядие от гибели. «Степная сага» – и о любви тоже.

«Все на фронт ушли друзья, Их вернуть в апрель нельзя. Веет холод от жнивья. Но любовь моя – жива».

«Мир по глотку завяз в быту, жизнь в берлоге печали бrenна. Я и ты – это там и тут, где забытое счастье дремлет... Стыдно болью грузить вагон и презенты просить у Бога. Нам бы только любви немного, не растоптанной сапогом».

«Накрест дверь заколочена в клубе. Просмолив табаком седину, сторож клеит афишу над клумбой: «ТАНЦЕВ НЕТ. Все ушли на войну!»

И, всё же, главный смысловой стержень поэмы – в утверждении жизни и окончательной победы над вселенским злом, чьи неотъемлемые признаки – насмешливое неприятие справедливости, ненависть и нетерпимость к инакомыслию, мстительное злорадование, жестокое равнодушие к страданиям ни в чем не повинных людей. Всё это бывало в истории, и не раз.

Почему оно повторяется? Этот вопрос звучит в поэме. Но ответ на него неочевиден. И потому нужна победа. «Вновь бесноватость назначает встречу. И ненависть, оскалив чёрный рот, взрывает, убивает и калечит. И, кажется, назад, а не вперёд стремится время, как палач за плахой, как мракобес, лелеющий войну. И прошлой смерти воскрешая страхи, жизнь, как собака, воеет на луну».

В поэме Наталии Дёмчевой жизнь продолжает бой. Враг – коварен и жесток, беспощаден и вооружен всеми силами зла. Но на стороне жизни – добро и справедливость, милосердие и сострадание. И потому жизнь – непобедима. Примечательно, что одно из стихотворений завершается словами «Здесь всё моё». Здесь – родная земля, степь и терриконы, здесь родные и друзья. Здесь – Родина. И в этом – главный смысл поэмы.

«И падает иудина монета на расчленённый свастикой майдан, где снайпер, не щадя бронезилета, пакует закордонный чемодан».

«Ведь на войне, друзья, как на войне. Прилюдно умереть – и смерть красна. Особенно, когда в строю – Весна, промозглая, на ветреном коне».

«По старикам слабеющим тревоги, и боль о поколение молодом, И дураки России, и дороги, и взрывом сбитый с ног панельный дом... Здесь всё – моё»...

АНАТОЛИЙ ЧАЙКА

Родился в 1954 году на Харьковщине. Образование высшее. Стихи пишет с 1970 года. Дипломант нескольких поэтических фестивалей. Член Литературного объединения им. А. П. Чехова (Ялта). Состоит в Союзе писателей-маринистов Крыма и Севастополя, в Российском Союзе профессиональных литераторов и в региональном Союзе писателей Республики Крым. Автор книги прозы и поэзии «Не продаётся вдохновенье», книг стихов «Я пишу, как дышу», «Предчувствие зари», «Лики Серебряного века. И не только». Лауреат Пушкинской премии Крыма в номинации «Поэзия»

– 2022. Обладатель Гран-При фестиваля «Пристань менестрелей» Балаклава 2023 г.

ЛЕВ РОАЛЬДОВИЧ БОЛДОВ

Российский поэт, музыкант и исполнитель авторской песни. Лауреат первого Международного литературного Волошинского конкурса и премии «Эврика». Автор восьми поэтических сборников. Член Южнорусского Союза писателей и Союза писателей Москвы.

Лев Болдов родился 17 июля 1969 года в семье инженеров в Москве. Закончил Московский институт инженеров транспорта по специальности «прикладная математика».

Стихи писал со школьной скамьи. Сам относил своё творчество к Мистическому реализму. В пору расцвета своего таланта стихотворения Болдова –

совершенная классика: чеканная рифма, неординарность мышления, музыкальная гармония, гениальность.

Долгое время проживал в Харькове, затем в Ялте.

Работал учителем математики, редактором, журналистом.

Многие стихи Льва Болдова положены на музыку и исполняются бардами.

Особенно завораживают композиции, исполненные Татьяной и Муратом Елекоевыми (дуэт «АкваЛибра»). Лев и сам прекрасно исполнял свои песни, а также великолепно читал.

О творчестве поэта хорошо отзывались Римма Казакова, Кирилл Ковальджи, Татьяна Кузовлева, Лев Аннинский, Александр Кушнер.

19 февраля 2015 года, после тяжелой болезни, в возрасте 45 лет Лев Болдов умер в Ялте, где и похоронен на Старом кладбище. В феврале ему было бы всего 55 лет...

Памятные вечера в его честь прошли в городах Крыма и в Москве. XIII Международный литературный Волошинский конкурс, лауреатом которого поэт стал в 2003 году, был посвящён памяти Льва Болдова. Ялтинский музыкально-поэтический фестиваль «Ялос» также учредил специальный приз имени Болдова. На Седьмом международном литературно-художественном фестивале «Русские мифы» имени Юрия Дружникова поэт награждён (посмертно) дипломом за большой творческий вклад в отечественную культуру.

Книги Льва Болдова:

Грань (1993), У Времени в тени (1997), Рубикон (1999), Серебряная нить (2003), Транзитный пассажир (2006), Секретный фарватер (2009), Солнечное сплетение (2013), Полёт (2015: издана посмертно)

Лев БОЛДОВ

* * *

*Ключи от Рая – у меня в кармане.
А двери нет – весь дом пошёл на слом.*

*Там наши тени в утреннем тумане
Пьют кофе за невидимым столом,
От общего ломая каравая.
Пузатый чайник фыркает, как конь,
И бабушка, по-прежнему живая,
Сметает крошки хлебные в ладонь.*

*Присохла к сердцу времени короста.
Но проскользну, минуя все посты, –
Туда, где всё незыблемо и просто,
Где нету страхов, кроме темноты.*

*Где пахнет в кухне мамиными щами,
Где все печали – мимолётный вздор,*

*Где населён нелепыми вещами
Таинственный, как джунгли, коридор.*

*Там детские прощаются огрехи,
А радость не приходит на бровях.
Там сахарные звонкие орехи
На ёлочных качаются ветвях.*

*Там сказки, словно птицы, к изголовью
Слетаются – любую выбирай!
Там дышит всё покоем и любовью –
Он так уютен, мой карманный рай!*

*И далеки жестокие години,
Где будет он, как яблоко, разъят...*

*Земную жизнь пройдя до середины,
Я постоял – и повернул назад.*

ЕДЕТ БЛОК НА ОСТРОВА...

*Натянулась тетива,
Ржавый ветер дует с оста.
Едет Блок на острова,
Где всё прозрачно и остро.*

*Сумасшедшие слова,
Торопливые объятья,
Аромат волос и платья,
Глаз запавших синева.*

*Грозно плещется Нева,
Черный снег в ложбинах тает.
Едет Блок на острова,
Воздух режущий глотает!*

*От вина, и от вины
За круги земного ада,
От беременной жены,
Что чужое носит чадо...*

*Наважденья пелена,
Хриплый хохоток Амура...
Азиатская страна
Веки продирает хмуρο.*

*Пусть дописана глава,
Жизнь по капле убывает —
Едет Блок на острова.
Уплывает, уплывает...*

*Вон — взгляни на небосвод,
Где, отринув бранный остов,
Белым облаком плывет
Его остров, его остров!*

* * *

*Пойдем гулять по ноябрю,
Где деревья черны, как спички.
К Донскому ли монастырю,
В Нескучный, к чёрту на кулички.*

*Не всё ль равно, где пить до дна,
Впивать горчащий этот вечер,
Который оплатить нам нечем,
Но всё ж оплатим и сполна.*

*Пойдем гулять по ноябрю,
По топким тропкам неприметным,
И я с тобой заговорю
О самом главном, самом тщетном.*

*И прошлое обступит нас,
Скрутив, как щупальцами спрута.
И будет вечностью минута
И жалкою минутой час.*

*И нам не хватит сотни лет,
Чтоб отдохнуть от посторонних,
И светлячки двух сигарет
Затеплятся у нас в ладонях.*

*И наше тайное храня,
Пропахнув им, родным и странным.
Ты будешь прятать от меня
Кольцо на пальце безымянном...*

* * *

Надо всё потерять, чтобы вновь оценить:

*Шум листвы и дождя серебристую нить,
Скрип качелей, трамваев трезвон поутру
И на скатерти солнечных бликов игру;
И в воскресном метро путь вдвоём налегке,
У торговки вокзальной черешню в кульке,
И тропу через лес, и безлюдье окрест,
И на даче поленьев берёзовых треск;
Зелень с грядки, из чайных стаканов вино,
И шмеля, залетевшего с гудом в окно,
Из колодца воды леденящей струю,
Шорох платья, усталую нежность твою,
И волос, по подушке рассыпанных, прядь –
Чтобы вновь полюбить, надо все потерять!*

МАНДЕЛЬШТАМУ

*Осыпается в небыль осипшая осень.
Оседает туман на заброшенный сад.
Шепчет ветер седой еле слышное «Осип»,
И стихи, как созревшие гроздья, висят.*

*Осип, Осип... Осин позолота поблёлкла.
Ось земная впивается в грудь всё острей.
И тяжёлые осы всё бьются о стёкла,
И тяжёлые волны встают у дверей.*

*Только в окнах – Венеция или Воронеж,
Адриатика или Колымская мгла -
Где шаг влево, шаг вправо – и камнем утонешь
В этой бездне, что столько уже погрелла!*

*Где ж птенец твой, Господь, перекутавший время?
Где он спит, опоённый летейской водой?
Где твой певчий, тобой поцелованный в темя?
И проколотый насмерть кремлёвской звездой?!*

*Где он бродит, в каких эмпиреях витает -
Звёздный мальчик с тюремным тавром на груди?
Тает памяти воск, старый сад облетает,
Бессловесную жалобу тянут дожди.*

*И не вырваться в неба щемящую просинь!
И деревья нагие стоят, как конвой.
И бормочет Господь еле слышное «Осип»,
Шелестя, как страницами, ржавой листвой.*

ЭТОТ СТРАННЫЙ МОТИВ...

*Этот странный мотив — я приеду сюда умирать.
Коктебельские волны лизнут опустевшие пляжи.
Чья-то тонкая тень на подстилку забытую ляжет,
И горячее время проворно завертится вспять.*

*Я приеду сюда — где когда-то, мне кажется, жил
И вдыхал эту соль, эту смесь волхованья и лени.
И полуденный жар обжигал мне ступни и колени,
И полуденный ангел, как чайка, над пирсом кружил.*

*Я приеду сюда, где шашлычный языческий дух
Пропитал черноусых жрецов, раздувающих угли,
Где, карабкаясь вверх, извиваются улочки-угри,
И угрюмый шарманщик от горького пьянства опух.*

*Этот странный мотив... Я, должно быть, и не уезжал.
Всё вернулось как встарь, на глаза наворачнувшись слезами.
Вот возницы лихие с тяжелыми едут возами,
Чтоб приморский базар как встревоженный улей жужжал.*

*Вот стоит в долгополом пальто, чуть ссутулившись, Грин.
Это осень уже, треплет ветер на тумбах афиши.
Остывающим солнцем горят черепичные крыши,
К покосившимся ставням склоняются ветви маслин.*

*Этот странный мотив... Ты забыл, мой шарманщик, слова.
Я приеду сюда умирать. Будет май или август.
И зажгутся созвездья в ночи, как недремлющий Аргус,
И горячие звезды посыплются мне в рукава...*

***

*Как Слово ни утаивай –
Пробьёт ростками росными.
Витают дух Цветаевой
Над большевскими соснами.*

*Над домом, над калиткою,
Где – стой и дождь подслушивай,
Где ожиданье пыткой
Выматывало душу ей!*

*Смириться б с фрачной Францией,
Не знать бы горя большего!..
Ты стало первой станцией
Её Голгофы, Болшево!*

*Леса. Клочок отечества.
Безверье. Одиночество.
Как поздно человечество
Влекут её пророчества!*

*Собраться бы под окнами
Негаснувшими раньше вам...
Блестят скамейки мокрые
Под фонарём оранжевым.*

*Не вышли сроки встретиться.
Но здесь она – звучащая.
И тихим светом светится
Рябины кисть горячая.*

*БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТИК
(последнее стихотворение)*

*Запущен в небеса, как дротик,
Не сбитый снайпером пока,
Летит бумажный самолетик -
И прошивает облака!*

*Он снизу - крохотная точка
В потоке турбулентных лет.
И облачная оболочка
Его окутывает след.*

*Но рвётся яростный разведчик
Упрямо - выше облаков -
К соцветиям небесных свечек,
К мигалкам звёздных маяков!*

*В бездумной фанатичной тяге -
Запущен детской рукой -
Тот сложенный листок бумаги -
С моей дымящейся строкой!*

29.01.2015

Анатолий ЧАЙКА

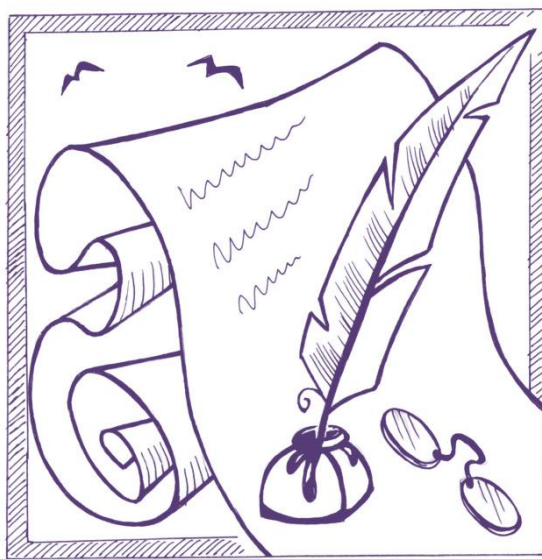
НА СМЕРТЬ ПОЭТА.
ЛЬВУ БОЛДОВУ

*Запущен в небеса, как дротик,
Не сбитый снайпером пока,
Летит бумажный самолётик -
И прошивает облака!
Лев Болдов*

Обнуление души.
Горькие уроки.
Горлом кровь!
А ты - пиши
Этой кровью строки!

Истончилась жизни нить.
Молвил Лев устало:
- Что ж, поэту долго жить
Вовсе не пристало!

Знаменит или забыт -
Всё теперь неважно...
Но летит, летит, летит
Самолёт бумажный!

ШИРОКИЙ ВЗМАХ КРЫЛА

Сказка для...

КОНСТАНТИН КОВАЛЬ

Родился 16 апреля 1965 года. Окончил Донецкий государственный университет (история). Профессию журналиста освоил в старейшей украинской газете «Вечерний Киев». Печатался в литературно-художественных журналах Украины, России, Белоруссии. Автор пяти поэтических книг. Дипломант Международного конкурса «Семья – всему голова» (Гомель), Международного фестиваля «Звезда Рождества» (Запорожье), лауреат литературной премии им. Михаила Матусовского. Член Межрегионального союза писателей.

СКАЗКА ПРО ЗАВЕТНЫЙ УЗЕЛОК

У каждого своя шапка

Глава первая: САЛКИ-ГОРЕЛКИ

Тары бары растабары –
У Кудыкиной горы
Понаехали бояре,
Понаставили шатры.

Заступили всю дорогу.
Разгулялись – не унять.
Пригласили скоморохов
На сопелке поиграть.

Балагуры в пляс пустились –
Только пыль из-под сапог.
Тут и сказочка сложилась
«Про заветный узелок».

Не на прошлой ли неделе
Ванька вышел за порог:
«Не желаю жить в деревне
Да кормить тулупом блох!

Здесь две улицы – три дома,
Да пустая коновязь.
Мне б чего-нибудь иного,
Не такого, как у нас!»

«Вот те на! – народ столпился –
Поунял бы, паря, прыть.
Не пора ль тебе жениться,
Чтоб далече не ходить?»

- Я, могло быть, и желаю,
Да невеста не сова.
Разве есть у нас такая,
Чтоб, хотя бы, не крива?

«Ах, ты! - девки за крапиву
И на приступ кулаком –
Это мы-то некрасивы?!
Уж, уважим, проведём!»

По деревне грянул хохот:
«Эти могут, будь здоров!»
А жених кивнул и ходу –
За плетень и был таков.

Ох, ты, матушка-дорога,
Справа поле, слева лес,
Солнце палит понемногу,
Пар горячий до небес.

По полудню что шататься.
Ваньке б к рожице свернуть,
Посидеть да отдышаться,
Да студёного хлебнуть.

Хорошо-то как! Криница.
Соловей поёт взахлёб.
Не успел расположиться –
Сверху шишка прямо в лоб.

«Вот ведь... – парень удивился –
В роце ёлок не видать.
Это кто там наловчился
Нашу милость задевать?!

Пораскинул бы умишком –
Вот те жёлудь аль орех...»
Тишина. И снова шишка,
А вдогонку прыснул смех.

По листве как ветер дунул,
Шум скатился в лебеду.
- Эй, да тут никак шалунья?
Выходи, не то найду!

«Не найдёшь! – и по лбу шишкой –
Стой – постой – карман пустой!»

- В третий раз, да это слишком!
Ну, проказница, стой!

Хочешь прятки – будут прятки!
Нам забавы нипочём.
Загребу тебя в охапку –
Не откупишься потом.

«На словах-то все вы хваты, –
Отвечает егоза –
Ты б, касатик, правый лапоть,
До онучи б подвязал!

Что ж ты топчешься как мишка?
Ротозея бы соскрёб!
Получай!» И снова шишкой
Запустила в тёртый лоб.

«Вот ведь девичья забава, –
Ванька сам уже не рад -
Не за теми ли кустами
Притаился супостат?

Где ты прячешься плутовка,
Лесовик тебе не брат?
Вас смекалкой да сноровкой,
Не наскоком надо брать.

Подступить бы незаметно –
Только так, чтоб без помех...»
На ольхе качнулась ветка.
И опять девичий смех.

«Ну, держись!» – пошли горелки.
Салки молодцу под стать.
Он как вьюн, она как белка –
Только косу и видать.

Подвернулся, было, случай,
Ухватился за гребень,
Да запутался в онучах
И башкой в трухлявый пенёк.

- Всё! Убегался Ванюша.
Надоело мне водить.
Коль жених тебе не нужен,
Так и нечего дурить!

Уж немалый труд положен –
Показалась бы, душа.
- Показаться, это можно.
Хороша ли? – Хороша.

Ух, ядрёна! Круглолица.
Медью звончатой коса.
Остроноса как куница,
А глаза-то, а глаза!

Брови беличьей опушкой,
А они как пламя жгут.
Разве ночь бывает гуще?
Окунуться – утонуть.

- Посмотрел, потешил душу,
Оказал девице честь?
А теперь меня послушай,
Да запомни всё, как есть.

Я лесов окрестных стража,
Дочь Задонскому царю.
Ты меня, милоч, уважил.
И тебя я одарю.

Вот верёвочка простая,
Но она не для портков.
Для чего б я навязала
Пять мудрёных узелков?

Коль беда с тобой случится,
Потеряется тропа,
Пожелаешь обратиться
Хоть в султана, хоть в попа –

Взял петельку осторожно,
Только шибко не тяни,
А потом притопнул ножкой
И желание яви.

- А возьму! И вот как стану!
А потом как захочу!
Это, что же, мне, Ивану,
Всяко дело по плечу?!

- Всё не всё. Да ты не смейся,
Поразмыслил бы чуток -

Коль не по сердцу невеста
Так не мил и женишок.

- Как зовут тебя? – Любовой.
- Вот, что, Любушка моя,
Мне советчиков не надо,
Я и сам теперь князья.

Своего ума палата.
С ним и горе – не беда.
«Жаль...» – вздохнула виновато
И пропала без следа.

Глава вторая: ВАНЬКА ВСТАНЬКА

Добру молодцу неймётся,
Коль такой гостинец дан.
Видит, по полю плетётся
Утомлённый караван.

На возах товар уложен
Сороками да в лари,
Скрип колёс – оглохнуть можно,
Верховые впереди.

Все-то в бархатных кафтанах,
С галунами напоказ –
Не иначе в дальних странах
Гостевали в добрый час.

«Эх, - подумалось Ивану
Нам в деревне так не житьь,
Чтоб до самой Ишпагани
Рухлядь знатную возитьь.

А не стать ли мне купчиной
Чтоб добро к рукам прибрать?
Вот ведь славная причина
Первый узел развязать.

Погоди, постой немножко,
Покумекаем чуток.
Как там надо? Топнуть ножкой
И распутать узелок...»

Ничего не изменилось –
Тот же скрип да летний зной.

Только видит – отделился
От почёта верховой.

Плеть ногайскую не прячет,
Не улыбка, а оскал –
Не иначе, сам приказчик
Бить поклоны поскакал.

Взгляд колючий, слог чеканный –
Поприветствовал с коня:
«Будь здоров, Иван Иванов,
Обыскались мы тебя.

Не иначе проглядели.
Шли-то больно далеко.
Все работные при деле.
Ждём веленья твоего».

Тут наш Ванька загордился –
Ванькой был, а стал Иван,
Нахлобучил шапку лисью
И велел готовить стан:

«Всем холопам милость наша,
Коль прошли немалый путь -
Настрогай мясца для каши.
И про водку не забудь.

И сукна вели отмерить
Тем, кто ходит гол и бос.
Ты гляди, я всё проверю!
Кто хозяин? Мой обоз!»

При таком-то при богатстве
Не терять бы головы...
А чернявый рад стараться -
Приказал снимать котлы.

Люд работный строит ужин,
Распечатал винный жбан:
«Коль хозяин удосужил –
Отчего б не выпить нам?

Сам-то барин неспесивый.
За такого и держись!
Благодетелю спасибо!»
И, конечно, набрались.

От хмельного до веселья
Как слеза по рукаву –
Накатались, окосели
И попадали в траву.

Почивать ярыги скоры
Про остроги позабыв.
Да какие там дозоры –
Хмель тревоги упредил.

Сон недолго был в дороге,
Ночь нашла, а он и рад:
Утомились руки-ноги,
Храп такой, хоть бей в набат.

И хозяин в праздной неге,
В жарких яхонтах рука,
Спать взобрался на телегу,
А проснулся от пинка.

Отдышался еле – ели:
«Это, что за круговерть?
Бить меня, да как посмели?!»
А в ответ тугая плеть.

Хорошо-то протянули.
И в придачу не спеша:
«Похозяйничал и буде,
Самоварная душа.

Было ваше – стало наше.
Я кручу, да не шучу.
Да язык-то спрячь подальше,
А не то укорочу!»

«Я...» – Ванюша сполз с подводы,
А в обозе вой и плачь –
Это тот, чернобородый,
Ишь, орудует лихач.

Эх, удача-неудача,
Да и зубы на замок –
Не иначе как приказчик
Ночью татей приволок.

Был ли в сговоре случайном,
Сам ли дело подгадал –

Жили-были без печали,
Да на ровном и упал.

Старший, лёгок на помине,
Ухмыльнулся в долгий ус:
«Проморгал обоз, разиня,
За тебя теперь возьмусь.

Разговор у нас короткий,
Мне рядиться недосуг –
Этих парами в колодки,
А хозяина на сук».

Тут разбойная ватага
Подхватили молодца,
Да не хочется бедняге
На свиданье к праотцам.

Там лягнул, на тех ругнулся,
Где-то сжался как комок,
До косицы дотянулся
И нащупал узелок:

«Обижать себя не стану.
Коль расклад у нас такой –
Быть мне вольным атаманом
Над злодейской голытьбой!

Мне ли петельку на шею?
Я ль себе не господин?
Уж бодаться я сумею,
Хоть и вырос как полынь!

Будут вам и грозны очи,
И разбойничий удел!»
«Ты чего под нос бормочешь?» –
Лихоимец загудел.

Раз – и грозная орава
Откатилась как волна:
«Это, как же, атамана
На берёзу? Ну дела!»

А старшой, лихач чубатый,
Вот ведь выжига какой,
Как ни в чём не виноватый
Плетью щёлкает тугой:

«Что глядите как бараны
На казённую печать?
Развязали атамана
И давай его качать».

Раз, другой и три и десять -
Закружилась голова.
А могли бы и повесить
Как тулуп на раз и два...

Глава третья: ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

«Эх, гультяйское раздолье!
Месяц ножичком блестит.
Хорошо-то жить на воле -
Сам себе и пьян и сыт!

Тёмный лес - кому досада,
А кому родимый дом.
Нам хоромины не надо
Мы и в норах проживём.

Буреломы - наши хаты,
А берлоги - терема,
Чем богаты, тем и рады,
Остальное - трын-трава.

Соберём ночные дани,
Разбежимся по лесам -
Было б что потом дуванить
Да цеплять на пояса!» -

Худо-бедно люд разбойный
Приволок добычу в стан.
По злодейскому закону
Прибыль делит атаман.

Всё добро свалили в кучу,
В круг расселись как один -
Поминают добрый случай,
Ждут, что скажет господин.

«Коли нет у нас иного, -
Держит слово атаман -
Вот вам крест и вот вам слово,
Всё, до денежки, в дуван!»

Тут наш Ванька сдвинув брови,
Он и грозен, он и яр,
На разваленной колоде
Примостился аки царь.

Левый глаз прикрыл ладонью,
Дескать правду видеть рад:
«Вот вам шиворот соболий.
Говори, кому отдать?»

«Федьке!» – тати подсказали.
Шубу отдали Фоме.
А клинок булатной стали
Отписали Бороде.

Штуку шёлка взял Горбатый,
Низку жемчуга – Степан,
А узорчатые латы
Приспособил атаман.

Долго спорили-рядились -
То – тому, а то – ему.
Всё, как будто, поделили,
Да не всё-то по уму.

Вот ведь дикая порода –
Жаден глаз и свет не мил.
И чернявый мутит воду:
«Ванька перстень прихватил!

Яхонт в нём из давней дани,
От азовского паши!»
И кивнул на атамана:
«Ну-ка, пальчик покажи!»

«Ась?!» – Иван упал с коряги,
Искосило парню рот.
«Тать! – раскаркалась ватага –
Вор у вора не крадёт!

Бей-вали, срывай одежду!
Сыромятными вяжи!»
- Это ж мой, из тех, что прежде...
- Ты кому ещё скажи!

Снова Ваньке жару дали:
«В куль, да к рыбам в камышах!»

Да не знали, не гадали –
Грянул выстрел: «Трах-бабах!»

Тати мигом оробели
И никак не взять им в толк:
«Это как же проглядели
Удалой стрелецкий полк?»

Воевода на лошадке
Звонкой сабелькой грозит:
«Обступайте их, ребята!
Кто не сдастся – будет бит!

Я грожу, да не стражаю!
Упреждаю каждый шаг!»
А стрельцы то при пищалях
Да при острых бердышах.

«Делать нечего, – чернявый
Плётку бросил на траву –
Нас побить – немного славы,
В том ни слова не совру.

Чтобы мы, да с нашей голью,
Выходили на царей!?
Это Ванька нас неволил!
Он над прочими злодей!

Мы с ним горюшка хлебнули.
Да терпенью пробил час.
Вот в мешок и завернули,
Не иначе как для вас!»

Князь-боярин рот разинул:
«Этот, меньший всех на треть?»
И велел не без причины
Посадить обоих в клеть.

Прочих татей повязали,
Скарб собрали в семь подвод,
Застучали в барабаны
И отправились в поход.

Утром вышли на дорогу,
Знамя реет на ветру.
Войско грянуло в подмогу
«Во зелёном во бору!»

Под ногами пыль клубится,
Лихо щёлкают кнуты.
Тут уже и до столицы
Остаётся две версты.

Ванька липнет носом к раме,
Потирает битый бок,
А злодей скрипит зубами
И рычит как серый волк.

- Что тебе, милок, неймётся?
Ты б вздремнул хотя бы днём.
Государь-то разберётся,
Он де знает что почём.

А ушкуйник-то смеётся,
На ответ разбойник скор:
«Государь-де разберётся –
Под один пошлёт топор».

- Что ты, милый, бог с тобою,
Я ль с удачей не в ладу?
Мы такое им устроим!
Погоди... сейчас найду...

А чернявый ухмыльнулся,
Не улыбка, а оскал:
«Поиграй-ка мне на гуслиях.
Ты не это ли искал?»

Оробел Иван, ей-богу,
Без верёвочки никак –
На часах дозорный строгий
И за поясом тесак.

А злодей бормочет: «Паря,
Без меня не пропадёшь.
Коль скрываться, так на пару,
А не то прибью как вошь».

В голове-то всё раскисло:
Так и этак – буду бит...
«Эх!» – Ванюша согласился,
А иначе как же быть?

«По рукам? – злодей десницу,
Тянет к Ваньке не спеша –

Не журавлик, так синица,
Окаянная душа.

Знать, расстанемся нескоро.
Извини, коль что не так.
А потом схватил за горло
И взревел: «Держи, ведьмак!»

Глава четвёртая: БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Войско враз остановилось,
В барабаны не стучит:
«Вот не знали, ваша милость,
Как злодеев растащить».

Караульный тычет палкой
И гремит: «Умолкни, тать!
Головы своей не жалко,
Так и нечего орать!»

Гул тревожный по подводам
Прокатился как набат.
Стали кликать воеводу,
А его недолго ждать.

Князь удачи – хват-боярин
Гордо держится в седле.
Он в полковниках недаром –
Уважение в Кремле.

Очи грозные как тени,
На усах полынный мёд –
Не по царскому велению
Службу ратную несёт.

Часовой за всё в ответе,
Он ни слова не соврёт:
«Учинил побои этот.
А ведьмак, пожалуй, тот».

«Так, – вздыхает воевода,
Комара ладонью хлоп –
Что-то тягостно сегодня,
Время каяться, холоп».

«Что мне каяться, ей богу, –
Ванька дышит горячо –

Не поладили немного,
Только, я тут не при чём.

Сотоварищ мой негодный,
Уж под хвост ему вожжа,
По разбойничьей природе
Подбивал меня бежать.

Я, конечно, ни в какую –
Мне злодейский мир не мил.
Ну, а он взревел и с дуру,
Кулачищем засветил».

«Врешь ты всё! – неймётся татю –
Расскажу как по себе:
У него шнурок припрятан
С узелками на волшбе!

Я догадлив на лукавство.
Распознал его в пути.
Ванька нынче похвалялся
Мор на войско навести!

Ссыплет зелье караулу,
Чай, отравы не вода...»
«Чур меня! – боярин сплкнул –
Вот ведь пакость, господа...

Ну, и где подвязка эта?
Ты матёр, хоть ростом мал...»
Бородач пошарил в клетке:
«Вот, насилу отыскал».

Взяв верёвочку несмело
И прощупав узелки,
Князь-боярин молвил: «Дело,
Только как его свести...»

Долго думал воевода,
Потирая сизый нос:
«И какие наши годы?
Али я и не дорос?

Посидеть бы на престоле.
Чай, под шапочкой не плешь.
От чего бы не устроить
Этот, как его, мятеж...

Слышь, ведьмак, коль песня спета –
Научи как быть с тесьмой.
Ну, а я тебе за это...
Просто голову долой».

«Так и быть, – Иван согласен –
Коль попал как кур во щи...
Ты мне, князь, столетний яшень,
Битый молнией, сыщи.

Две свечи, да хвост совиный
И растоптанный сапог,
Полведра зелёной тины
И с могилы синий мох.

Что ещё... С латынью книжка.
Чарка медная. Коза.
Вот ещё, еловых шишек
На ошейник навязать».

- Сколько шишек то? – Тринадцать.
«Что?! – ушкуйник вновь вопит –
Ой, не верьте Ваньке, братцы!
Он вам головы дурит!

Где ж тут взять с латынью книжку?!
Днём ночных не словишь птиц!
Пораскиньте-ка умишком!»
Но велел боярин: «Цыц!»

Верховые поскакали,
Все объездили пути –
Всё, что надо отыскали,
Даже книжку принесли.

Яшень, мох, сапог в гармошку,
Чарка медная, коза,
Перьев резаных немножко –
Всё как Ванька наказал.

Тут ещё собрали шишек.
Барин все пересчитал.
Как бы с кем чего не вышло –
Полк подальше отослал.

Сам при взвѣденной пищали
Пальцем давит на курок:

«Не проси потом пощады
Я на жалость не ходок».

Два служивых в карауле –
Старший грозен, младший лих.
Кабы кто бежать не вздумал
Сабли вынуты у них.

«Что ж, начнём...» – Иван доволен,
От волшбы невольной взмок,
Так не так обряд исполнил
И распутал узелок.

И с чела десницей потной
Все печали отмахнув,
По земле ногой притопнул
И служивым подмигнул.

В тот же миг чернобородый,
Был ли он когда не зол,
Головою бух в колоду
И заблеял как козёл.

И полковник, милость наша,
Пыл бунтарский растерял
И рванул куда подальше
Через пролесок и яр.

А стрельцы-то сразу в ноги,
Взвыли голосом грудным:
«Ты наш князь и воевода,
За тобою, хоть на Крым!

Мы тут Бороду ловили
По полям да по лесам.
Ан, гляди, дружочек милой
Заявился нынче сам.

Заковать его в железо?»
А Ванюше татя жаль:
«С ним возиться бесполезно –
Дурачков не судит царь.

Он теперь пустое место,
С головою не силён –
Не иначе за злодейство
Полоумьем награждён.

А теперь идём в столицу
Прямо к царскому двору.
Ну-ка, кто там голосистый,
«Во зелёном во бору!»

Глава четвёртая: ИЗ КНЯЗИ ДА В ГРЯЗИ

Далеко ли до столицы
Служба знает наперёд.
Обозначены границы –
Верстовым столбам почёт.

Пятый – конная застава,
Молот в кузнице звенит.
На четвёртом – принять вправо,
Третий к мытарю велит.

Государева рогатка
Счёт приезжему ведёт,
Чтобы кто с бубновой латкой
Не посмел мутить народ.

На втором – встречаются хвататы,
Постоялые дворы.
А потом пошли палаты
От низов и до горы.

Каждый занят честным делом –
Делом город и живёт.
И над всем его пределом
Звон малиновый плывёт.

И вещает царству славу,
Видно жребий наш неплох.
Вот как сложена держава –
Тут и царь тебе, и бог.

Задрожали мостовые
Под стрелецким сапогом –
Вот вам улицы родные
С доброй вестью в каждый дом.

Слобода гудит как улей.
Девки жмутся у крыльца.
Поп-расстрига - дядька шумный
Треплет за ухо мальчика.

Бабы в шёлковых платочках.
Ребяшня гостинцев ждёт.
И на новости охочий
Собирается народ.

Приосанился Ванюша,
Огонёк в глазу горит:
«Православные, послушай,
Воевода говорит!

Иванов Иван Иванович
На разбойников сходил.
Тридцать вёрст отмерял за ночь,
Но злодейство упредил.

Проявил в бою отвагу,
Дал ушкуйникам урок.
Татей целую ватагу
На аркане приволок!

Вражий стан перелопатил,
Всё нечестное собрал.
Мне б кваску за подвиг ратный,
Я б поболе рассказал!»

Квасу тут же притащили:
«Пей, родимый, говори
Как вы недругов побили
На разъезде у Твери».

Наш полковник улыбнулся:
«И какой я молодец».
Да на слове поперхнулся –
От царя примчал гонец.

Вот и грамотка с печатью.
И с чела горячий пот.
Дьяк прочёл её и крякнул:
«Государь к обеду ждёт!»

Тишина вокруг повисла.
Ружья сдали в арсенал,
А Иван перекрестился
Влез в седло и поскакал.

Красный двор – одни бояре,
Тот широк, а этот крут.

При дородности – недаром
Калачи свои жуют.

Вот уж где умов палата!
Каждый отчиной спесив.
Сапоги в узорном злате.
Бородаты – нету сил!

В жарких шубах еле дышат,
В нос бормочут: «Ой, сгорю».
Кто горлатной шапкой выше –
Тот и ближе всех к царю.

Сам-то в бармах на крылечке,
Шапка – перлами шитьё.
А на пальчике колечко
Не иначе как... моё.

Вот уж Ванькино смущенье:
«Яхонт тот али не тот?
В голове ли помутненье,
Или всё наоборот.

На сомненье хватит дури.
Или он такой один?»
Тут его и подтолкнули:
«Падай в ноги, пёсий сын!»

Государь сидит на троне
Взгляд по-прежнему суров:
«Любопытная персона
Воевода Иванов.

С чем пожаловал, Ивашка?
Много ль татей нарубил?
Я слышал, была промашка
Там, куда вечор ходил?

Караван наш беспризорный
В полной целости добыл?
Всё ли сдал в Приказ Разбойный?
Ничего не утаил?»

Хват-полковник отвечает
Государю не таясь:
«Вот те на! А я не чаял
Что за службу носом в грязь.

Брать чужое не годится.
Я не польская Литва.
Семь возов пригнал в столицу!»
- А куда девались два?

Ты у нас, Ивашка, воин.
Княжий чин тебе под стать.
Но тобой я не доволен.
Али есть чего скрывать?

Тут Ивану дурно стало:
«Обвинить меня и в чём?
Далеко ли до опалы
И до плахи с топором?

Или бес царя попутал,
Али я чего не смог?
И не зря ли я распутал
Злополучный узелок?

Как меня при всём народе!
Чем я кривду заслужил?»
Тут и дьяк чернородый
Тихо сзади подступил:

«Со свиданьем, Ванюша,
Вижу, встрече ты не рад.
Присмотрись ко мне получше –
Там где ладно, там и клад.

Не терзай сомнением душу
И себе не навреди.
Как бы не было бы хуже?
То ли будет впереди.

Мой совет: на первый случай
Государю поклонись,
Не гляди на думских тучей,
Было не было – винись.

Ничему не удивляйся.
Тот силён, кто трижды бит.
И за перстень не цепляйся –
Не тебе его носить.

Мы цепи единой звенья,
Остальное просто дым.

А о прочих приключеньях
Мы ещё поговорим».

Глава пятая: БЕДА В ЕРМОЛКЕ

Служба царская в почёте,
Да почёт не чует ног –
За служилые заботы
Звон кандалный да острог.

Третий день душа томится:
Хлеб тюремный нехорош –
Лещ солёный без водицы,
Да и тот не угрызёшь.

Разбирательство нескоро.
В чём Ванюша виноват?
Эх, ему бы дать бы дёру,
Только не с чем убежать.

Что тут думать о свободе
В крепкой каменной норе –
Всё забрал чернобородый.
И отколь он при дворе?

«Вот и я, дружок Ванюша, –
Ключ как ржавчина в замке –
Что ж ты рыбки не откушал,
Али дело в рыбаке?

Ты, дружок, не упрямясь
И судьбину не кори –
Привыкай к царёвым яствам
И за всё благодари».

«Я премного благодарен, –
Ванька голос подаёт –
Но, скажи мне, князь-боярин,
Это чей-же здесь приход?

Сам как будто при печати,
Обряжаешься хлыщом...
Кто ты? Вор али приказчик?
Али кто-нибудь ещё?»

Распахнул разбойный двери,
В клетку втиснулся бочком:

«Я, мил друг, всегда при деле,
И не важно при каком.

Много нас, чернобородых,
Всех считать – не сосчитать.
Такова у нас природа
Днём – в приказе, ночью – тать.

Не сыскать судьбины лучше –
Всем угодны и нужны.
А теперь меня послушай
И по правде Расскажи.

Как верёвочкою этой
Ты берёшь над миром власть?
Мне до прочих дела нету,
Самому б наесться всласть.

Повинись как перед богом,
Прояви, Ванюша, прыть,
Чтобы мне с твоей подмогой
В венценосцы угодить.

Ах, как хочется почёта!
Чтоб в глазах у подлых страх!
Чтобы настезь все ворота,
Даже те, что в тайниках.

Чтоб хвалили без умолку,
Чтобы бороды в пыли
И покорные головки
Нагибались до земли.

Кабы мне заморским принцем
Объявиться при дворе –
Я б, Ванюша, смог жениться
На царёвой на сестре.

Покатался бы в карете,
Ананасов бы вкусил.
Государь-то наш бездетный,
Я б его и подменил.

- Ладно сказываешь, барин,
Про неладные дела...
- Вот и кормимся недаром
От державного стола.

Всяко дело да случится,
Коль с умением повести.
Я б за то тебе водицы
Приказал бы принести.

- Пить охота, сделай милость.
Мне хоть целый водоём.
На ковше и сговорились,
Только каждый о своём.

В нужный день замок скрипучий
Отпирается ключом.
Ваньку бедного под ручки
И на улицу тайком.

А народ бурлит как в чане.
Всем наказ особый дан:
«Нынче царь послов встречает
Из заморских дальних стран.

Дворовым подняться рано,
Переулки подмести!
Девкам в новых сарафанах
Русы косы заплести!

Старикам забыть зевоту,
Улыбаться что есть сил
И ответствовать свободно
Кто о чём бы не спросил!»

Град столичный пышет медью.
Негде яблоку упасть.
Вот уже и гости едут,
Как всегда не торопясь.

Кони искры высекают
По булыжной мостовой,
Трубы зычные играют,
На часах кремлёвских бой.

Государь в почёте важном,
Рынды выстроились в ряд –
Уж уважил, так уважил,
Все как маковки горят.

Пушкари на карауле,
Ждут когда прикажут «пли».

Тут Ивану и шепнули,
Дескать, действуй, не тяни.

«Эх, верёвочка витая
Да заветный узелок... –
Ванька сам теперь не знает,
Что бы он придумать смог –

Сотворит беду – повесят,
Не сумеет – срубят с плеч...
Как тут чудо накудесить
И себя-то уберечь?»

«Не тяни...» – бормочут справа,
Слева цедят: «Не тяни...»
- Погибать – так не задаром,
Будь, что сбудется – лови!

Залп как грянул! Как качнуло!
Как ударило под дых!
Тех, троих, как ветром сдуло,
А потом и ветер стих.

Трубы знатные умолкли,
А в толпе смущенья гам:
«Это кто же там в ермолке
Из кареты вышел к нам?»

Как цыганка разукрашен,
И гогочет аки гусь.
С виду, кажется из наших,
А манерами – француз.

Весь заштопанный, зашитый,
Гладколицый как мадам.
А портки то, а портки-то –
Снизу вздорно, сверху срам!

Самодержец рот разинул
И прошёлся по чинам:
«За такую образину
Я сестрицу не отдам!»

А посол в привычной моде,
Он к отказам не привык,
Да при всём честном народе
Взял и вывалил язык.

Глава шестая: ГОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ

«Ой, беда! – гудит столица –
Политический скандал!
Наш коварной за границе
Царский кукиш показал!

По закону и неплохо,
Так случалось в старину.
Но бесштаный тот пройдоха
Не объявит ли войну?

При заморском вероломстве
Знать бы что и как пойдёт.
Нынче сам сидит в посольстве
И икру от злости жрёт.

И пыхтит над самоваром
И ноздрей пускает пар,
Да грозит пожечь пожаром
Всех зареченских бояр».

«Вот ведь, как оно бывает, –
Ванька сам себе не рад –
Выбирал дорогу к раю,
А тропу протопал в ад.

Сотворил я непогоду,
То-то будет впереди.
Но зато чернобородый
Сгинул, чёрт его дери.

Как с послом-то разобраться –
Вот задачка из задач?
Нет согласия у царства
Да на свадебный калач.

Аль кафтан не по фасону,
Аль жених царю не мил,
Али я с его пардоном
Узелками подкузьмил?

Государь, конечно, грозен
За сестру стоит стеной,
А она цветёт как роза
В полушалке золотой.

И вздыхает часто-часто,
Но признаться ей невмочь,
Что давно уже согласна
Убежать с любимым в ночь.

Коль приданое готово –
Отчего б не пировать?
Эх, французик бестолковый,
Как бы мне тебя сыскать...»

А в посольстве точат шпаги,
Все дела наперекор,
Жгут с печатями бумаги,
Окна-двери на запор.

Никому не открывают,
Путевых не выдают,
На вопросы отвечают:
«Скоро нас не будет тут».

Поглядел Иван, послушал
И в сторонку отошёл:
«К ним подход особый нужен –
Не медведем, а ужом.

Постучишь – прогонят палкой,
Влезть в трубу – намнут бока.
Эх, мужицкая смекалка,
Как тут быть без узелка?

Я бы в нём не сомневался,
Но получится - как знать.
Там всего один остался,
Жалко пятый распускать...

Дело мастера боится.
Коли всё у них не так -
Приоденусь я под принца» -
Снял и вывернул армяк,

Подвернул портки повыше,
Лапти в дёготь обмакнул,
На щеке намазал прыщик
И ногою в двери пнул.

«Ви!» – посол щелкнул перстами,
Понимает, дескать, свой,

Не толкайся между нами,
Проходи, садись, не стой.

«Ви да ви. Да, что тут викать! –
Ванька рывкнул сгоряча –
Тут такая закавыка...
Не позвать ли толмача?»

«О! – француз блеснул очами -
Наш язык всему венец!
Ви посредник, понимаем,
Этот как его, гонец?»

Ви о чём меня просили
Битый час поговорить?
О каких-нибудь кадрилиях
Или как нам дальше бить?»

«Бить не бить, – сопит Ванюша –
Коли бить, так по мордам.
Ты бы мне поведал лучше
Для чего приехал к нам?»

- Я сюда хотел жениться,
Ваш девица – хорошо.
В новый платье нарядиться,
Весь подстричься под горшок.

Запрягать коня в карету
И поехать на парад.
Только модный наш приветик
Царь ваш батюшка не рад.

Кто наш образ оскандалил?
Это даже не вопрос.
Мы им повод не давали
Пальцы складывать под нос.

- Понимаю, друг сердечный.
Всё не этак и не так.
Почему, отвечу честно,
Потому, что сам дурак.

От того везде печали,
Что обычай наш непрост.
Ты бы мне хотя бы чаю
Для беседы преподнёс.

«Ви» – посол слегка прищёлкнул,
Приказал собрать на стол.
- Так-то будет больше толку.
Продолжаем разговор.

Взять, хотя бы, вашу моду.
Я за плундры не корю.
Только здесь в таком не ходят.
И тем более к царю.

Что с кафтаном приключилось?
Понимаю, что не фрак.
Но одел, так сделай милость –
Не кривляйся на зевак.

- Что ещё? – Теперь о бабах.
Девки любят мужиков.
Не в жабо царевич-жабу,
И не эльфа среди цветов.

Ты б сходил, родимый, в баньку,
Пудру с лаками отмыл,
Взял какую балалайку,
Серенаду сочинил.

- Серенаду? – Серенаду.
Им без этого не жить.
Нашим девкам очень надо
О сердечном говорить.

Им молчанье наше страшно,
Должен я тебе сказать –
От того то все Наташки
В темну ноченьку не спят.

А услышав романсеро,
Даже мужняя жена,
Что б к такому кавалеру
И не прыгнула с окна?!

«Ви» – посол нашёл гитару,
Пробежался по ладам
И с Иванушкой на пару
Поспешил влюблять мадам.

Глава седьмая: У КАЖДОГО СВОЯ ШАПКА

Ночь под крышами томится –
Спят не в каждом терему.
Только стражи чтят столицу,
Охраняют тишину.

Кто с ноги, а кто на кляче
Ходят-бродят наугад
Да орут по передаче:
«Буде славен стольный град!»

Вот и царские палаты.
Мелом белена стена.
Над коньком замысловатым
Сердобольная луна.

Вдоль по краюшку свеченье
Золотистую волной –
О любовных приключеньях
Всё-то ведомо родной.

«До-ми-соль» – струна всплакнула
Про амурные дела.
Тут бы грозным караулам
Появиться из темна.

Но зачем им торопиться
Повышая гневный бас –
Каждый пел своей девице
По весне как в первый раз.

Только сладкие напевы
Долетели до окон –
Ставни тотчас заскрипели
И княжна вздохнула: «Он!»

«Он! – посол забыл музыку
И напевы о любви,
Покраснел как земляника
И едва промолвил – Ви!

Я сгорать от нетерпенья,
Я не спать и ночь и день».
Тут Иван из уваженья
Отступил подальше в тень.

Дескать, пусть себе воркуют
Да заглядывают вдаль,
Лишь бы только не впустую,
Чтобы сладились как в старь.

Полюбовные страданья
Не секреты для двоих –
Кто-то там из дальней спальни
Да подслушивает их.

«Это что же за детина
В нос пыхтит как пономарь?
Ой... – Ванюша рот разинул –
Третий лишний – государь».

Царь не долго отпирался,
Занавесочку прибрал:
«Кто жениться зарекался
И о свадьбе не мечтал?

Ви да ви... Уже полночи
Процелкали «соловьи».
Полно головы морочить
Сколько можно ваших «ви»?

Мне давно всё стало ясно,
Но желаю слышать вас.
- Я любить! – И я согласна.
- Вот и ладно. В добрый час!

Как наутро вся столица
Загудела словно рой:
«Царь на свадьбу согласился,
Все сомнения долой!

Уж просватана невеста,
Так в слободке говорят!

Пир горой! Месите тесто!
Запекайте поросят!»

И в посольстве суматоха:
Ладят праздничный салют,
Пауков снимают с окон,
Пригласительные шлют.

Принц заморский на диване:
Ворот, бархатный колет,
Чаркой чествует Ивана
Как героя давних лет:

«Я в субботу станет мужем,
Будет кушать ваш салат.
И хотеть тебя, Ванюша,
На венчанье приглашать»

.
Но Иван иного мненья,
Просит взять слова назад:
«Уж мерси за уваженье,
Только должен отказать.

Мне блинов с тобой не лопать
И за царский стол не сесть –
В теремах не чтут холопов
И тебе какая честь.

А ещё хочу добавить
Мне твоё свиданье впрок.
И прошу принять на память
Этот малый узелок.

Он, конечно, не кобыла.
В нём особенный искус –
Вспоминай о том, что было
И наматывай на ус».

«Память? Ви!» – посол доволен.
Вновь Ванюша налегке.
Справа – лес, налево – поле,
Отчий дом недалеке.

Роща, в травах шум зелёный.
Ключ прохладой силён.
Пар клубится над затоном.
По степи кудрявый лён.

Солнце звонкою монетой.
Всё по делу, по уму.
«Есть ли кто в покое этом?
Эй, хозяйюшка, ау!

Никого. Хотя бы эхом
Отозвалась из глуши.
Не за этим ли орехом
Посмеялась от души.

Вот ведь, глупая мыслишка –
Я лесной царевне люб.
Но с чего бы это шишкой
По башке бедовой бьют?

Знать обидел я царевну
Коль не вышла на поклон.
Перед ней хоть на коленях
До скончания времён.

Слышь-ка, Любушка-Любава,
Вот что я тебе скажу –
За тебя, не ради славы,
Я и голову сложу.

Был я вором и купчишкой,
Воеводой и гонцом.
Где-то храбрым был не слишком,
Но остался молодцом.

Написать об этом книжку,
Ничего не утая,
Как простой еловой шишкой
Ты подранила меня.

Где найти такие силы,
Чтобы раны залечить?

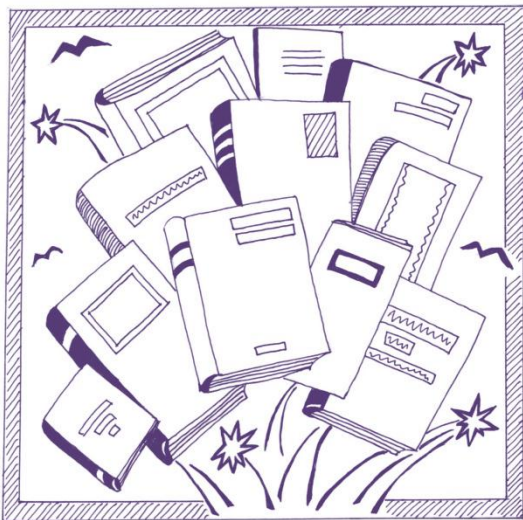
Хорошо ты приложила -
Никогда не отболит.

Нынче спорить бесполезно,
Но усвоил я урок:
Коль не по сердцу невеста –
Так не мил и женишок.

Всё, что высказала – верно.
За науку – исполать» –
И пошёл Иван в деревню
Шишкой битый лоб чесать.

Хорошо ли, али плохо –
Только сказка без колец.
Утомились скоморохи.
И верёвочке конец.

СОБЫТІЯ

ПЕРВОЕ СОРОКАЛЕТИЕ КЛФ «КОНТАКТ»

Горловский клуб любителей фантастики «Контакт» был создан в январе 1982 года несколькими энтузиастами, трое из которых потом стали координаторами клуба. Время было советское, фантастики было мало, народ собирался где-то на рынках, чтобы покупать книги и обмениваться дефицитной литературой. Городские любители фантастики и так знали друг друга в лицо, но теперь они решили ещё и обсуждать новинки литературы и кино. А заодно рассказывать об этом молодёжи, если молодёжью можно назвать детей школьного возраста, которые робко входили в зал библиотеки им. Шевченко (где проходили тогда заседания клуба), косились на собравшихся взрослых и говорили, что они хотят к фантастам. Это потом Виктор Черник с помощью тогда ещё совсем юного Юрия Шевченко (более известного в городе как просто «Вирус») организовал для них секцию «Инфант». Именно в секции «Инфант» дети и подростки знакомились с основами компьютер-

ной грамотности, учились создавать на компьютере свои миры, а потом заканчивали вузы и становились программистами. Сейчас многие из них работают в сфере компьютерных технологий, и приобщились они впервые к этому именно в КЛФ «Контакт».

Ещё молодёжь охотно махала мечами в секции ролевых игр, которая появилась после того, как горловская переводчица Валерия Александровна Маторина перевела на русский язык книгу Р. Толкина «Властелин колец». В клубе ходил по рукам машинописный перевод с бледными оттисками последнего экземпляра, а сама переводчица успела съездить в Сибирь на первые ролевые игры по Толкину и привезла оттуда эту страсть. Работники библиотеки с ужасом сгоняли с крыши первого этажа пристройки наших мальчишек, у которых чесались руки не только устроить на крыше турнир по фехтованию, но ещё и чем-нибудь громко бабахнуть.

А взрослые занимались фотографией и живописью, устраивали выставки своих работ. Горловская художница-фантаст Елена Кулинич стала известна далеко за пределами города. Репродукции её картин печатались в республиканских журналах, картина «Лёд» попала на обложку сборника «Молодой Гвардии». Картина «Аэли-та» — одна из самых известных работ Елены Алексеевны — долгое время была как бы её визитной карточкой.

Ну, и, конечно же, при клубе существовала литературная секция, которую вела все та же Елена Кулинич — редактор клубного альманаха, который выходил ежегодно в количестве аж четырёх экземпляров машинописного текста, и представлял собой весьма увесистый кирпич. Повести рассказы, стихи, фотографии — вот содержание тогдашнего клубного альманаха. Именно с этого альманаха начались поездки клубных авторов (В. Забирко, Е. Кулинич, А. Болото и других) на Всесоюзные семинары молодых писателей-фантастов в Малеевку, Дубулты, Днепропетровск, Ялту, публикации в сборниках издательства «Молодая гвардия». Словом, нормальная работа.

Литераторы КЛФ «Контакт» сотрудничали с городским молодёжным театром «Юность». По пьесам клубных авторов были поставлены три пьесы в «Юности» и одна в детском театре при КСКЦ «Стирол».

Прошло время. Рухнул СССР, разметав по городам и странам одноклубников, но клуб продолжал существовать. Виктор Черник

все ещё удерживал его на плаву. В 1998 году литературная секция пыталась возобновить издание клубного альманаха, но вышел только один номер. Жизнь становилась все сложнее, все, кто мог уехать, уезжали. Клуб давно покинул городскую библиотеку, на какое-то время его приютил городской центр по делам молодежи. Подросли «инфантовцы», окончили учебные заведения, разлетелись. Дольше всех продержалась секция «Вторая Академия», в которой собирались уже не любители фантастики, а любители науки и творчества. Горловские барды сделались завсегдатаями клуба, потому что тоже хотели интеллектуального общения. Группа единомышленников упорно продолжала собираться.

КЛФ «Контакт» отметил вначале двадцатилетие, а потом в 2012 году — тридцатилетие своей деятельности. Вскоре начались события 2014 года, и многие одноклубники вынуждены были покинуть Горловку, в том числе и Виктор Черник, который тогда перебрался в Россию.

В тот момент руководство КЛФ «Контакт» на себя принял Альберт Бояджян. На какое-то время помещение, где можно было собираться, предоставила библиотека для юношества г. Горловки.

Изменилась направленность клубной деятельности. КЛФ «Контакт-2» взял курс на развитие творческого воображения и изобретательство. Литературная секция переключилась на издание электронной газеты «Квадрат времени», которая выходила с 2012 по 2021 год. Газета в шуточной форме «обкатывала» различные научные и околонучные идеи, пропагандировала изобретательство и ТРИЗ.

В 2022 году началось СВО. Кто-то оказался на фронте, кому-то стало не до клуба, кто-то тяжело заболел. Очные встречи клуба прекратились, хотя люди все ещё продолжали перезваниваться. В 2022 — 2024 годах ушли из жизни несколько самых активных участников КЛФ.

В 2024 году горловскому клубу любителей фантастики «Контакт» исполнилось 42 года. Самое время подвести итоги и наметить планы на будущее!

ПОЛОЖЕНИЕ
об открытом конкурсе 12-го Международного
литературного фестиваля «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2025»

1. Открытый заочный конкурс 12-го Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2025» (далее по тексту — Конкурс) проводится в соответствии с данным Положением в целях выявления и поддержки, популяризации творчества и имён наиболее талантливых, ярких, перспективных авторов, создающих художественную литературу на русском языке, а также переводчиков художественного перевода с русского и (или) на русский языки.

2. Конкурс 12-го Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2025» проводится в рамках данного фестиваля с 1 января по 15 апреля 2025 года в следующих номинациях:

- «Поэзия. Свободная тематика»;
- «Этот День Победы порохом пропах» (дополнительная поэтическая номинация к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне);
- «Малая проза. Свободная тематика»;
- «Художественный перевод. Поэзия»;
- «Драматургия».

По решению Оргкомитета (Исполнительной дирекции) Конкурса сроки его проведения могут быть изменены.

3. На Конкурс могут быть выдвинуты только те произведения, жанр и содержание которых соответствуют конкурсным номинациям.

4. В Конкурсе может принимать участие любой автор старше 18 лет (а с согласия родителей, усыновителей/удочерителей или по-

печителей — старше 16 лет) вне зависимости от места жительства, возраста, пола, профессии, национальности и т.п., согласный с условиями настоящего Положения и их исполняющий.

5. Правом выдвижения работ на Конкурс обладают Учредитель и Соучредители фестиваля и их организационные структуры, а также издательства, редакции литературных СМИ, иные писательские союзы и ассоциации писателей, их структурные подразделения, филологические факультеты вузов. Члены общегосударственных творческих союзов писателей обладают и правом самовыдвижения. С авторов, не являющихся членами писательских союзов и объединений, при самовыдвижении своих произведений Оргкомитетом (или Исполнительной дирекцией) фестиваля может взиматься специальный сбор в размере, определяемом этой структурой.

6. Допускается представление работ в соавторстве, в этом случае в заявке необходимо указывать контактные данные всех соавторов произведения.

7. Допустимо представление работ под псевдонимами, чья принадлежность автору подтверждена документально (представление подтверждающих принадлежность псевдонима автору документов в этом случае обязательно). При этом в регистрационном листе участников конкурса (в т.ч. на официальном сайте фестиваля), а также в наградных документах и в итоговом альманахе наряду с псевдонимом публикуются и настоящие ФИО автора. Не допускается использование в качестве псевдонима имён реально существующих лиц.

8. На Конкурс не принимаются произведения:

- пропагандирующие политическую, религиозную и иного рода нетерпимость (вражду);
- содержащие призывы к национальной розни и расовой дискриминации;
- содержащие ненормативную лексику;
- нарушающие авторское право;
- произведения, публикация которых запрещена в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь;
- произведения, подписанные творческими псевдонимами (за исключением тех случаев, когда творческий псевдоним автора до объявления конкурса уже был зафиксирован на страницах бумажных литературных изданий, имеющих ISBN: журналов, альманахов, книг и сборников (см. образец ЗАЯВКИ участника Конкурса)) не подтверждёнными документально.

9. Требования к предоставляемым на конкурс художественным произведениям:

— Номинация «Поэзия. Свободная тематика»: предмет номинации: поэтические произведения любых направлений и жанров. Одна конкурсная работа — максимально три произведения, общим объёмом — не более 100 строк;

— Дополнительная поэтическая номинация «Этот День Победы порохов пропах» (дополнительная поэтическая номинация к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): требования те же, что и к номинации «Поэзия. Свободная тематика»;

— Номинация «Малая проза. Свободная тематика»: объём произведения до 15 000 знаков (без пробелов). Одна конкурсная работа — одно произведение;

— Номинация «Художественный перевод. Поэзия». Перевод стихотворного произведения с любого иностранного языка на русский и наоборот. Требования по объёму те же, что и к номинации «Поэзия. Свободная тематика». К каждому переводу должны прилагаться оригинальный текст и подстрочник с обязательным указанием автора переводимого произведения. Одна конкурсная работа — максимально три произведения;

— Номинация «Драматургия»: требования по объёму те же, что и к номинации «Малая проза. Свободная тематика». Предоставляются один (любой) акт пьесы и краткое содержание остальных актов или мини-пьеса (общим объёмом до 15 000 знаков (без пробелов)). Одна конкурсная работа — одно произведение.

10. Произведения принимаются только в виде приложения в электронном виде (в виде файла формата Microsoft Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, интервал между строками прозы — 1 («без интервала»), между стихами — 1,5 («обычный»)). Текст должен содержать имя автора (псевдоним) и название произведения. Перед произведениями обязательно должна быть указана номинация. Все произведения должны иметь указание на год их создания. Все материалы нужно присылать в электронном виде на e-mail: slavlifafest@tut.by и обязательно продублировать на e-mail: slavlira@mail.ru.

11. В теме письма должно быть указано:

Заявка на участие в МЛФ «Славянская лира-2025», в теле письма:

— фамилия, имя, отчество автора. Письмо должно содержать ТРИ прикрепленных файла-приложения: — заполненную заявку; — фото участника в расширении .jpg или .tif размером не менее 300 Кб;

— произведения (с указанием названий номинаций перед текстами).

12. Информация об участниках Конкурса будет размещаться на сайте фестиваля по мере поступления произведений. Сами произведения конкурсантов вывешиваются на сайте только после подведения итогов. Отправка заявки конкурсантом предполагает обязательное указание в регистрационном списке на сайте фестиваля не только псевдонима, но и фамилии, имени, отчества заявителя, а также публикация их в итоговом сборнике фестиваля (если он предполагается к выпуску).

13. Произведения, написанные в жанрах, не соответствующих номинациям конкурса, на Конкурс не принимаются и не регистрируются Оргкомитетом. Произведения неправильно оформленные, и объем которых не соответствует условиям Конкурса, изложенным в данном Положении, не регистрируются и не рассматриваются Оргкомитетом. Один автор может принимать участие не более, чем в трёх номинациях конкурса. Оргкомитет не берет на себя функции отбора для представления на Конкурс определённого Положением количества и объёма из множества присланных произведений. Авторы, представляющие большее количество творческих работ по одной номинации, не регистрируются Оргкомитетом к участию в Конкурсе (либо в присланных материалах отсекаются все произведения, превышающие указанный в настоящем Положении количество, объём; либо любая номинация сверх трёх, на усмотрение Оргкомитета). Не допускается одновременное участие одного и того же произведения в разных номинациях. Представляемые произведения в Конкурсе должны участвовать впервые. Оргкомитет не вступает с авторами в дискуссию относительно предоставления на Конкурс текстов. Оргкомитет не рецензирует присланные работы и не пересылает в белорусские, российские или иные издательства, СМИ с рекомендацией к изданию или публикации.

14. Члены международного Жюри оценивают каждое произведение по десятибалльной шкале (от 1 до 10) и передают свои оценки, выставленные в специальных бланках, в Оргкомитет Конкурса в сроки, оговоренные в регламенте работы Жюри. На основании среднеарифметической суммы баллов (с двумя знаками после запятой), которую наберет каждое произведение после выставления оценок всеми членами жюри, Оргкомитет формирует «длинный список» (или т.н. «лонг-лист»), а затем – «короткий список» (или т.н. «шорт-лист») финалистов Конкурса, из которого затем и будут выбраны авторы и произведения, победившие в каждой номинации. Оценка текстов на всех этапах проходит анонимно...

15. Призовыми являются первое, второе и третье места в каждой номинации. Победители конкурса, занявшие 1, 2 и 3 места, награждаются подарками. Победители конкурса оглашаются в рамках фестиваля «Славянская лира» по результатам итогового заседания Жюри исключительно из числа финалистов, прибывших на данное мероприятие. Все победители, а также прибывшие на фестиваль финалисты награждаются дипломами фестиваля, их произведения могут быть опубликованы (озвучены) в средствах массовой информации, выступающих медиа-партнёрами фестиваля на действующих в этих СМИ и интернет-ресурсах условиях. Дополнительными призы и награды для финалистов могут быть учреждены партнёрами, спонсорами, иными заинтересованными в этом организациями или лицами.

17. Победители прошлого года, награждённые за первое место в существующих номинациях, принимать участие в данных номинациях в текущем году не могут. Подача заявки на участие в фестивале означает полное и безусловное принятие правил данного Положения и подтверждение приезда на фестиваль.

18. Предварительные итоги Конкурса во всех номинациях (списки полуфиналистов и финалистов) обнародуются путём публикации на официальном сайте фестиваля с 01.05.2025 г. и могут быть продублированы на страницах его медиа-партнёров. Списки победителей во всех номинациях, в т.ч. по решению зрителей, — после проведения фестиваля. Награждение победителей и финалистов во всех номинациях осуществляется в рамках церемонии закрытия фестиваля.

19. Организация-распорядитель и соорганизаторы, Жюри, Оргкомитет, Исполнительная дирекция фестиваля не несут ответственности за достоверность авторства работ, ответственность несёт лицо, приславшее заявку и произведения на Конкурс. Конкурсные произведения не возвращаются и не рецензируются.

20. Организация-распорядитель (Учредитель) фестиваля оставляет за собой право на использование полученных произведений, распространение, издание и переиздания целого произведения или его части в печатных (в т.ч. в итоговом альманахе фестиваля) и электронных изданиях, средствах массовой информации, на сайте фестиваля и сайтах его медиа-партнёров, в выставочной деятельности. При этом авторы-заявители не претендуют на выплату авторского вознаграждения (гонорара).

**«Пять стихий» литературно-художественное издание.
Журнал не является коммерческим проектом.
Издание безгонорарное.**

Корректор – А. Я. Чайка
Художник – Г. Н. Иванова

*Адрес редакции журнала: 284646
Донецкая Народная Республика,
г. Горловка-46, ул. Пушкинская – 57/48,*

12+ *В соответствии с законом «О средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.*

Материалы принимаются после положительного решения редколлегии. Редакция имеет право отказать автору без указания причин, и не вступая в переписку.

Редакция допускает самостоятельное изготовление бумажного варианта журнала по макету, предоставленного авторам в PDF формате, при условии, что самостоятельно изготовленные экземпляры будут соответствующего качества.

Подписано к выпуску 27.01.2025 г.
Гарнитура: SchoolBook, Prosto, Traktir.
Номер выпущен в формате PDF

Учредитель: Неципорук Иван Иванович (Горловка).

